

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1970 ГОДА,
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

ЭКОномика и организация
промышленного производства

9 (555) 2020

Главный редактор **В.А. КРЮКОВ**, академик РАН,
директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.Г. Аганбегян, РАНХ и ГС при Президенте РФ, академик РАН, Москва; **А.О. Баранов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, зав. кафедрой НГУ, д.э.н., проф., Новосибирск; **Р. Бардацци**, факультет государственного управления, Университет Флоренции, д-р философии, проф. (Италия); **Е.Б. Бухарова**, директор Института экономики, управления и природопользования СФУ, к.э.н., проф., Красноярск; **Ш. Вебер**, президент РЭШ, д-р философии (Канада – Россия); **Ю.П. Воронов**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **И.П. Глазырина**, зав. лабораторией эколого-экономических исследований ИПРЭК СО РАН, д.э.н., Чита; **Л.М. Григорьев**, НИУ ВШЭ, к.э.н., проф., Москва; **В.И. Зоркальцев**, СЭИ СО РАН им. Л.А. Мелентьева, д.т.н., проф., Иркутск; **В.В. Колмогоров**, к.э.н., Москва; **В.В. Кулешов**, гл. науч. сотр. ИЭОПП СО РАН, академик РАН, Новосибирск; **Чжэ Ён Ли**, вице-президент Корейского института международной экономической политики, д-р философии (Республика Корея); **Юцзюнь Ма**, директор Института России, Хэйлунцзянская академия общественных наук, к.и.н., Харбин (Китай); **С.Н. Мироносецкий**, член СД ООО «Сибирская генерирующая компания»; **А. Му**, Институт Фритьофа Нансена, канд. полит. н. (Норвегия); **В.А. Никонов**, генеральный директор АО «Технопарк новосибирского Академгородка»; **В.И. Псарев**, зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполнительного комитета МАСС, к.э.н., д.т.н.; **Н.И. Суслов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, д.э.н., проф., Новосибирск; **А.В. Усс**, губернатор Красноярского края, д.ю.н., проф., Красноярск; **Хонгёл Хан**, Департамент экономики Университета Ханьянг, председатель Корейского института единения, д-р наук, проф. (Республика Корея); **Цзе Ши**, директор Центра международных энергетических исследований, Китайский институт международных исследований, Пекин (Китай); **А.Н. Швецов**, зам. директора по научной работе ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Институт системного анализа РАН, д.э.н., проф., Москва.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.В. Алексеев, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **С.Ю. Барсукова**, НИУ «Высшая школа экономики», д.соц.н., Москва; **Э.Ш. Веселова**, зам. главного редактора, Новосибирск; **К.П. Глущенко**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **Е.В. Гоосен**, Институт экономики и управления Кемеровского госуниверситета, к.э.н., Кемерово; **Е.А. Капогузов**, Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского, д.э.н., Омск; **В.И. Клисторин**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **Г.П. Литвинцева**, НГТУ, д.э.н., Новосибирск; **В.В. Мельников**, НГУЭиУ, НГТУ, к.э.н., Новосибирск; **Л.В. Мельникова**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **П.Н. Тесля**, зам. главного редактора, к.э.н., Новосибирск; **О.П. Фадеева**, ИЭОПП СО РАН, к.соц.н., Новосибирск; **Л.Н. Щербакова**, Кемеровский госуниверситет, д.э.н.; **В.В. Шмат**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск

УЧРЕДИТЕЛИ:

Учреждение Российской академии наук Сибирское отделение РАН,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет» (НГУ),
АНО «Редакция журнала «ЭКО»

ИЗДАТЕЛЬ:

АНО «Редакция журнала «ЭКО»

© ЭКО 2020

9 (555) 2020

Editor-in-chief, Member of RAS, **VALERY A. KRYUKOV**, Director of Institute of Economics and Industrial Engineering (IEIE), SB RAS

Editorial Board:

A.G. Aganbegyan, Member of RAS, Russian Academy of National Economy and Public Service Sponsored by the Russian President; **A.O. Baranov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS, Novosibirsk State University; **R. Bardazzi**, PhD, professor, University of Florence, Italy; **E.B. Bukharova**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Institute of Economics, Management and Land Use, Siberian Federal University, Krasnoyarsk; **I.P. Glazyrina**, Dr. Sci. (Econ.), Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, SB RAS, Chita; **L.M. Grigoriev**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Higher School of Economics, Moscow; **Jaе Young Lee**, PhD, Korean Institute for International Economic Policy; **Hong Yul Han**, PhD, professor, Hanyang University, The Korea Consensus Institute; **V.V. Kolmogorov**, Cand. Sci. (Econ.), professor; **V.V. Kuleshov**, Member of RAN, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **S.N. Mironosetsky**, Member of BoD, Siberian Generating Company; **A. Moe**, PhD, The Fridtjof Nansen Institute, Norway; **V.A. Nikonov**, Technopark of Novosibirsk Academgorodok; **V.I. Psarev**, Cand. Sci. (Econ.), Dr. Technical Sci., Interregional Association of the Economic Cooperation 'Siberian Accord', Altai State University; **A.N. Shvetsov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, Institute of Systems Analysis, RAS; **N.I. Suslov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS; **A.V. Uss**, Dr. Sci. (Law), professor, Governor of Krasnoyarsk Krai; **Sh. Weber**, PhD, Russian Economics School; **Yu.P. Voronov**, Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **Yutszyun Ma**, PhD (History), Russia Institute, Heilongjiang Academy of Social Sciences, Harbin, China; **Ze Shi**, Center of Energy Research, Institute of International Studies, Beijing, China; **V.I. Zorkaltsev**, Dr. Technical Sci., professor, Energy Systems Institute, SB RAS, Irkutsk.

Editorial Council:

A.V. Alekseev, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **S.Yu. Barsukova**, Higher School of Economics, Dr. Sci. (Sociology); **O.P. Fadeeva**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Sociology); **K.P. Gluschenko**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **E.V. Goosen**, Institute of Economics and Management of Kemerovo University, Cand. Sci. (Econ.); **E.A. Kapoguzov**, Omsk State University, Dr. Sci. (Econ.); **V.I. Klistorin**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **G.P. Litvintzeva**, Novosibirsk State Technical University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Melnikov**, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk State Technical University, Cand. Sci. (Econ.); **L.V. Melnikova**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **L.N. Shcherbakova**, Kemerovo University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Shmat**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **P.N. Teslia**, Deputy Editor-in-chief, Cand. Sci. (Econ.); **E.Sh. Veselova**, Deputy Editor-in-chief.

Founders:

Russian Academy of Sciences, Siberian Branch,
Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch, RAS
Novosibirsk State University
ANO Editorial Office of ECO journal

Prepared for publication by

ANO Editorial Office of ECO journal
Prospekt Akademika Lavrentyeva 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 4 Новый старый смысл
«правила Королевы»

Тема номера:

«ЗЕЛЕНое РАЗВИТИЕ» – СЛОВА И ДЕЛА

- 8 ГЛАЗЫРИНА И.П.
Тернистый путь
к «зеленой» экономике
- 24 ЗАБЕЛИНА И.А.
Эколого-экономическое
благополучие российских регионов:
сравнительный анализ
- 46 ТАГАЕВА Т.О.
Реформирование
управления деятельностью
по ликвидации отходов в РФ

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

- 62 ЕФИМОВ В.М.
Анти-Аузан: критика одной
социальной философии. Часть 1

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- 90 ДЕРБЕНЕВА В.В.
Электронное общественное участие
как вектор развития
инициативного бюджетирования

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

- 114 ЕФРЕМЕНКО В.Ф.
Постиндустриальные факторы
развития Дальнего Востока России
- 138 ФЕДОРОВА Е.А.,
ЧЕРНИКОВА Л.И.,
ПАСТУХОВА А.Э.,
ШИРЯЕВА Л.К.
Туризм и экономический рост:
региональный аспект
- 156 АСАУЛ А.Н.,
АСАУЛ М.А.,
ЛЕВИН Ю.А.,
СЕВЕК В.К.
Конкурентные преимущества
и инфраструктурные ограничения
в Республике Тыва: вызовы времени

КНИЖНАЯ ПОЛКА

- 169 КЛИСТОРИН В.И.,
ТЕСЛЯ П.Н.
Альтернативные взгляды
на экономику:
«Сочинения» Г.И. Ханина

CONTENTS

EDITORIAL

- 4 New old sense 'Queen's rules'

Cover Story:

'GREEN DEVELOPMENT' – WORDS AND ACTIONS

- 8 GLAZYRINA, I.P.
A Thorny Path
to 'Green' Economy
- 24 ZABELINA, I.A.
Assessment of Socio-Ecological
and Economic Well-being of Russian
Regions: Comparative Analysis
- 46 TAGAEVA, T.O.
Reforming of Waste Management
Activities in the Russian Federation

DEBATES

- 62 YEFIMOV, V.M.
Anti-Auzan: the Critique of a Social
Philosophy. Part 1

SOCIAL POLICY

- 90 DERBENEVA, V.V.
E-Participation as a Vector
of Developing Proactive Budgeting

REGIONAL DEVELOPMENT PROBLEMS

- 114 EFREMENKO, V.F.
Post-Industrial Factors for
Development of the Russian Far East
- 138 FEDOROVA, E.A.,
CHERNIKOVA, L.I.,
PASTUKHOVA, A.E.,
SHIRYAEVA, L.K.
Tourism and Economic Growth:
Regional Aspect
- 156 ASAUL, A.N.,
ASAUL, M.A.,
LEVIN, Yu.A.,
SEVEK, V.K.
Competitive Advantages
and Infrastructure Restrictions
in the Republic of Tyva:
Challenges of the Time

BOOKSHELF

- 169 KLITORIN, V.I.,
TESLIA, P.N.
Alternative Views on Economics:
'Writings' by G. I. Khanin

Новый старый смысл «правила Королевы»

Год 2020-й, скорее всего, сохранится в памяти как год острого осознания человечеством всей мнимости своего могущества над природной средой. Те опасения и предостережения, которые высказывали провидцы и мыслители на протяжении многих лет и поколений, к сожалению, стали явью. Нам с болью пришлось осознать и принять тот факт, что знание не безгранично и не всемогуще, а человек – не внешний по отношению к природе субъект, а одна из ее неотъемлемых внутренних составляющих, хотя, конечно, эта составляющая весьма значима и весома. Воздействие на природу и на фундаментальные основы ее функционирования достигло таких масштабов и пределов, что она стала непредсказуемо и непредвиденно меняться, порой неся в себе и своем новом развитии угрозу всему роду человеческому.

В определенном смысле похожая ситуация наблюдалась на рубеже 60–70-х гг. прошлого столетия и нашла отражение в работах и апокалиптических прогнозах Римского клуба. В тот период стало очевидно, что имеющиеся на Земле ресурсные возможности, которые доступны человечеству, далеко не беспредельны, и их нехватка вот-вот грозит вселенской катастрофой. Однако время идет, но ничего подобного не наблюдается – одни природные ресурсы приходят на смену другим, увеличиваются глубины и ареалы их доступности. Как результат, население планеты за это время выросло почти в три раза и все еще продолжает расти. Да, некоторые жизненно важные ресурсы остаются в относительной недоступности в отдельных регионах мира, но эта ситуация далеко не так безнадежна и катастрофична, какой казалась полвека тому назад.

Основная причина в том, что человечество (большинство стран и народов современного мира) усвоило на практике известное «правило Королевы» из сказки-притчи Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес» – «для того, чтобы остаться на том же месте, надо бежать изо всех сил» (*in this place it takes all the running you can do, to keep in the same place*). Силой, которая позволяет человечеству все еще жить на планете Земля

и отдаляет наступление ресурсной катастрофы, является сила разума и современного знания.

Именно сила разума и знания позволила не только найти ресурсы там, где их не искали и даже не подозревали об их наличии, но и, что особенно важно, – значительно изменить представления об инструментах поиска и о подходах к удовлетворению растущих потребностей растущего человечества. Разум и знание «заглянули» в микромир – перешли к синтезу новых веществ и изменению генетической основы окружающей среды. Ответ природы на подобное «вмешательство» оказался быстрым и во многом неожиданным. Одно из его проявлений – COVID-19 – стремительно меняющийся и перестраиваемый код агрессивных микроорганизмов.

Как ответить на этот новый глобальный вызов?

Рецепт, на наш взгляд, во многом схож с тем, который и ранее позволил найти выход из тупика – обращение к силе разума и знания. Однако «вектор» этой силы, очевидно, должен быть изменен. Он должен быть направлен не на рост обеспеченности различными ресурсами за счет увеличения экономической эффективности их освоения, вовлечения и использования, а на снижение интенсивности их эксплуатации с точки зрения уменьшения негативного воздействия на природу. При этом необходимо перейти от чисто объемных метрик использования ресурсов и обусловленных этим различных выбросов (от твердых отходов до парниковых газов) к метрикам «приростным». Только в этом случае можно обеспечить переход к «зеленому развитию», как отмечено на страницах тематической подборки этого номера. «Негативные воздействия на окружающую среду в расчете на единицу ВРП должны сокращаться тем сильнее, чем больше скорость роста экономики» (статья И. П. Глазыриной).

Как нам представляется, сегодня лишь научившись управлять интенсивностью выбросов, человечество сможет «остаться на месте» – продолжать жить и развиваться на планете Земля. «Правило Королевы» тем самым меняется и приобретает более сложный вид – необходимо не только поддерживать определенную скорость (например, динамику ВРП), но и уметь управлять порожденными ею изменениями.

Общие концептуальные основы могут быть реализованы только в случае единодушия и объединенных целенаправленных

усилий различных стран и народов. России это касается в полной мере, поскольку наша страна «является одним из мировых лидеров по объему образования отходов производства» (статья Т.О. Тагаевой).

В рамках движения в данном направлении в начале 2018 г. была утверждена Стратегия развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года (там же). К сожалению, этот документ, начиная с его структуры и заканчивая предлагаемыми механизмами реализации, весьма далек от упомянутого современного подхода к решению проблем ресурсного обеспечения и, тем более, уменьшения негативных воздействий на окружающую среду.

Причины этого далеко не новы – отсутствие системности, технократическая направленность предпринимаемых шагов и мер («объемы – деньги – технологии – сроки»), отсутствие понимания роли и связей различных уровней пространственной иерархии при решении экологических проблем.

Необходимость учета этих (и целого ряда других) важных черт и особенностей взаимодействия окружающей среды и экономики отмечалась исследователями разных стран неоднократно. В частности, в 1997–1998 гг. в рамках Международной программы по изучению роли человеческого фактора (International Human Dimensions Program – IHDP) отмечалось, что «взаимодействие между гуманитарным и экосистемным измерением в социально-экологических системах имеет характер не просто взаимосвязи, но их реальной интеграции и целостности... Без адекватного понимания связей на локальном, региональном, национальном, континентальном и глобальном уровнях невозможно продвижение в решении проблем устойчивого развития во всех трех измерениях: экологическом, экономическом и социокультурном... Необходимо новое социальное понимание роли технологий и знаний в процессе взаимодействия социокультурных и экологических систем»¹.

Именно в силу пренебрежения данными общими – системными и институциональными – условиями в России все еще

¹ Folke, C., Pritchard, L., Berkes, F., Colding, J. and Svedin, U. (2007). The problem of fit between ecosystems and institutions: ten years later. *Ecology and Society* 12(1): 30. URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol12/iss1/art3>

приходится говорить о том, что «необходимо целенаправленно доводить средства, вырученные от экосбора, до конкретных предприятий и региональных операторов, участвующих в утилизации отходов» (статья Т.О. Тагаевой). Как результат пренебрежения данными условиями, при более чем скромных результатах экономического развития, общий вклад качества окружающей среды в России в создание и поддержание приемлемого уровня жизни в целом малозаметен. Поэтому, например, на Дальнем Востоке (как и в целом ряде других регионов страны) «реализованные институциональные преобразования пока не способствовали заметному повышению благосостояния населения» (статья И. А. Забелиной).

Россия, как всегда, идет своим путем. В контексте поиска эффективных ответов на новые экологические и антропоферные вызовы мы сегодня находимся в самом начале этого пути. Есть определенное знание, есть понимание отдельных практических шагов и мер. Очевидно, что решение поставленных задач – вопрос не столько реализации той или иной стратегии (программы), спущенной «сверху», сколько консолидации общества вокруг и в связи с достижением основной цели социально-экономического развития – обеспечения достойной жизни ныне живущим и будущим поколениям. Никто за нас и для нас не сделает нашу и наших детей жизнь более здоровой и содержательной.

Главный редактор «ЭКО»

КРЮКОВ В.А.

Тернистый путь к «зеленой» экономике¹

И.П. ГЛАЗЫРИНА, доктор экономических наук. E-mail: iglazyrina@bk.ru
Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН,
Забайкальский государственный университет, Чита

Аннотация. В работе рассматривается вопрос о том, насколько существующие в России институты платного природопользования способствуют решению задач перехода к «зеленой» экономике. Показано, что в ситуации, когда расчет платежей производится пропорционально объему произведенной продукции, возникают стимулы для снижения эко-интенсивности, что само по себе является позитивным фактором. Однако анализ и расчеты свидетельствуют, что этого недостаточно для «зеленого» экономического роста. Целесообразно установление некоторого уровня эко-интенсивности, в случае превышения которого платежи за негативное воздействие существенно растут. Один из способов создания стимулов для «зеленого» роста – регулярное понижение этого «нормативного порога». Необходимо, чтобы это снижение происходило с достаточно высокой скоростью – тем выше, чем выше темпы экономического роста. Такие высокие темпы экологической модернизации требуют новых институциональных инструментов регулирования. Представлена модель «дорожной карты», реализующей этот механизм.

Ключевые слова: принцип «загрязнитель платит»; «зеленый рост»; декарлинг; эко-интенсивность; природоохранные институты

Примерно с начала третьего тысячелетия в мире наблюдается резкий рост спроса на качество окружающей среды. В странах ОЭСР он, конечно, начался гораздо раньше, но сейчас в этот процесс включились и многие другие государства. Экологическая повестка в России существует достаточно давно в силу, прежде всего, традиционно высокого уровня образования. Однако в последние пару десятилетий ее актуальность стала очевидной для самых широких слоев населения, включая тех, кто многие годы были индифферентны к подобным вопросам. Это произошло, несомненно, вследствие очевидной экологической деградации, с одной стороны, и, с другой – вследствие растущего осознания гражданами важности своего участия и своей ответственности.

Последствия негативного антропогенного воздействия, несмотря на его изначально локальный характер, приобретают все большую значимость для обширных территорий, и встает вопрос

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований СО РАН (ХI.174.1).

об экологической модернизации не только отдельных производств, но и социо-, эколого-экономических систем. В качестве таких систем могут рассматриваться целые страны. Однако в России, с учетом огромного разнообразия природных и социально-экономических условий ее различных территорий, более целесообразно изучать эти процессы на уровне регионов и макрорегионов – краев, областей, республик, округов. Важно и то, что на уровне этих субфедеральных единиц действует значительная часть формальных природоохранных институтов. Для ресурсных регионов на востоке России вопросы защиты природной среды самым непосредственным образом связаны с качеством жизни, потому что природопользование охватывает значительный сектор их экономики, и использование природных ресурсов – почти безальтернативный вариант их развития в среднесрочной перспективе.

Уровень благосостояния в России остается низким, во всяком случае, в глазах значительной части населения. Кроме того, он практически не растет после 2014 г. Определенный потенциал для его повышения, несомненно, есть в устранении диспропорций в распределении национального богатства между различными слоями общества. Однако главные надежды возлагаются на экономический рост, который неизбежно приведет к возникновению новых «субъектов воздействия» на окружающую среду, что повлияет на качество жизни в экологическом отношении [Рюмина, 2016]. Поэтому на первый план выходят идеи «зеленой» экономики и «зеленого» роста [Бобылев и др., 2013]². В данной работе обсуждается вопрос эффективности государственных природоохранных институтов в этом контексте.

Технологическая модернизация не всегда гарантирует «зеленый» рост

Природоохранные меры государственного регулирования, как правило, направлены на стимулирование экологической модернизации производств, при этом целевым ориентиром является более эффективное природопользование, под которым подразумевается получение лучших экономических результатов

² United Nations Environment Programme (UNEP). 2011. Towards a green economy: Pathways to sustainable development and poverty eradication. URL: http://www.unep.org/greeneconomy/Portals/88/documents/ger/ger_final_dec_2011/Green%20EconomyReport_Final_Dec2011.pdf

с меньшим использованием природных ресурсов и меньшим ущербом для окружающей среды в каждом конкретном случае производства товаров и услуг. Несомненно, успешное решение этой задачи – шаг в направлении «зеленой экономики». Но всегда ли это означает «зеленый» рост?

Если включать в понятие «зеленого» роста требование общего снижения негативного антропогенного воздействия, то ответ на этот вопрос – отрицательный. В целом ряде исследований [Alcott, 2005; Hovardas, 2016; и др.] отмечается эффект, аналогичный описанному в известном «парадоксе Джевонса». В работе 1865 г., во времена промышленной революции, В. Джевонс [Jevons, 1905] заметил: несмотря на то, что первоначальной мотивацией модернизации паровых машин было снижение потребления угля, в результате его потребление выросло. Более эффективное использование угля в паровых двигателях фактически увеличивало общее потребление угля, железа и других ресурсов. Это, в свою очередь, привело к значительным негативным экологическим последствиям, которые сегодня хорошо известны.

Аналогичные процессы часто происходят и в тех случаях, когда с помощью мер экологического регулирования формируются сравнительные преимущества для тех производств, которые более экономично используют ресурсы и снижают негативное воздействие на окружающую среду. В результате экономического стимулирования развития таких технологий повышается эффективность использования природных ресурсов и уменьшается удельный спрос (то есть спрос в расчете на единицу экономического результата, это так называемая эко-интенсивность [De Naap, 2004; Экологические..., 2005]). Но сам рост эффективности увеличивает коммерческую привлекательность модернизированного сектора [Warner, 2010; Wolfe, 2012; Hovardas, 2016]. В условиях значительного природно-ресурсного потенциала именно туда прежде всего и направляются инвестиции. Это в конечном итоге увеличивает спрос на природные ресурсы и антропогенную нагрузку на природные системы. Вряд ли такой рост можно назвать «зеленым», несмотря на то, что в расчете на единицу произведенной добавленной стоимости количество загрязнений или использованных природных ресурсов уменьшилось.

Простое и красивое решение вопроса о «диагностике» «зеленого роста» предложил П. Виктор [Victor, 2015]. Для концептуальной

схемы своей модели он использовал один из хорошо известных индикаторов эко-интенсивности: объем выбросов углерода в расчете на единицу внутреннего валового продукта (ВВП), и на этой основе разработал правило, которое позволяет характеризовать динамику развития как «зеленый», «коричневый» или «черный» рост по отношению к климатическим последствиям хозяйственной деятельности, в том числе – в периоды экономического спада. Его расчеты показали, что экономический рост в Канаде за последние десятилетия может быть охарактеризован преимущественно как «коричневый».

Модель П. Виктора была использована китайскими учеными [Shang et al., 2015] для оценки динамики китайской экономики, также по отношению к выбросам углерода. Авторы показали, что для периода с 1971 по 2010 гг. экономический рост в Китае был «черным» или «коричневым», хотя начиная с 2005 г. наблюдаются определенные улучшения.

Эта модель была использована и для изучения эколого-экономической динамики регионов России, где рассматривались не только выбросы углерода, но и другие виды негативного антропогенного воздействия [Glazyrina&Zabelina, 2016; Забелина, Делюга, 2019]. Показано, что в южных приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока в период с 2000 г. по 2014 г. отмечалось снижение эко-интенсивности, что можно интерпретировать как свидетельство системной технологической модернизации. В то же время, в зависимости от вида воздействия, примерно в половине случаев это был «коричневый» рост, а иногда – «черный». В работах автора и коллег [Glazyrina&Zabelina, 2018; Glazyrina et al., 2015] эта модель была модифицирована для оценки пространственного распределения «зеленых» тенденций; там была выявлена высокая степень межрегионального социально-экологического неравенства.

Работает ли принцип «загрязнитель платит»?

В основе механизмов регулирования эколого-экономических отношений лежит принцип «загрязнитель платит». Он призван снизить негативное воздействие производственных процессов на окружающую среду путем стимулирования развития и внедрения более совершенных технологий. В Европейском союзе набор инструментов такой «системной» модернизации достаточно

широк: это не только экологические налоги и сборы, но и правила использования природных ресурсов (включая землю, недра, воду, лес и др.), а также поддержку развития и внедрения новых экологически благоприятных технологий [Baker, 2000].

Этот же подход практикует Россия. Принцип «загрязнитель платит» закреплён в российском законе «Об охране окружающей среды»³ в формулировке, устанавливающей плату за негативное воздействие на окружающую среду (Ст. 16). Вообще, введение подобных платежей – самый распространённый в мире способ стимулирования экологизации бизнеса.

Платежи взимаются за каждую единицу (например, тонну) выбросов или сбросов загрязняющих субстанций. Конкретные суммы обычно рассчитываются косвенным путем – определяется удельный объём загрязнения (или расхода ресурсов) в расчёте на каждую единицу продукции, произведённую по той или иной технологии, используемой на предприятии, и затем он умножается на объём выпуска продукции. Поэтому такие платежи стимулируют снижение эко-интенсивности. Это, в свою очередь, способствует технологической модернизации производственных процессов и является позитивным фактором. Однако некоторые скрытые негативные моменты могут снижать экологическую эффективность данного механизма.

Первый связан в парадоксом Джевонса: модернизированный сектор может стать настолько коммерчески привлекательным, что следствием станет существенное расширение производства и в перспективе – рост общей экологической нагрузки. С этим связан некоторый «научный пессимизм» в отношении перспектив экологического регулирования; скептики приводят этот фактор как аргумент в пользу идеи сознательного ограничения экономического роста или даже «анти-роста» (degrowth). Этой дискуссии посвящён довольно существенный пласт западной эколого-экономической литературы (см. например, обзор [Kallis et al., 2012]).

Второй фактор – неадекватность уровня платежей реальному ущербу. Платежи в России намного ниже, чем в большинстве стран, и не могут служить приемлемой компенсацией за нанесённый вред. Этот вопрос также широко обсуждается в научной

³ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 09.04.2020).

среде, убедительные расчеты представлены, например, в работах Т.О. Тагаевой [Тагаева, 2011]. В частности, она показала, что если ущерб от выброса вредных веществ для здоровья населения с точки зрения компенсации медицинских расходов на лечение гораздо выше получаемых платежей, вряд ли уровень последних можно считать адекватным.

Третий фактор, снижающий эффективность рассматриваемого инструмента – отсутствие надежных механизмов *целевого* направления полученных средств на решение экологических проблем. Платежи, поступающие в региональные и местные бюджеты, в условиях хронического недостатка средств часто используются для решения срочных задач, связанных с оплатой труда работников бюджетной сферы, ЖКХ и т.п. Отметим, что в 1990-х годах эти платежи имели целевой характер, однако после административной реформы начала 2000-х ситуация изменилась.

Четвертый фактор связан с неоправданно низким уровнем экологических платежей в некоторых секторах экономики. Это не создает стимулов не только для модернизации производств, но и для выполнения норм природоохранного законодательства. Предприятиям оказывается выгоднее оплатить не только экологические платежи, но и штрафы, чем вкладываться в модернизацию. В этой ситуации институты эколого-экономического регулирования становятся имитационными – они совсем не выполняют задач, для которых были созданы. Результаты эмпирических исследований этого феномена для сектора добычи россыпного золота описаны и опубликованы [Glazyrina et al., 2017].

Пятый фактор – это слабость системы экологического контроля, которая проявляется практически во всем. Причины здесь те же, что в других сферах госконтроля. Это доминирование системы «вертикальной» отчетности перед вышестоящими инстанциями по показателям (над горизонтальной – перед гражданами – за результаты); разрастающаяся годами дорогая бюрократическая система, ориентированная на производство показателей (а не результатов) [Вольчик, 2018; Тамбовцев, 2019]; одновременно – недофинансирование практического контроля (например, кардинальное сокращение лесной охраны после принятия Лесного кодекса в 2006 г.); высокий уровень коррупции.

Наконец, *шестой* фактор, который в некоторой степени можно считать одной из причин всех других: в России нет надежных

каналов обратной связи между обществом и органами управления, которые своей деятельностью должны быть призваны отвечать на запросы граждан, но этого не делают. Впрочем, эта проблема не является специфической только для охраны окружающей среды – мы видим много примеров ее проявления во всех других сферах российской действительности.

Чаще всего все эти факторы проявляются не по отдельности, а в комбинации друг с другом. Примером может служить сфера обращения с отходами в России. С одной стороны, эта деятельность была хронически недофинансирована в течение многих лет. В условиях переходной экономики и низких доходов граждан политики опасались существенно повышать платежи населения и бизнеса на эти цели. Но и те суммы, что собирались, использовались крайне неэффективно. Если бы в свое время была поставлена задача постепенно создать необходимую перерабатывающую инфраструктуру *за счет целевого использования* платежей за вывоз мусора, то сейчас проблема не выросла бы до таких почти катастрофических масштабов. Сегодня попытка решить ее путем создания вертикальных структур и монополизации создает новые проблемы (см. статью Т.О. Тагаевой в этом выпуске).

О количественных параметрах «зеленого» роста

В этом разделе мы более подробно рассмотрим вопросы, связанные с парадоксом В. Джевонса и диагностикой «зеленого» роста. При огромном количестве исследований, посвященных «зеленой» экономике, в научной литературе проблемы собственно «зеленого» роста обсуждаются нечасто, и здесь нет единого подхода. Некоторые исследователи связывают «зеленый» рост с эффектом декаплинга: снижение эко-интенсивности при наличии (положительного) экономического роста. Точнее, «когда темп экономического роста опережает темпы роста потребления ресурсов или загрязнения окружающей среды, наблюдается эффект декаплинга» [Зеленая экономика..., 2019. С. 152].

Действительно, пусть E_0 и E_t – показатели, характеризующие негативное воздействие на окружающую среду, Y_0 и Y_t – ВВП в базовом и текущем периодах. Тогда эко-интенсивность будет равна $e_0 = E_0 / Y_0$, $e_t = E_t / Y_t$ соответственно. Условие превышения скорости экономического роста над скоростью роста загрязнений соответствует неравенству $E_t / E_0 \leq Y_t / Y_0$, что очевидно, эквивалентно $e_t \leq e_0$,

то есть условию снижения эко-интенсивности в текущем периоде по сравнению с базовым.

Однако, как уже отмечалось, в этом случае рост может быть «коричневым». Это означает, что хотя удельные показатели негативного воздействия (эко-интенсивность) снижаются, но общая экологическая нагрузка увеличивается за счет роста выпуска продукции⁴. При каких же условиях рост будет «зеленым», т.е. наряду со снижением эко-интенсивности будут снижаться и общие выбросы?

Предположим, уровень экономического роста в 1-й год был равен g , т.е. $Y_1 = Y_0 (1+g)$. Тогда из условия $E_1 \leq E_0$ следует неравенство $e_1 \leq e_0 / (1+g)$. В общем случае, если экономический рост будет постоянным и равным g в течение t лет, то для выполнения требования $E_t \leq E_0$ необходимо

$$e_t \leq e_0 / (1+g)^t = p(t). \quad (1)$$

Таким образом, для «зеленого» роста требуется не просто постоянное снижение эко-интенсивности, его скорость должна быть не меньше, чем скорость убывания функции $1/(1+g)^t = p(t)$.

Поскольку на практике платежи за негативное воздействие рассчитываются пропорционально объему произведенной продукции, то стимулирующее воздействие они оказывают именно на показатель эко-интенсивности. Условие (1) показывает, что этот показатель должен неуклонно снижаться. Один из способов создания стимулов для этого – ежегодное (или, по крайней мере, регулярное) «понижение нормативного порога» – того уровня эко-интенсивности, в случае превышения которого платежи за негативное воздействие существенно растут.

Это, вероятно, встретит определенное сопротивление бизнеса. Однако, если общество выбирает путь развития, соответствующий «зеленому» росту, он должен принять это самоограничение. Судя по истощению ресурсов планеты, оно будет не последним. Хорошая новость в том, что скорость «снижения порога» с каждым годом будет снижаться. Это следует из того факта, что абсолютная величина производной функции $1/(1+g)^t$ монотонно убывает:

$$\lim | (1/(1+g)^t)' | = \lim | -\ln(1+g)/(1+g)^t | = 0 \quad (t \rightarrow \infty).$$

⁴ Подробная методика определения «цвета» экономического роста описана в работе И. П. Глазыриной, И. А. Забелиной [Glazyrina & Zabelina, 2016, 2018].

Для исключения (или снижения) неопределенности стоит разработать «дорожную карту» движения к зеленой экономике.

Модель «дорожной карты». Например, можно поставить задачу регулярного (скажем, ежегодного) снижения экоинтенсивности на $x\%$ в течение некоторого периода, когда ежегодный рост будет составлять $g\%$, таким образом, чтобы экономически стимулировать «зеленый» рост. Несложный расчет показывает (параметры x и g представлены далее не в $\%$, а в долях), что

при $e_t = e_0(1-x)^t$ получаем $E_t = E_0(1-x)^t(1+g)^t$.

Из условия «зеленого» роста, т.е. $E_t \leq E_0$ следует $(1-x)^t(1+g)^t < 1$, т.е. $x > g/(1+g)$ (2).

Таким образом, величина $g/(1+g) = \beta$ служит *пороговым значением* для величины ежегодного снижения экоинтенсивности.

В последние несколько лет не только в научных, но и в общественных экологических дискурсах, преимущественно связанных с климатическими изменениями⁵, эффект декаплинга рассматривается в качестве некоторого показателя движения к «зеленой» экономике [Decoupling..., 2011; Nagvi, Zwickl, 2017; Шкиперова, 2014; Zabelina, 2019; Зеленая экономика..., 2019]⁶.

Для измерения этого эффекта используется формула:

$$D_t = 1 - \frac{E_t/Y_t}{E_0/Y_0} .$$

Если значение коэффициента D_t равно нулю или отрицательно, то эффект декаплинга отсутствует.

Как показано выше, положительное значение декаплинга является необходимым, но не достаточным условием для «зеленого» роста. Достаточным будет более сильное ограничительное условие (1). Обозначим $e_t^* = e_0(1+g)^t$. Тогда соответствующий коэффициент декаплинга будет равен

$$D_t^* = 1 - e_t^*/e_0(1+g)^t = 1 - 1/(1+g)^t.$$

⁵ URL: <https://www.carbonbrief.org/mapped-us-states-decoupling-economic-growth-emissions> (дата обращения: 01.03.2020).

⁶ OECD annual report (2002). URL: <https://www.oecd.org/about/2080175.pdf> (дата обращения: 05.04.2020).

Это и будет граница «зеленого» декарпинга: при $D_t > D^{\wedge}_t$ рост будет «зеленым», в противном случае он может быть «коричневым» и даже «черным».

Для того чтобы продемонстрировать, насколько существенной может быть зависимость от скорости экономического роста, приведем модельные расчеты (таблица).

Три варианта значений среднегодового роста за пять лет

Показатель	Год				
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й
Экономический рост 5% ($g=0,05$), $\beta = 0,0467$					
Пороговое значение коэффициента эко-интенсивности $\rho(t)$	0,9524	0,907	0,8638	0,8227	0,7835
Граница «зеленого» декарпинга	0,0476	0,0923	0,1361	0,1772	0,2164
Экономический рост 3% ($g=0,03$), $\beta = 0,0291$					
Пороговое значение коэффициента эко-интенсивности $\rho(t)$	0,9708	0,9426	0,9151	0,8884	0,8626
Граница «зеленого» декарпинга	0,0291	0,0574	0,0848	0,1115	0,1347
Экономический рост 1% ($g = 0,01$), $\beta = 0,0099$					
Пороговое значение коэффициента эко-интенсивности $\rho(t)$	0,99	0,9803	0,9705	0,961	0,9515
Граница «зеленого» декарпинга	0,01	0,0197	0,0294	0, 039	0,0485

Источник: рассчитано автором.

Расчеты в таблице показывают, что даже при низких темпах роста (1%) для того, чтобы он был «зеленым», требуется снижение эко-интенсивности – за пять лет оно должно составить не менее 4,85%. При средних темпах (3%) ежегодное снижение эко-интенсивности должно быть не менее 2,91%. При достаточно высоких темпах (5%) экономический рост «зеленеет» лишь при условии ежегодного снижения эко-интенсивности не менее, чем на 4,67%, а по итогам пятилетки она должна снизиться более чем на 21%. То есть для обеспечения «зеленого» роста негативные воздействия на окружающую среду в расчете на единицу ВВП должны сокращаться тем сильнее, чем больше скорость роста экономики.

Если механизмы регулирования будут ориентированы лишь на достижение положительных значений декарпинга, это еще не обязательно приведет к «зеленому» росту. Например, расчеты таблицы показывают, что если установить целевой уровень декарпинга в 10% (т.е. 0,1) по отношению к базовому году, то этого будет вполне достаточно для «зеленого» роста экономики в 1%.

Однако при росте 3% мы перейдем к «коричневому» росту уже на четвертый год, а при росте 5% – на третий год пятилетки.

Предложенный вариант институциональной трансформации института платного природопользования не решит всех проблем. В частности, отдельного инструментария требует задача учета накопленных загрязнений и других форм долгосрочных негативных последствий [Glazyrina et al., 2006].

Заключение: «зеленая» экономика требует новых институтов

Система платежей за негативное воздействие на окружающую среду в ее нынешнем виде сформировалась в начале 1990-х годов. Но, сыграв положительную роль в первые годы после становления, этот институт к настоящему времени в значительной степени утратил ту регулирующую функцию, для которой был создан. Это произошло, с одной стороны, в результате изменений в бюджетном кодексе в начале «нулевых» годов, когда сборы за негативное воздействие перестали быть целевыми, т.е. должны были бы направляться исключительно на экологические цели. С другой стороны, их корректировка все эти годы шла со значительным отставанием от инфляции.

По большинству видов загрязняющих веществ уровень платежей, очевидно, не соответствует реальному ущербу, который наносят выбросы и сбросы. Борьба за ренту в сырьевых отраслях проявляется и в сдерживании роста экологических платежей, и в «торможении» экологических законов, и фактически становится более доходной деятельностью, чем разработка экологически безопасных технологий. Это подтверждает неоднократно высказанное в научных исследованиях мнение о том, что если в государстве доминируют институты, способствующие рентоориентированному поведению хозяйствующих субъектов, то на это отвлекаются и направляются на непродуктивные виды деятельности значительные финансовые ресурсы.

Что касается компенсационной функции этого инструмента, т.е. его направленности на сбор и аккумулирование средств с целью использования в природоохранных целях, то она была существенно снижена после 2000 г., когда изменения бюджетного законодательства привели к утрате целевого (экологического) предназначения собранных средств.

Система расчетов экологических платежей пропорционально объему произведенной продукции стимулирует снижение эко-интенсивности и тем самым способствует технологической модернизации. Но, как показывает наш анализ, для «зеленого» роста экономики необходимо не просто снижение удельных воздействий в расчете на единицу экономического результата. Необходимо, чтобы это снижение происходило с достаточно высокой скоростью – тем выше, чем выше темпы экономического роста. Такие высокие темпы экологической модернизации требуют новых институциональных инструментов регулирования.

Таким образом, «индивидуальная технологическая модернизация» (на уровне отдельных предприятий, компаний и даже отраслей) не означает автоматически экологическую модернизацию социо-, эколого-экономических систем в целом. *Устойчивый экономический рост для того, чтобы стать «зеленым», требует, как минимум, регулярной корректировки экологических нормативов.* Как уже отмечалось, для бизнеса важно, чтобы «правила игры» были известны заранее, на достаточном временном горизонте. Поэтому схему корректировки целесообразно утвердить в виде «дорожной карты», где нормативы будут зависеть от скорости экономического роста.

Беспрецедентные экономические шоки весны 2020 г. только на первый взгляд снижают актуальность такой постановки. Несомненно, экологическая модернизация будет увеличивать издержки производства товаров и услуг. Однако последние события показали, что цена нарастающей нагрузки на природные системы, когда «природа устала», может быть чрезвычайно высокой. Поэтому шаги, направленные на институционализацию бережного отношения к природе и на сознательное самоограничение в процессе ожидаемого восстановительного роста, могут быть восприняты обществом исключительно позитивно. Здесь очень важно, чтобы в вопросах определения путей развития доминировал «общественный выбор», а не рентаориентированные усилия небольших групп. Для повышения эффективности природоохранного регулирования многие препятствия могут быть преодолены на пути укрепления базовых публичных институтов: прежде всего для формирования в России надежных каналов обратной связи между обществом и органами государственного управления всех уровней.

Литература

Бобылева С.Н., Соловьева С.В., Ситкина К.С. Индикаторы устойчивого развития Уральского региона // Экономика региона. 2013. № 2. С. 10–17. DOI: 10.17059/2013–2–1.

Вольчик В.В. Восхождение метрик // Terra Economicus. 2018. Т. 16. № 4. С. 6–16.

Забелина И.А., Делюга А.В. Геоэкологические индикаторы устойчивого развития: пространственный анализ // Устойчивое развитие горных территорий. 2019. Т. 11. № 1 (39). С. 15–25.

Зелёная экономика и цели устойчивого развития для России / Под ред. С.Н. Бобылёва, П.А. Кирюшина, О.В. Кудрявцевой. М.; Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019. 284 с.

Рюмина Е.В. Экологические аспекты оценки качества жизни // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 4. С. 1113–1122.

Тагаева Т.О. Совершенствование механизма экологических платежей с использованием результатов прогноза эколого-экономического развития РФ // Проблемы прогнозирования. 2011. № 3. С. 142–153.

Тамбовцев В.Л. Управление без измерений // Terra Economicus. 2019. Т. 17. № 3. С. 6–29.

Шкунерова Г.Т. Анализ и моделирование взаимосвязи между экономическим ростом и качеством окружающей среды (на примере республики Карелия) // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 43 (394). С. 41–49.

Экологические индикаторы качества роста региональной экономики / Ред. И.П. Глазыриной, И.М. Потравного. М.: НИИ-Природа, 2005. 306 с.

Alcott B. Jevons' paradox // Ecological Economics. 2005. 54(1). Pp. 9–21

Baker S. The European Union: integration, competitions, growth and sustainability // Implementing Sustainable Development: Strategies and Initiatives in High Consumption Societies. 2000. Pp. 303–421.

De Haan, M. Accounting for goods and bads. Voorburg, Statistics Netherlands. 2004. 216 p.

Decoupling natural resource use and environmental impacts from economic growth. A Report of the Working Group on Decoupling to the International Resource Panel (2011). Available at: http://www.gci.org.uk/Documents/Decoupling_Report_English.pdf (accessed 14 June 2019).

Glazyrina I.P., Zabelina I.A. The Silk Road Economic Belt and green growth in the east of Russia // Journal of Resources and Ecology. 2016. № 7(5). Pp. 342–351.

Glazyrina I.P., Zabelina I.A. Spatial heterogeneity of Russia in the light of the concept of a green economy: the social context // Geography and Natural Resources. 2018. № 39(2). Pp. 103–110.

Glazyrina I.P., Faleichik L.M., Yakovleva K.A. Socioeconomic effectiveness and “green” growth of regional forest use // Geography and Natural Resources. 2015. Vol. 36. Issue 4. Pp. 327–334.

Glazyrina I.P., Mikheev I.E., Eloyan A. Yu. Accommodation of Ecological and Economic Interests in Placer Gold Mining // Geography and Natural Resources. 2017. Vol. 38. № 3. P. 275–280.

Glazyrina I.P., Glazyrin V.V., Vinnichenko S.V. The polluter pays principle and potential conflict in society // Ecological Economics. 2006. 59(3). Pp. 324–330.

Hovardas T. Two paradoxes with one stone: a critical reading of ecological modernization // *Ecological Economics*. 2016. № 130. Pp. 1–7.

Jevons W.S. The Coal Question: an Inquiry Concerning the Progress of the Nation, and the Probable Exhaustion of our Coal-mines. New York, 1905. Macmillan and Co, 467 p.

Kallis G., Kerschner C., Martinez-Alier J. The Economics of degrowth // *Ecol. Econ.*, 2012. Vol. 84. Pp.172–280.

Nagvi A., Zwickl K. Fifty shades of green: Revisiting decoupling by economic sector and air pollutants // *Ecological Economics*. 2017. 133. Pp. 111–126.

Shang Yongmin, Si Yuefang, Zang Gang. Black or Green? Economic growth patterns in China under low carbon economy targets // *Journal of Resources and Ecology*. 2015. № 6 (5). Pp. 310–317.

Victor P. The Kenneth E. Boulding Memorial Award 2014: Ecological economics: A personal journey, *In Ecological Economics*, 2015. Pp.109, 93–100.

Warner R. Ecological modernization theory: towards a critical ecopolitics of change? // *In Environmental Politics*. 2010. № 19(4). Pp. 538–556.

Wolfe M. Beyond “green buildings”: exploring the effects of Jevons’ Paradox on the sustainability of archival practices. // *Archival Science*. 2012. 12(1). Pp. 35–50.

Zabelina I.A. Decoupling in environmental and economic development of regions-participants of cross-border cooperation // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019. № 12(1). Pp. 241–255.

Статья поступила 14.04.2020.

Статья принята к публикации 11.05.2020.

Для цитирования: *Глазырина И.П.* Тернистый путь к «зеленой» экономике // *ЭКО*. 2020. № 9. С. 8-23. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-9-8-23.

Summary

Glazyrina, I.P., Doct. Sci. (Econ.), Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, SB RAS, TRANS-Baikal State University, Chita

A Thorny Path to Green Economy

Abstract. The paper examines an extent to which the existing institutions of environmental management in Russia contribute to solving the problems of transition to a “green” economy. It is shown that in a situation where payments are calculated in proportion to the volume of production, there are incentives to reduce eco-intensity, which is a positive factor. However, analysis and calculations show that this is not enough for “green” economic growth. It is advisable to set a threshold level of eco-intensity. In case of exceeding this level payments for negative impact significantly increase. One way to create incentives for green growth is to regularly lower this “regulatory threshold”. It is necessary that this decline occurs at a fairly high rate – the higher the rate of economic growth. Such high rates of environmental modernization require new institutional regulatory tools. A “road map” model for implementation of this mechanism is presented.

Keywords: “polluter pays” principle; green growth; decoupling; eco-intensity; environmental institutions

References

- Alcott, B. (2005). Jevons' paradox. *Ecological Economics*. No. 54(1). Pp. 9–21.
- Baker, S. (2000). The European Union: integration, competitions, growth and sustainability. Implementing Sustainable Development: Strategies and Initiatives in High Consumption Societies. Pp. 303–421.
- Bobylev, S.N., Solovyova, S.V., Sitkina, K.S. (2013). Sustainable development indicators of the Ural region. *Ekonomika regiona. Economy of Region*. No. 2. Pp. 10–17. DOI: 10.17059/2013–2–1. (In Russ.).
- De Haan, M. (2004). *Accounting for goods and bads*. Voorburg, Statistics Netherlands. 216 p.
- Decoupling natural resource use and environmental impacts from economic growth. A Report of the Working Group on Decoupling to the International Resource Panel (2011). Available at: http://www.gci.org.uk/Documents/Decoupling_Report_English.pdf (accessed 14 June 2019).
- Glazyrina, I.P., Glazyrin V.V., Vinnichenko, S.V. (2006). The polluter pays principle and potential conflict in society. *Ecological Economics*. No. 59(3). Pp. 324–330.
- Glazyrina, I.P., Faleichik, L.M., Yakovleva, K.A. (2015). Socioeconomic effectiveness and “green” growth of regional forest use. *Geography and Natural Resources*. Vol. 36. Issue 4. Pp. 327–334.
- Glazyrina, I.P., Mikheev, I.E., Eloyan, A. Yu. (2017). Accommodation of Ecological and Economic Interests in Placer Gold Mining. *Geography and Natural Resources*. Vol. 38. No. 3. Pp. 275–280.
- Glazyrina, I.P., Zabelina, I.A. (2018). Spatial heterogeneity of Russia in the light of the concept of a green economy: the social context. *Geography and Natural Resources*. No. 39(2). Pp. 103–110.
- Glazyrina, I.P., Zabelina, I.A. (2016). The Silk Road Economic Belt and green growth in the east of Russia. *Journal of Resources and Ecology*. No. 7(5). Pp. 342–351.
- Green economy and sustainable development goals for Russia* (2019). S. Bobylev, P. Kiryushina, O. Kudryavtseva (eds). Faculty of Economics of Lomonosov Moscow state University, Moscow. 284 p. (In Russ.).
- Hovardas, T. (2016). Two paradoxes with one stone: a critical reading of ecological modernization. *Ecological Economics*. No. 130. Pp. 1–7.
- Jevons, W.S. (1905). *The Coal Question: an Inquiry Concerning the Progress of the Nation, and the Probable Exhaustion of our Coal-mines*. New York, Macmillan and Co, 467 p.
- Kallis G., Kerschner C., Martinez-Alier J. (2012). The Economics of degrowth. *Ecol. Econ*. Vol. 84. Pp. 172–280.
- Nagvi, A., Zwickl, K. (2017). Fifty shades of green: Revisiting decoupling by economic sector and air pollutants. *Ecological Economics*. No. 133. Pp. 111–126.
- Quality of growth indicators for regional economies*. (2005). I. Glazyrina, L. Faleychik (eds). NIA-Priroda, Moscow. 306 p. (in Russ.).
- Ryumina, E.V. (2016). Ecological Aspects of the Assessment of Quality of Life. *Ekonomika regiona. Economy of Region*. Vol. 12. No. 4. Pp. 1113–1122. DOI: 10.17059/2016–4–13. (In Russ.).

Shang, Yongmin, Si, Yuefang, Zang, Gang. (2015). Black or Green? Economic growth patterns in China under low carbon economy targets, *Journal of Resources and Ecology*. No. 6 (5). P. 310–317.

Shkiperova, G. T. (2014). Analysis and modeling of relationship between economic growth and environmental quality (the case of the Republic of Karelia) // *Economic Analysis: Theory and Practice* 43(394) Pp. 41–49.

Tagaeva, T.O. (2011). Improving environmental charges using results of the forecast of the environmental and economic development of the Russian Federation. *Studies on Russian Economic Development*. T. 22. No. 3. Pp. 331–338.

Tambovtsev, V.L. (2019). Control without measurements. *Terra Economicus*. Vol. 17. No. 3. Pp. 6–29.

Victor, P. (2015). The Kenneth E. Boulding Memorial Award 2014: Ecological economics: A personal journey, *In Ecological Economics*, 109, Pp. 93–100.

Volchik, V.V. (2018). Metrics ascension. *Terra Economicus*. Vol. 16. No. 4. Pp. 6–16.

Warner, R. (2010). Ecological modernization theory: towards a critical ecopolitics of change? *In Environmental Politics*. No. 19(4). Pp 538–556.

Wolfe, M. (2012). Beyond “green buildings”: exploring the effects of Jevons’ Paradox on the sustainability of archival practices. *Archival Science*. No. 12(1). Pp. 35–50.

Zabelina, I.A. (2019). Decoupling in environmental and economic development of regions-participants of cross-border cooperation // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 12(1), 241–255.

Zabelina, I.A., Deluga, A.V. (2019). Geoecological indicators of sustainable development: Spatial analysis. *Sustainable Development of Mountain Territories*. Vol. 11. No. 1. Pp. 15–25.

For citation: Glazyrina, I.P. (2020). A Thorny Path to Green Economy. *ECO*. No. 9. Pp. 8-23. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-9-8-23.

Эколого-экономическое благополучие российских регионов: сравнительный анализ¹

И.А. ЗАБЕЛИНА, кандидат экономических наук. E-mail: i_zabelina@mail.ru
Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, Чита
ORCID0000-0003-4464-2593

Аннотация. В статье представлены результаты комплексной оценки благополучия регионов РФ, выполненной с использованием мультипликативной модели, основанной на расширенной функции благосостояния А. Сена. Исследование в очередной раз подтвердило, что российские регионы в значительной степени дифференцированы по уровню социального благополучия. Однако включение в мультипликативную модель компонента, учитывающего экологический фактор, заметно сказалось на результатах оценки. В некоторых регионах РФ экологически скорректированная характеристика регионального развития оказалась заметно ниже показателя, не учитывающего этот аспект благосостояния. Показана значительность влияния экологических факторов на качество жизни на восточных территориях. В отдельных регионах с неблагоприятными экологическими условиями уровень благополучия с учетом экологического фактора заметно ниже среднероссийского. Сделан вывод о том, что реализованные в последние годы институциональные преобразования пока не способствовали заметному повышению благосостояния регионов Востока РФ.

Ключевые слова: регион; экономическое развитие; экологические условия жизни; социально-экономическое благополучие; экологическое благополучие; институциональные изменения; функция благосостояния; сводный экологический индекс

Введение

Сложившиеся во многих природноресурсных регионах России «антиустойчивые» тенденции, в числе которых истощение природного капитала, увеличение воздействия загрязнения окружающей среды на здоровье человека, увеличение в структуре экономики удельного веса природоэксплуатирующих и загрязняющих отраслей [Зеленая., 2019] обуславливают необходимость формирования новой модели «зеленой» экономики. Ее ключевыми чертами являются обеспечение социальной справедливости, снижение рисков для окружающей среды и повышение благосостояния людей, которое наряду с материальным уровнем жизни,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-010-00434 А).
Общая методология исследования разработана в рамках государственного задания ИПрЭК СО РАН.

доступом к качественным социальным услугам, обеспечением политических прав и пр., включает в себя и качество окружающей среды, и уровень безопасности [Стиглиц и др., 2015].

В отечественной и зарубежной литературе уделяется большое внимание вопросам разработки измерителей уровня благосостояния стран и/или регионов [Бобылев и др., 2013; Васильева, 2014; Найден, Белоусова, 2018; Рюмина, 2013; Сырцова и др., 2016; Экологические..., 2005; Armiento, 2018; Lindmark et al., 2018; Pyzhev et al., 2015 и др.], которые в той или иной степени учитывают перечисленные аспекты. В работе Малкиной [Малкина, 2017] обосновывается целесообразность применения для оценки социального благополучия регионов РФ укороченной функции благосостояния А. Сена [Sen, 1976]. Автор доказывает ее преимущество перед другими комплексными характеристиками регионального развития, определяемое методологической точностью. Возможность включения в формулу дополнительных компонентов позволяет привлечь во внимание экологическую обстановку в регионах.

В данной статье поставлена *задача комплексной оценки благополучия развития российских регионов в динамике*. Особое внимание уделяется изучению тенденций социо-, эколого-экономического развития территорий Дальнего Востока и Байкальского региона в период институциональных изменений (2012–2017 гг.). В условиях проявления в последние годы на данных территориях признаков экологически неравноценного обмена [Глазырина, 2016] такая оценка приобретает особую актуальность.

Методы исследования и источники информации

Оценка уровня социального благополучия регионов РФ выполнялась с помощью мультипликативной модели, основанной на расширенной функции А. Сена [Sen, 1976], модифицированной с учетом региональных особенностей развития [Малкина, 2017]. Данная модель имеет следующий вид:

$$S_i = \frac{Y_i}{N_i} * \frac{D_i}{Y_i} * \frac{\overline{CI}}{CI_i} * (1 - G_i) ,$$

где S_i – уровень социального благополучия i -го региона; $\frac{Y_i}{N_i}$ – среднедушевой ВРП в i -м регионе; $\frac{D_i}{Y_i}$ – доля доходов населения в ВРП в i -м регионе; $\frac{\overline{CI}}{CI_i}$ – индекс, обратный стоимости

жизни в i -м регионе (рассчитывается как отношение стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг в стране к стоимости данного набора в i -м регионе); $(1 - G_i)$ – эрозия доходов (G_i – внутрирегиональный коэффициент Джини).

Данная модель (в рамках нашего исследования будем называть ее базовой) может быть расширена путем включения в нее компонентов, учитывающих разные аспекты благосостояния [Малкина, 2016]. Мы включили в нее два дополнительных компонента. *Первый из них* (E_i) учитывает *экологическую составляющую* регионального развития. С ним модель выглядит так:

$$S_{Ei} = \frac{Y_i}{N_i} * \frac{D_i}{Y_i} * \frac{\overline{CI}}{CI_i} * (1 - G_i) * E_i ,$$

где S_{Ei} – уровень социо-, эколого-экономического благополучия i -го региона; E_i – сводный экологический индекс, характеризующий качество окружающей среды или экологические условия жизни в i -м регионе.

Характеристика E_i определяется как среднее арифметическое частных экологических индексов по воздуху, воде и почвам. Они рассчитываются на основе следующих показателей:

- удельный вес исследованных проб воздуха с превышением предельно допустимых концентраций (частный индекс по воздуху P_1);
- удельный вес исследованных проб воды, не соответствующих гигиеническим нормативам по санитарно-химическим (P_2) и микробиологическим показателям (P_3);
- удельный вес исследованных проб почвы селитебных территорий, не соответствующих гигиеническим нормативам по санитарно-химическим (P_4), микробиологическим (P_5) и паразитарным показателям (P_6).

Для определения частных индексов экологических условий жизни населения воспользуемся предложенным в работе Рюминой [Рюмина, 2016] подходом к учету экологической составляющей при построении экологически скорректированного индекса человеческого развития:

$$P_i = \frac{x_{max} - x_i}{x_{max} - x_{min}} ,$$

где x_i, x_{max}, x_{min} – фактический, максимальный и минимальный удельный вес негативных проб воды, воздуха и почв в общем количестве исследованных проб.

Значение сводного экологического индекса изменяется в диапазоне от 0 до 1: чем оно выше, тем благополучнее состояние окружающей среды на данной территории. Таким образом, в регионах с наилучшими экологическими условиями (т.е. с наименьшим количеством негативных проб воды, воздуха и почв) экологически скорректированный уровень благосостояния будет соответствовать значению, полученному на основе базовой модели.

Для определения влияния на социо-, эколого-экономическое развитие изучаемых регионов предпринятых *институциональных мер* введем в модель *шестой компонент* – коэффициент K_i , позволяющий учесть уровень доходов легально работающих граждан, вычисленных по налогу на доходы физических лиц (НДФЛ). Он рассчитывается как отношение подушевого размера НДФЛ в i -м регионе (в расчете на одного занятого в экономике) к аналогичному показателю в целом по России [Глазырина, Фалейчик, 2019].

В работе использованы официальные данные Федеральной службы государственной статистики², Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека³, Федеральной налоговой службы⁴, характеризующие среднедушевые доходы населения; стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг; внутрорегиональный коэффициент Джини для номинальных доходов населения; объемы поступления НДФЛ в консолидированный бюджет субъектов; качество окружающей среды, оцениваемое с использованием показателей доли негативных проб воздуха, воды и почв, а также статистическая информация о численности населения.

² Охрана окружающей среды в России. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139919459344; Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 18.03.2020).

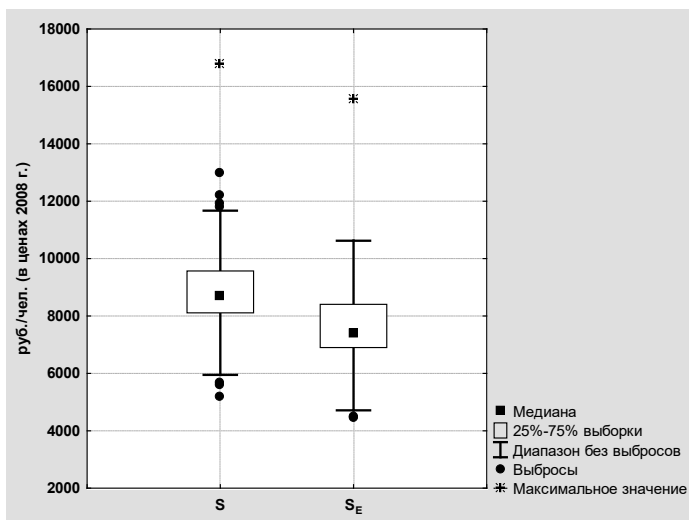
³ Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2012 году». URL: https://rosпотреbnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=1178; Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2017 году». URL: https://rosпотреbnadzor.ru/upload/iblock/d9d/gd_2017_seb.pdf (дата обращения: 22.01.2020).

⁴ Данные по формам статистической налоговой отчетности. URL: https://www.nalog.ru/rn75/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 24.01.2020).

Включение экологической составляющей в оценку социального благополучия: сравнительный анализ для регионов РФ

В этом разделе представлены результаты расчетов, проведенных по данным за 2012 и 2017 гг. для регионов РФ (в сопоставимых ценах 2008 г.). Сравнив их, мы можем оценить изменения, произошедшие в этом временном интервале.

Для визуализации полученных результатов за 2017 г. (рис. 1) использована коробчатая диаграмма [Nagvi, Zwickl, 2017], которая одновременно показывает несколько величин: верхний и нижний квартили (нижняя и верхняя грани прямоугольника, которые отделяют 25% и 75% выборки), медиану (маркер внутри прямоугольника), максимальное значение и выбросы (отдельные точки, которые характеризуются выделяющимися из общей выборки значениями).

Примечание: Ненецкий АО, Республика Ингушетия, Чукотский АО, Республика Крым и г. Севастополь были исключены из анализа ввиду отсутствия необходимых для оценки данных.

Источник рис. 1–4, 7, 8: результаты расчетов автора на основе данных Федеральной службы государственной статистики, Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.

Рис. 1. Распределение показателей социального благополучия, полученных на основе базовой модели 8-23 (S) и модели с учетом экологической составляющей (S_E) среди российских регионов, 2017 г., руб./чел.

Регионы РФ сильно дифференцированы по уровню социального благополучия. По результатам оценки, выполненной с использованием базовой четырехкомпонентной модели, в 2017 г. разница между регионами с самым низким (Республика Тыва, $S=5170$ руб./чел.) и самым высоким (Ямало-Ненецкий АО, $S=16766$ руб./чел.) показателем составила 3,2 раза. В половине регионов, значения которых укладываются в границы прямоугольника, уровень социального благополучия изменяется в диапазоне от 8109 до 9569 руб. в расчете на душу населения. Наиболее благополучные регионы (показатель S превышает значение верхнего квартиля – 9569 руб./чел.) расположены преимущественно в Центральном ФО (восемь из 20, включая города федерального значения – Москву и Санкт-Петербург). Дальний Восток в этой группе представляют только четыре региона (Республика Саха, Хабаровский край, Магаданская и Сахалинская области), от Сибири нет ни одного представителя.

Включение в модель экологического компонента заметно сказалось на результатах оценки регионального развития. В половине российских субъектов значение показателя не превышало 8412 руб. в расчете на душу населения (значение верхнего квартиля). Состав наиболее благополучных территорий несколько изменился – в него вошли Амурская, Оренбургская и Тюменская области, Камчатский край, Республика Башкортостан. Переместились в группу с более низким уровнем социо-, эколого-экономического благополучия такие регионы, как Республика Саха, Хабаровский край, Санкт-Петербург, Нижегородская и Свердловская области.

В большинстве субъектов наименее благополучной группы (25% регионов, в которых показатель S_E не превышает значение нижнего квартиля – 6902 руб./чел.) экологически скорректированная характеристика регионального развития оказалась заметно ниже показателя, полученного на основе базовой модели (табл. 1).

Так, в 13 регионах разница между исследуемыми характеристиками составила от 15,3 до 51,3%, что заметно выше среднероссийского уровня (14,6%). Наиболее существенно показатели S и S_E различаются в регионах с невысокими значениями сводного экологического индекса (E): Новгородской области (0,66), Санкт-Петербурге (0,59) и Приморском крае (0,49). Для этих территорий

актуальна проблема неудовлетворительного состояния водоемов и почв. Так, Санкт-Петербург выделяется среди российских регионов по показателю доли негативных проб воды (в 2017 г. в регионе зафиксирован максимальный удельный вес неудовлетворительных проб воды по микробиологическим показателям – 82,7% от числа исследованных проб). Приморский край лидирует по числу негативных проб почвы: 44% и 37,3% по санитарно-химическим и микробиологическим показателям соответственно.

Таблица 1. Уровень социального благополучия, сводный экологический индекс для наименее благополучных регионов и РФ, 2017 гг.

Регион	Уровень социального благополучия, руб./чел. (в ценах 2008 г.)		Разница между S и S_E , %	Сводный экологический индекс, E
	S	S_E		
Брянская обл.	9035	6857	24,1	0,76
Владимирская обл.	8152	6280	23,0	0,77
г. Санкт-Петербург	11671	6896	40,9	0,59
Еврейская АО	6898	5173	25,0	0,75
Кабардино-Балкарская Р.	7260	6383	12,1	0,88
Карачаево-Черкесская Р.	5948	4498	24,4	0,76
Кемеровская обл.	8661	6894	20,4	0,80
Кировская обл.	7992	5767	27,8	0,72
Курганская обл.	7370	6245	15,3	0,85
Новгородская обл.	9227	6135	33,5	0,66
Приморский кр.	9166	4468	51,3	0,49
Р. Алтай	5680	5371	5,4	0,95
Р. Калмыкия	5599	4713	15,8	0,84
Р. Мордовия	7001	6658	4,9	0,95
Р. Северная Осетия-Алания	8470	6217	26,6	0,73
Р. Тыва	5170	4763	7,9	0,92
Р. Хакасия	7499	6818	9,1	0,91
Смоленская обл.	8346	6047	27,6	0,72
Чеченская Р.	7116	6707	5,8	0,94
Чувашская Р.	7087	6787	4,2	0,96
РФ в целом	8973	7633	14,9	0,85

Примечание: В целом по РФ показатели рассчитаны как среднее арифметическое значение для выборки. Жирным шрифтом выделены значения, превышающие среднероссийский показатель.

Источник табл. 1–3: расчеты автора на основе данных Федеральной службы государственной статистики, Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.

Рассмотрим изменение представленных выше показателей социального благополучия в регионах за период с 2012 по 2017 гг. (рис. 2).

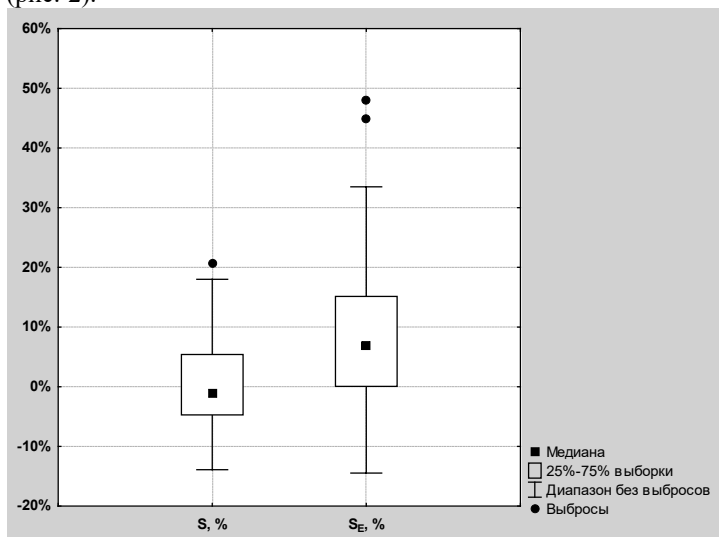
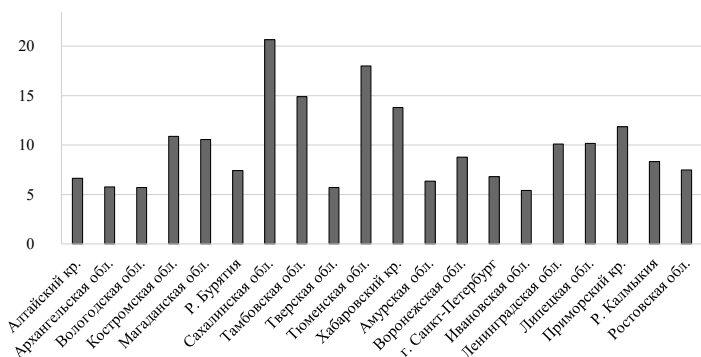

Рис. 2. Распределение изменения с 2012 по 2017 гг. показателей социального благополучия, полученных на основе базовой модели (S) и модели с учетом экологической составляющей (S_E) среди российских регионов, %

В большинстве субъектов Федерации (47 из 79 исследуемых) отмечалось снижение показателя, полученного на основе базовой модели. Наибольшее снижение уровня социального благополучия произошло в Карачаево-Черкесской Республике (на 14%), Республике Алтай (на 12%), Астраханской, Кемеровской, Калужской областях и Республике Башкортостан (в 2017 г. значение показателя S в этих регионах снизилось на 11% по отношению к 2012 г.).

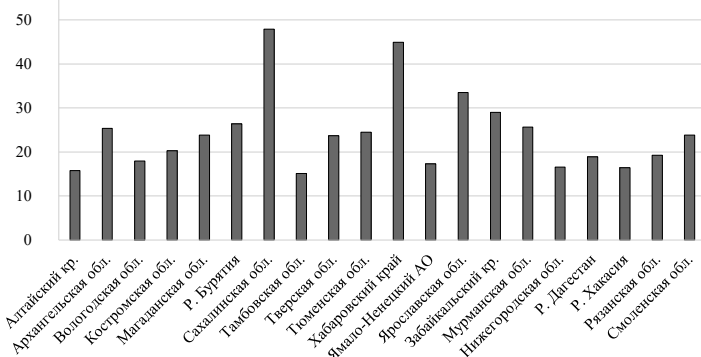
Заметное увеличение уровня благосостояния наблюдалось в отдельных природно-ресурсных регионах Дальнего Востока и Урала: в Сахалинской области рост показателя составил 20,6%, Тюменской области – 18%, Хабаровском крае – 13,8%, Приморском крае и Магаданской области – 11,9% и 10,6% соответственно (рис. 3).

Примечание. Представлены регионы, в которых рост показателя S превышал значение верхнего квартиля (5,4%).

Рис. 3. Изменение уровня социального благополучия по показателю S в отдельных регионах и РФ за 2012–2017 гг.,%

Анализ динамики экологически скорректированной характеристики регионального развития показал снижение уровня благополучия в 19 регионах, расположенных преимущественно в Центральном, Приволжском, Северо-Кавказском и Уральском ФО. Остальные территории демонстрировали положительную динамику анализируемого показателя, причем в отдельных регионах рост был весьма существенным: показатель S_E увеличился на 15,1–47,9% по отношению к 2012 г. (рис. 4).

Примечание. Представлены регионы, в которых рост показателя S_E превышал значение верхнего квартиля (15,1%).

Рис. 4. Изменение уровня социального благополучия по показателю S_E в отдельных регионах и РФ за 2012–2017 гг.,%

Из представленных в таблице 2 данных следует, что после включения экологической составляющей в базовую модель социального благополучия существенно изменились и рейтинги регионов.

Таблица 2. Рейтинги регионов по уровню социального благополучия, 2017 г.

Регион	По показателю S	По показателю S _E	Разница между позициями, S-S _E
<i>Регионы, в которых рост уровня благополучия превышал значение верхнего квартиля (как по показателю S, так и по показателю S_E)</i>			
Алтайский кр.	64	38	26
Архангельская обл.	23	53	-30
Вологодская обл.	43	35	8
Костромская обл.	35	30	5
Магаданская обл.	5	8	-3
Р. Бурятия	57	50	7
Сахалинская обл.	3	3	0
Тверская обл.	45	45	0
Тюменская обл.	28	16	12
Хабаровский кр.	14	27	-13
<i>Регионы, в которых рост уровня благополучия превышал значение верхнего квартиля (по показателю S)</i>			
Тамбовская обл.	21	24	-3
Амурская обл.	25	18	7
Воронежская обл.	18	10	8
г. Санкт-Петербург	6	61	-55
Ленинградская обл.	39	40	-1
Липецкая обл.	11	15	-4
Приморский кр.	33	80	-47
Р. Калмыкия	79	78	1
Ростовская обл.	38	54	-16
<i>Регионы, в которых рост уровня благополучия превышал значение верхнего квартиля (по показателю S_E)</i>			
Ямало-Ненецкий АО	1	1	0
Ярославская обл.	26	48	-22
Мурманская обл.	13	13	0
Забайкальский кр.	62	52	10
Нижегородская обл.	19	23	-4
Р. Дагестан	12	5	7
Р. Хакасия	69	64	5
Рязанская обл.	47	43	4
Смоленская обл.	55	73	-18

Примечание: регионы ранжированы от большего значения к меньшему.

Положительная разница между позициями в рейтинге свидетельствует о том, что регион улучшил свой рейтинг, заняв более высокое место по экологически скорректированному показателю. Наиболее существенно изменилась ситуация в Алтайском крае (он поднялся на 26 позиций), Тюменской области (на 12 позиций) и Забайкальском крае (на 10 позиций). Вместе с тем часть территорий заметно ухудшили положение в рейтинге по показателю с учетом экологической составляющей. Так, самая большая отрицательная разница между позициями отмечается в уже упомянутых Санкт-Петербурге (опустился в рейтинге на 55 позиций) и Приморском крае (на 47 позиций).

Особенности развития территорий Дальнего Востока и Байкальского региона в период формирования новых институтов развития

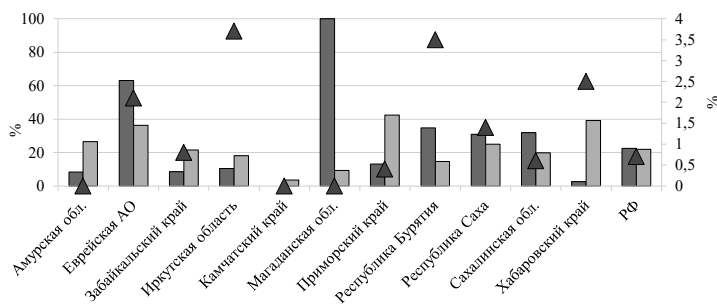
Выбранный в данном исследовании временной период характеризовался созданием на Дальнем Востоке специальных институтов, призванных способствовать формированию новой модели развития экономики макрорегиона⁵. Ожидаемыми положительными эффектами от введения федеральных институциональных инструментов являются повышение качества жизни, увеличение численности и закрепление населения на дальневосточных территориях. Поэтому мы решили не только рассмотреть положение территорий Дальнего Востока и Байкальского региона по показателям социального благополучия среди российских регионов, но и оценить тенденции их развития в контексте институциональных изменений.

В последние годы хозяйственные системы многих восточных регионов усилили свою сырьевую специализацию. В период с 1990 г. по 2016 г. существенно увеличился удельный вес добычи полезных ископаемых (за исключением топливно-энергетических ресурсов) в Дальневосточном ФО в структуре национальной отрасли: с 11,8 до 44,8% соответственно [Антонова, Ломакина, 2018]. Существенно увеличилась доля добывающего сектора и в отдельных регионах, в числе которых Магаданская область

⁵ Доклад о комплексном развитии регионов Дальнего Востока. URL: <https://minvr.ru/upload/doc/22-12-2017/doklad-o-kompleksnom-razviti-dalnego-vostoka.pdf> (дата обращения: 24.03.2020).

(вклад в ВРП вырос с 18,3% в 2012 г. до 38,4% в 2017 г.) и Еврейская АО (с 0,5 до 8,9%). В то же время усилилась и антропогенная нагрузка на окружающую среду. Например, в Еврейской АО объем выбросов загрязняющих веществ от добывающих предприятий увеличился в 15 раз по отношению к 2005 г. [Забелина, Делюга, 2019а]. Это связано в том числе с ростом объемов добычи железорудного концентрата за счет ввода в эксплуатацию Кимкано-Сутарского горно-обогатительного комбината, который на сегодняшний день является одним из основных источников поступления загрязняющих веществ в атмосферный воздух⁶.

Из представленных на рисунках 5 и 6 данных видно, что анализируемые регионы характеризуются различным качеством природных сред. Так, в 2017 г. наибольшее число неудовлетворительных проб атмосферного воздуха отмечалось в Иркутской области (3,7%) и Республике Бурятия (3,5% от общего числа исследованных проб). Количество негативных проб воды изменяется в более широком диапазоне: от 0 до 100% – по санитарно-химическим показателям; от 3,6 до 42,5% – по микробиологическим (рис. 5).

Удельный вес проб воды, не соответствующих гигиеническим нормативам по показателям (левая ось):

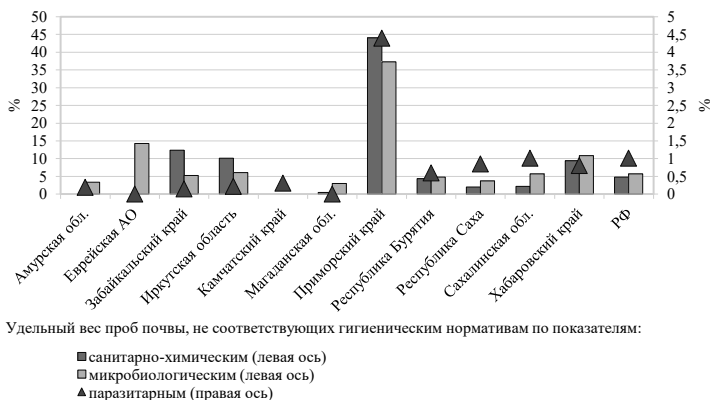
- санитарно-химическим
- микробиологическим
- ▲ Удельный вес исследованных проб воздуха, превышающих ПДК (правая ось)

Источник рис. 5, 6: данные Федеральной службы государственной статистики, Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека

Рис. 5. Доля негативных проб воды и атмосферного воздуха, 2017 г., %

⁶ Годовой отчет: устойчивое развитие. 2016. Группа компаний «Петропавловск – Черная Металлургия». URL: https://www.petropavlovsk-io.ru/netcat_files/userfiles/1/Godovoy_otchet_GK_PChM_2016.pdf (дата обращения: 30.03.2020).

Приморский край выделяется по качеству почв селитебных территорий. Здесь зарегистрировано максимальное среди российских регионов число проб почвы, не соответствующих гигиеническим нормативам по санитарно-химическим (44,0%) и микробиологическим (37,3%) показателям (рис. 6).

Удельный вес проб почвы, не соответствующих гигиеническим нормативам по показателям:

- санитарно-химическим (левая ось)
- микробиологическим (левая ось)
- ▲ паразитарным (правая ось)

Рис. 6. Доля негативных проб почвы селитебных территорий в регионах Дальнего Востока и субъектах Байкальского региона, 2017 г.,%

Результаты оценки уровня благополучия анализируемых регионов представлены в таблице 3. Высокие показатели, полученные на основе базовой мультипликативной модели, отмечаются в Республике Саха, Магаданской и Сахалинской областях. Эти территории входят в *top-20* российских регионов по данной характеристике, а также по среднедушевому ВРП [Забелина, Делюга, 2019b].

Среди приграничных регионов по уровню социального благополучия выделяется Хабаровский край, значение показателя в котором превысило среднероссийский уровень (8973 руб./чел. в 2017 г.). Этот же регион, наряду с Приморским краем, Сахалинской и Магаданской областями, демонстрировал наиболее существенный рост анализируемого показателя. Наименее благополучными, согласно базовой модели, оказались Еврейская АО и Забайкальский край, которые к тому же демонстрировали отрицательную динамику в 2012–2017 гг.

Таблица 3. Изменения в уровнях социального благополучия территорий Дальнего Востока и Байкальского региона согласно расширенной функции благосостояния А. Сена (в сопоставимых ценах 2008 г.) за 2012, 2017 гг., руб./чел.

Регион	На основе базовой модели (S)			С учетом экологического фактора (S_E)			Разница между показателями S и S_E , %	
	2012	2017	Изменение, %	2012	2017	Изменение, %	2012	2017
Амурская обл.	8768	9324	6,3	7594	8529	12,3	13,4	8,5
Еврейская АО	7037	6898	-2,0	5825	5173	-11,2	17,2	25,0
Забайкальский кр.	8548	8096	-5,3	5437	7014	29,0	36,4	13,4
Иркутская обл.	8133	8021	-1,4	7263	6921	-4,7	10,7	13,7
Камчатский кр.	8599	8674	0,9	7787	8571	10,1	9,4	1,2
Магаданская обл.	10668	11796	10,6	7614	9431	23,9	28,6	20,0
Приморский кр.	8194	9166	11,9	4292	4468	4,1	47,6	51,3
Р. Бурятия	7682	8252	7,4	5561	7027	26,4	27,6	14,8
Р. Саха	9854	9792	-0,6	8130	8368	2,9	17,5	14,5
Сахалинская обл.	10114	12202	20,6	7051	10431	47,9	30,3	14,5
Хабаровский кр.	8728	9932	13,8	5551	8046	44,9	36,4	19,0
РФ в целом	8983	8973	-0,1	7104	7633	7,4	20,9	14,9

Примечание. Жирным шрифтом выделены значения, превышающие среднероссийский показатель.

Как показали наши расчеты, экологические факторы оказывают весьма значительное влияние на качество жизни в исследуемых регионах. В некоторых из них разница между показателями S и S_E весьма существенна: в Приморском крае – 51,3%, Еврейской АО – 25% и Магаданской области – 20% (по данным за 2017 г.). Именно в этих регионах наблюдалась напряженная экологическая ситуация.

В Магаданской области ни одна из исследованных проб водоемов не соответствовала гигиеническим нормативам по санитарно-химическим показателям. В Приморском крае более трети от числа исследованных проб почвы селитебных территорий не отвечают требованиям по санитарно-химическим и микробиологическим показателям. Сводный экологический индекс у этих территорий значительно ниже среднероссийского (рис. 7). Наилучшие экологические условия жизни отмечаются в Камчатском крае, который имеет самое высокое значение сводной экологической характеристики ($E=0,99$).

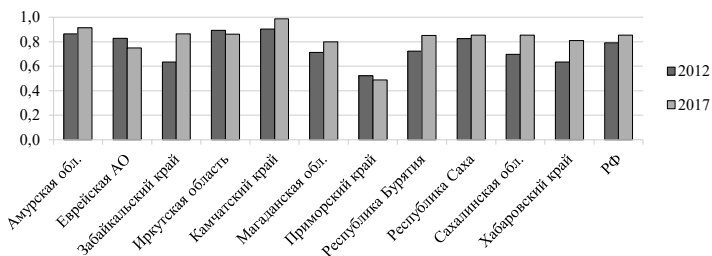

Рис. 7. Сводные экологические индексы для регионов Дальнего Востока, субъектов Байкальского региона и РФ, 2012 и 2017 гг.

Анализ динамики изучаемых характеристик регионального развития показал, что наиболее заметный рост благополучия наблюдался в Сахалинской области и Хабаровском крае – почти на 50% по отношению к 2012 г. Существенное влияние на динамику показателя S_E оказал экологический фактор: за 2012–2017 гг. заметно сократилась доля негативных проб воздуха и воды в Хабаровском крае, почв – в Сахалинской области. В Республике Бурятия и Забайкальском крае также отмечена позитивная тенденция преимущественно за счет изменения частного индекса по воздуху: показатель S_E вырос на 26% и 29% соответственно. Однако качество водных объектов на данных территориях не дотягивает до благополучного уровня (значения некоторых частных индексов по воде относительно низки).

Отметим, что в некоторых регионах произошло снижение изучаемых показателей в период становления новых институтов развития Дальнего Востока. Показатель S_E в Еврейской АО снизился на 11,2% (большее снижение наблюдалось только в Карачаево-Черкесской Республике и Республике Северная Осетия-Алания). Иркутская область также ухудшила свое положение по экологически скорректированной характеристике регионального развития.

В докладе о комплексном развитии Дальнего Востока⁷ обозначены первоочередные задачи по дальнейшему развитию

⁷ Доклад о комплексном развитии регионов Дальнего Востока. URL: <https://minvr.ru/upload/doc/22-12-2017/doklad-o-kompleksnom-razviti-i-dalnego-vostoka.pdf> (дата обращения: 24.03.2020).

восточных территорий, в числе которых – достижение ключевых показателей качества жизни населения дальневосточного макрорегиона выше среднероссийского уровня, включая *уровень реальных доходов*. Поэтому мы ввели в формулу элемент K_i в качестве косвенного измерителя институциональных изменений. На рисунке 8 представлены результаты расчетов уровня социального благополучия с учетом уровня доходов легально работающих граждан, вычисленных по НДФЛ:

$$S_{EKi} = \frac{Y_i}{N_i} * \frac{D_i}{Y_i} * \frac{\overline{CI}}{CI_i} * (1 - G_i) * E_i * K_i ,$$

где K_i – показатель, учитывающий уровень доходов легально работающих граждан (рассчитывается как отношение подушевого размера НДФЛ в i -м регионе к аналогичному показателю в целом по стране).

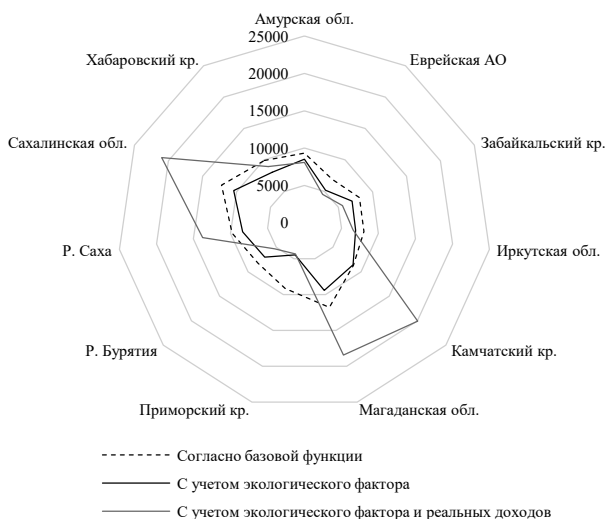

Рис. 8. Уровень социального благополучия регионов Дальнего Востока и субъектов Байкальского региона, 2017 г.

Расчеты показывают, что отдельные регионы Дальнего Востока (наряду с нефтегазовыми территориями, г. Москва, г. Санкт-Петербург) вошли в число субъектов с более высокими (по сравнению со среднероссийским уровнем) легальными

доходами работающих граждан. По данному показателю заметно выделяются территории, специализирующиеся на добыче природных ресурсов: Сахалинская и Магаданская области, Камчатский край и Республика Саха.

Отметим, что, несмотря на оживление приграничного сотрудничества с динамично развивающейся в последние годы КНР и введение федеральных институциональных инструментов, существенного роста легальной заработной платы в приграничных регионах Востока России за рассматриваемый период не произошло. Более того, в некоторых из них (Приморский, Хабаровский и Забайкальский край) данный показатель несколько снизился. Вместе с тем в Иркутской области, на которую действие обозначенных инструментов не распространялось, уровень легальных доходов по отношению к 2012 г. увеличился. Таким образом, реализуемые на Востоке страны новые меры институциональной трансформации пока не принесли ожидаемых позитивных результатов.

Заключение

Мы еще раз убедились в существовании серьезной территориальной дифференциации в РФ. Уровень социального благополучия российских регионов, оцененный с использованием расширенной функции благосостояния А. Сена, обладает большой вариативностью. Включение экологической составляющей в базовую модель заметно сказалось на результатах комплексной оценки регионального развития. В отдельных субъектах Федерации это привело к значительному ухудшению результатов.

Среди восточных территорий наиболее благополучными, согласно базовой модели, являются природно-ресурсные, входящие в двадцатку российских регионов по среднедушевому ВРП – Республика Саха, Сахалинская и Магаданская области. Но и здесь роль экологических факторов в качестве жизни весьма значительна. В Магаданской области разница между показателями S и S_E составляет 20%. Еще больше этот разрыв в приграничных регионах с неблагоприятными экологическими условиями жизни: Приморском крае и Еврейской АО. При этом с течением времени в большинстве восточных территорий экологическая ситуация существенно не улучшается. Исключением стали только

Забайкальский край, Республика Бурятия и Хабаровский край, где наметилась тенденция позитивных экологических изменений.

В работе Рюминой [Рюмина, 2018] отмечается важность экологического поведения людей, которое формирует фактическое состояние окружающей среды. Несанкционированные выбросы загрязняющих веществ в атмосферу и водные объекты, незаконное размещение отходов производства и потребления, пренебрежение нормативами, особенно в условиях повсеместного ослабления санитарного и природоохранного контроля, является основной причиной неудовлетворительного состояния среды в регионах.

Исследование показало, что некоторые восточные территории входят в группу регионов с наиболее высоким в РФ уровнем легальных доходов работающих граждан. Поэтому включение соответствующего компонента в комплексную оценку регионального развития заметно повысило их место в рейтинге благополучия регионов. Однако в настоящее время данный фактор не оказывает заметного влияния на миграционную ситуацию, сложившуюся на Дальнем Востоке. Только за период с 2006 по 2017 гг. абсолютные потери дальневосточных регионов в межрегиональном обмене населением составили 263 тыс. человек [Рыбаковский, Таюнова, 2019]. В работе коллег [Глазырина, Фалейчик, 2019] отмечается, что величина показателя чистых легальных доходов не компенсирует различные негативные аспекты «жизни на Востоке», в числе которых суровые климатические условия, удаленность от культурных и образовательных центров, плохая транспортная и социальная инфраструктура. Исследование динамики комплексной характеристики регионального развития позволяет заключить, что реализованные институциональные преобразования пока не способствовали заметному повышению благосостояния восточных территорий.

Литература

Антонова Н. Е., Ломакина Н. В. Природно-ресурсные отрасли Дальнего Востока: новые факторы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 43–56. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.3.

Бобылев С. Н., Соловьева С. В., Ситкина К. С. Индикаторы устойчивого развития Уральского региона // Экономика региона. 2013. № 2. С. 10–17. DOI: 10.17059/2013–2–1.

Васильева Е. В. Рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню благосостояния населения // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 44 (371). С. 14–24.

Глазырина И. П. Принцип «загрязнитель платит» и экологически неравноценный обмен // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 22. № 3. С. 93–100.

Глазырина И. П., Фалейчик Л. М. К вопросу о сохранении человеческого капитала на Востоке России: жизнь учителя и врача после «майских указов» // ЭКО. 2019. № 5. С. 48–65. DOI: 10.30680/eco0131–7652–2019–5–48–65.

Забелина И. А., Делюга А. В. Исследование динамики эколого-экономического развития базовых отраслей промышленности восточных регионов РФ // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2019а. № 47. С. 99–118. DOI: 10.17223/19988648/47/7.

Забелина И. А., Делюга А. В. Эколого-экономические тенденции в Байкальском регионе и на Дальнем востоке в условиях институциональных изменений // ЭКО. 2019б. № 5 (539). С. 66–88. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2019–5–66–88

Зелёная экономика и цели устойчивого развития для России / Под ред. С. Н. Бобылёва, П. А. Кирушина, О. В. Кудрявцевой. М., Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019. 284 с.

Малкина М. Ю. Оценка социального благополучия российских регионов, уровня и динамики межрегиональных различий на основе функций благосостояния // Terra Economicus. 2016. Т. 14. № 3. С. 29–49. DOI: 10.18522/2073–6606–2016–14–3–29–49.

Малкина М. Ю. Социальное благополучие регионов Российской Федерации // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 1. С. 49–62. DOI: 10.17059/2017–1–5

Найден С. Н., Белоусова А. В. Методический инструментарий оценки благосостояния населения: межрегиональное сопоставление // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 1. С. 53–68. DOI: 10.17059/2018–1–5.

Рыбаковский О. Л., Таюнова О. А. Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России в начале XXI века // Народонаселение. 2019. № 3. С. 4–14.

Рюмина Е. В. Экологически скорректированный ВВП: сферы использования и проблемы оценки // Экономика региона. 2013. № 4. С. 107–115. DOI: 10.17059/2013–4–10.

Рюмина Е. В. Экологические аспекты оценки качества жизни // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 4. С. 1113–1122. DOI: 10.17059/2016–4–13.

Рюмина Е. В. Экологический индекс: построение и использование при анализе качества жизни и качества населения // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2018. № 9 (115). С. 24.

Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / Пер. с англ. М.: Институт Гайдара, 2015. 216 с.

Сырцова Е. А., Пыжжев А. И., Зандер Е. В. Истинные сбережения регионов Сибири: новые оценки, старые проблемы // ЭКО. 2016. № 6 (504). С. 109–129.

Экологические индикаторы качества роста региональной экономики / Под ред. И. П. Глазыриной, И. М. Потравного. М.: НИА-Природа, 2005. 306 с.

Armiento M. The Sustainable Welfare Index: Towards a Threshold Effect for Italy // *Ecological Economics*. 2018. Vol. 152. Pp. 296–309. doi.org/10.1016/j.ecolecon.2018.06.014.

Lindmark M., Thu H. N., Stage J. Weak support for weak sustainability: Genuine savings and long-term wellbeing in Sweden, 1850–2000 // *Ecological Economics*. 2018. Vol. 145. Pp. 339–345. DOI.org/10.1016/j.ecolecon.2017.11.015.

Nagvi A., Zwickl K. Fifty Shades of Green: Revisiting Decoupling by Economic Sector and Air Pollutants // *Ecological Economics*. 2017. Vol. 133. Pp. 111–126. DOI: doi.org/10.1016/j.ecolecon.2016.09.017

Pyzhev A. I., Syrtsova E. A., Pyzheva Yu. I., Zander E. V. Sustainable development of Krasnoyarsk Krai: new estimates // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2015. Т. 8. № 11. С. 2590–2595.

Sen A. Real national income // *Review of Economic Studies*. 1976. Vol. 43(1). Pp. 19–39.

Статья поступила 02.04. 2020.

Статья принята к публикации 14.04.2020.

Для цитирования: *Забелина И. А.* Эколого-экономическое благополучие российских регионов: сравнительный анализ // *ЭКО*. 2020. № 9. С. 24–45. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-9-24-45.

SUMMARY

Zabelina, I.A., Cand. Sci. (Econ.), Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, SB RAS, Chita

Assessment of Socio-Ecological and Economic Well-being of Russian Regions: Comparative Analysis

Abstract. The paper presents the results of an assessment of the well-being of Russian regions. The social well-being is presented as a multiplicative model based on A. Sen extended welfare function. The study shows that regions are largely differentiated by their level of social well-being. The inclusion of an environmental component in the multiplicative model had a significant impact on the results of a comprehensive assessment of regional development. In some regions of the Russian Federation the ecologically adjusted characteristic of regional development turned out to be significantly lower when this aspect of well-being was taken into account. It is shown that the role of environmental factors in the quality of life in Eastern territories is significant. In some Eastern regions with unfavorable ecological conditions the level of well-being, taking into account the environmental factor, is significantly lower than the national average. It is concluded that institutional changes implemented in recent years have not yet contributed to a noticeable increase in the welfare of eastern regions.

Keywords: *region; economic development; environmental conditions of life; socio-ecological well-being; economic well-being; institutional change; the integrated environmental index*

References

- Antonova, N.E., Lomakina, N.V. (2018). Natural Resource-Based Industries of the Far East: New Drivers of Development. *Ekonomicheskije i sotsialnyje peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 11. No. 1. Pp. 43–56. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.3. (In Russ.).
- Armiento, M. (2018). The Sustainable Welfare Index: Towards a Threshold Effect for Italy. *Ecological Economics*. Vol. 152. Pp. 296–309. doi.org/10.1016/j.ecolecon.2018.06.014.
- Bobylev, S.N., Solovyova, S.V., Sitkina, K.S. (2013). Sustainable development indicators of the Ural region. *Ekonomika regiona. Economy of Region*. No. 2. Pp. 10–17. DOI: 10.17059/2013–2–1. (In Russ.).
- Glazyrina, I.P. (2016). The principle of “polluter pays” and ecologically unequal exchange. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Transbaikalian State University Journal*. Vol. 22. No. 3. Pp. 93–100. (In Russ.).
- Glazyrina, I.P., Faleychik, L.M. (2019). Revisiting the Question of Preserving Human Capital in the East of Russia: the Life of a Teacher and a Doctor after the “May Decrees”. *ECO*. No. 5. Pp. 48–65. DOI: 10.30680/eco0131–7652–2019–5–48–65. (In Russ.).
- Green economy and sustainable development goals for Russia* (2019). S. Bobylev, P. Kiryushin, O. Kudryavtseva (eds). Faculty of Economics of Lomonosov Moscow state University, Moscow. 284 p. (In Russ.).
- Lindmark, M., Thu, H.N., Stage, J. (2018). Weak support for weak sustainability: Genuine savings and long-term wellbeing in Sweden, 1850–2000. *Ecological Economics*. Vol. 145. Pp. 339–345. DOI.org/10.1016/j.ecolecon.2017.11.015.
- Malkina, M. Yu. (2016). Evaluation of the social well-being of Russian regions, the level and dynamics of inter-regional disparities based on a welfare functions. *Terra Economicus*. Vol. 14. No. 3. Pp. 29–49. DOI: 10.18522/2073–6606–2016–14–3–29–49. (In Russ.).
- Malkina, M. Yu. (2017). Social Well-Being of the Russian Federation Regions. *Ekonomika regiona. Economy of Region*. Vol. 13. No. 1. Pp. 49–62. DOI: 10.17059/2017–1–5. (In Russ.).
- Nagvi, A., Zwickl, K. (2017). Fifty Shades of Green: Revisiting Decoupling by Economic Sector and Air Pollutants. *Ecological Economics*. Vol. 133. Pp. 111–126. doi.org/10.1016/j.ecolecon.2016.09.017
- Naiden, S.N., Belousova, A.V. (2018). Methodological Tools to Assess the Population Welfare: Interregional Comparison. *Ekonomika regiona. Economy of Region*. Vol. 14 (1). Pp. 53–68. DOI: 10.17059/2018–1–5. (In Russ.).
- Pyzhev A.I., Syrtsova E.A., Pyzheva Yu.I., Zander E.V. (2015). Sustainable development of Krasnoyarsk Krai: new estimates. *Zurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. Vol. 8. No. 11. Pp. 2590–2595.
- Quality of growth indicators for regional economies* (2005). I. Glazyrina, I. Potravny (eds). NIA-Priroda, Moscow. 306 p. (In Russ.).
- Rybakovsky, O.L., Tayunova O.A. (2019). Migration situation in the Far East of Russia at the beginning of the 21st century. *Narodonaselenie. Population*. No. 3. Pp. 4–14. DOI: 10.24411/1561–7785–2019–00023. (In Russ.).

Ryumina, E.V. (2013). Ecologically adjusted GDP: spheres of using and assessment problems. *Ekonomika regiona. Economy of Region*. No. 4. Pp. 107–115. DOI: 10.17059/2013-4-10. (In Russ.).

Ryumina, E.V. (2016). Ecological Aspects of the Assessment of Quality of Life. *Ekonomika regiona. Economy of Region*. Vol. 12. No. 4. Pp. 1113–1122. DOI: 10.17059/2016-4-13. (In Russ.).

Ryumina, E.V. (2018). Environmental index: construction and use in the analysis of the quality of life and the quality of the population. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyj nauchnyj zhurnal. Management of economic systems: scientific electronic journal*. No. 9 (115). P. 24. (In Russ.).

Sen, A. Real national income. (1976). *Review of Economic Studies*. Vol. 43(1). Pp. 19–39.

Stiglitz, J.E., Sen, A., Fitoussi, J.-P. (2015). Mis-measuring Our Lives Why GDP Doesn't Add Up. Report of the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. The Gaidar Institute, Moscow. 216 p. (In Russ.).

Syrtsova, E.A., Pyzhev, A.I., Zander, E.V. (2016). Genuine Savings for Siberian Regions: new Estimates, Old Problems. *ECO*. No. 6 (504). Pp. 109–129. (In Russ.).

Vasil'eva, E.V. (2014). Rating of the RF subjects according to the level of well-being of the population. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. Regional economy: theory and practice*. No. 44 (371). Pp. 14–24. (In Russ.).

Zabelina, I.A., Deluga, A.V. (2019a). The Study of the Dynamics of Ecological and Economic Development of the Basic Industries of the Eastern Regions of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. Tomsk State University Journal of Economics*. No. 47. Pp. 99–118. DOI: 10.17223/19988648/47/7. (In Russ.).

Zabelina, I.A., Deluga, A.V. (2019b). Trends of Ecological and Economic Development of the Far East Regions and Sub-federal Units of the Baikal Region under Conditions of Institutional Change. *ECO*. No. 5 (539). Pp. 66–88. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-5-66-88. (In Russ.).

For citation: Zabelina, I.A. (2020). Assessment of Socio-Ecological and Economic Well-Being of Russian Regions: Comparative Analysis. *ECO*. No. 9. Pp. 24-45. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-9-24-45.

Реформирование управления деятельностью по ликвидации отходов в РФ¹

Т.О. ТАГАЕВА, доктор экономических наук. E-mail: tagaeva@ieie.nsc.ru
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирский государственный университет, Новосибирск

Аннотация. В статье рассматриваются процессы реформирования сферы обращения с отходами, к которым активно приступили с начала 2014 г., однако осуществляются они не всегда продуманно и конструктивно. Проанализированы материалы Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года и национального проекта «Экология», названы и обоснованы главные недостатки институциональных механизмов российского экологического законодательства, преодоление которых необходимо для успешной реализации целей и задач, изложенных в данных программных документах.

Ключевые слова: отходы производства и потребления; территориальная схема обращения с отходами; плата за негативное воздействие на окружающую среду; рециклинг; природоохранное законодательство

Реформы в сфере обращения с отходами

Россия является одним из мировых лидеров по объему образования отходов производства и потребления, в последние годы, только по официальной статистике Росстата, это ежегодно более 6 млрд т. Проблемы образования и накопления отходов активно рассматриваются российскими и зарубежными исследователями, в том числе и проблемы регулирования данной сферы [Ферару, 2011; Мамин, 2013; Сычева, Асадчева, 2013; Пляскина, Харитоновна, 2016; Назаров, 2018; Abbott et al., 2017; Fremstad, 2017]. В данной статье будут рассмотрены результаты последних реформ управления системой обращения с отходами.

Начало реформирования сферы обращения с отходами в России связывают с принятием Федерального закона № 458-ФЗ от 29.12.2014 г. «О внесении изменений в Федеральный закон № 89-ФЗ от 24.06.98 г. “Об отходах производства и потребления”

¹ Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект XI.170.1.1. «Инновационные и экологические аспекты структурной трансформации российской экономики в условиях новой геополитической реальности», № АААА-А17-117022250127-8.

и отдельные законодательные акты РФ». Однако многие положения этого закона не были в достаточной мере продуманы и конкретизированы, в связи с чем возникла необходимость в принятии существенных поправок к нему². В сентябре 2019 г. Минприроды опубликовало проект нового закона, вводящего в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» очередные изменения.

Кроме основных законов, регулирующих сферу обращения с отходами, в последнее время принят ряд важных программных документов. В начале 2018 г. была утверждена Стратегия развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года (далее – Стратегия)³. Реализацию Стратегии планируется проводить в два этапа. В числе предполагаемых мер на *первом этапе* (2018–2021 гг.) – создание необходимого технологического и производственного задела, разработка комплексной территориальной схемы развития и размещения объектов промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов, создание центра по сертификации оборудования, совершенствование нормативно-правовой базы. Также на этом этапе предполагается реализовать пилотные проекты по созданию и развитию производственно-технических комплексов по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов, многофункциональных комплексов по их промышленному обезвреживанию, многофункциональных сортировочных комплексов, а также региональных экотехнопарков.

На *втором этапе* (2022–2030 гг.) должна начать функционировать российская научно-технологическая и промышленная инфраструктура, обеспечивающая выпуск высокотехнологичных типов оборудования, техники, машин и механизмов для обработки, утилизации и обезвреживания отходов и производства продукции из вторичного сырья.

Основные задачи, решение которых запланировано в ходе реализации Стратегии, представлены в таблице 1.

² См. ФЗ от 31.12.2017 г. № 503-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ “Об отходах производства и потребления”».

³ См. Распоряжение Правительства от 25.01.2018 г. № 84-р об утверждении Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 г. URL: <http://static.government.ru/media/files/y8PMkQGZLfbY7jhn6QMruaKoferAowzJ.pdf> (дата обращения: 12.09.2019).

Таблица 1. Основные целевые показатели Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 г. (2016–2030 гг.), %

Показатель	2016 факт	2025	2030
Доля утилизированных и обезвреженных отходов в общем объеме образованных отходов	59,6	75	86
Доля ТКО*, направленных на обработку в общем объеме образованных отходов	8,9	50	80
Количество созданных экотехнопарков, ед.	-	30	70
Количество созданных ПТК** по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов, ед.	6	101	226
Количество созданных мусоросортировочных комплексов ТКО, ед.	60	210	310
Доля промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов в ВВП	0,08	0,1	0,11
Уровень снижения образования отходов к 2016 г.	-	-1,8	-3,7
Доля импорта оборудования для обработки, утилизации и обезвреживания отходов	60	20	10

Источник: Стратегия развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года.

* ТКО - твердые коммунальные отходы,

** ПТК - природно-территориальный комплекс

По итогам заседания президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому планированию и национальным проектам в декабре 2018 г. был утвержден паспорт национального проекта «Экология» (сроком реализации до 2024 г.), который включает раздел «Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами» (далее – нацпроект). Ключевые цели нацпроекта – создание эффективной системы обращения с отходами производства и потребления, включая ликвидацию всех выявленных на 1 января 2018 г. несанкционированных свалок в границах городов.

Во многом стратегические направления нацпроекта пересекаются с целями и задачами, изложенными в Стратегии, однако некоторые целевые показатели, установленные в этих программных документах, не соответствуют друг другу. Например, согласно Стратегии, доля ТКО, направленных на обработку в общем объеме образованных отходов, к 2025 г. должна будет составить 50% (см. табл. 1), а задача нацпроекта – увеличить эту долю до 60% уже в 2024 г.⁴ В ходе заседания проектного комитета национального

⁴ См. Паспорт национального проекта «Экология». URL: <http://static.government.ru/media/files/pgU5Ccz2iVew3Aoe15vDGSjBjDn4t7F1.pdf>. С. 2 (дата обращения 01.10.2019).

проекта «Экология»⁵ в сентябре 2019 г. было отмечено, что некоторые целевые показатели этого нацпроекта расходятся с ключевыми параметрами, утвержденными на заседании Совета при Президенте по стратегическому развитию и национальным проектам по итогам майских указов Президента 2018 г. Также было сказано о необходимости изменения кадрового и финансового обеспечения федеральных проектов, был поднят вопрос о корректировке статистического инструментария для наблюдения за отходами производства и потребления в части ТКО, отмечена возможная смена руководителей и администраторов ряда федеральных проектов, а также лиц, ответственных за проведение социологической оценки удовлетворенности населения экологической обстановкой.

Недостатки управления системой обращения с отходами

Несмотря на то, что формирующееся экологическое законодательство существенно уточнило понятийный аппарат, пересмотрело полномочия федеральных, региональных и местных властей в сфере обращения с отходами, скорректировало требования к территориальным схемам в этом и т.д., в современном законодательстве, регламентирующем деятельность по обращению с отходами, остается еще много «белых пятен» и недостатков. Отметим некоторые из них.

1. Нередко *в законодательных актах не прописываются механизмы осуществления изложенных в них задач*, что делает их своевременно невыполнимыми.

Так, в соответствии с законом № 458-ФЗ от 29.12.2014 г. все субъекты РФ должны были принять к началу 2017 г. территориальную схему обращения с отходами, определить региональных операторов по обращению с ТКО и утвердить соответствующие тарифы на их услуги. Сбор, транспортировка, обработка, утилизация, обезвреживание, захоронение твердых коммунальных отходов на территории субъекта Российской Федерации должны обеспечиваться региональными операторами в соответствии с региональной программой и территориальной схемой обращения с отходами. Региональный оператор обязан заключить договор

⁵ См. «Паспорт нацпроекта «Экология» будет актуализирован» // Информационный бюллетень «Экология производства. Новости экологии» 20.09.2019. URL: <https://news.ecoindustry.ru/2019/09/pasport-natsproekta-ekologiya/> (дата обращения: 01.10.2019).

с муниципальными властями, а собственники коммунальных отходов (предприятия и управляющие компании) – с операторами, обслуживающими данную зону. Таким образом, предлагалась достаточно прозрачная схема обращения с ТКО.

Однако позднее из-за многочисленных сложностей, возникших на региональном уровне, срок перехода регионов на эту схему перенесли на 1 января 2019 г., были существенно изменены условия заключения соглашений с уже действующими операторами. Так, появилась возможность присвоения статуса регионального оператора без проведения конкурса, что может потом спровоцировать превышение должностных полномочий ответственных лиц. Было разрешено бесконтрольное включение в реестр несанкционированных свалок и выдача разрешений на их эксплуатацию региональными операторами, что неизбежно ведет к замораживанию строительства современных мусороперерабатывающих комплексов и губительно сказывается на инвестиционной привлекательности отрасли. Юридическим лицам разрешили отказаться от заключения договора с региональным оператором при наличии у них собственного объекта размещения отходов.

К числу недостатков предложенных схем относится неизбежная монополизация местных рынков обращения с ТКО, так как после выбора регионального оператора конкуренция в этой сфере, по сути, ликвидируется. Возникнут значительные риски для уже существующих независимых коммерческих предприятий, ориентированных на сортировку и глубокую переработку отходов, а у монополистов будут отсутствовать стимулы к повышению эффективности переработки и захоронения ТКО вследствие возможности прямого переноса затрат на конечных потребителей. (Как известно, с 1 января 2019 г. вывоз мусора и утилизация отходов стали коммунальной услугой, включенной в платежи за жилищно-коммунальные услуги отдельной строкой, что привело к росту тарифов на вывоз мусора.)

Кроме того, не сформированы механизмы, обеспечивающие соблюдение региональными операторами распоряжения Правительства РФ № 1589-р от 25.07.2017 г., которым утвержден перечень видов отходов производства и потребления, содержащих полезные компоненты, захоронение которых запрещается. Запреты на захоронение вводятся поэтапно в 2018–2021 гг. При этом переход к раздельному сбору мусора (без чего невозможно

отбирать входящие в перечень отходы) предполагается осуществить только к 2024 г. Понятно, что это потребует больших инвестиционных вложений для установки необходимого оборудования, так как одними воспитательными и просветительскими мерами обойтись не удастся, но механизм стимулирования этих инвестиций до сих пор не разработан.

Как следствие, в большинстве регионов развитие глубокой переработки ТКО и повышение экологической ответственности происходят пока недостаточно быстро, что, на наш взгляд, требует оценки потенциала и перспектив развития этой сферы с учетом проводимых преобразований и региональных особенностей.

Так, к концу 1 квартала 2018 г. только в 19 субъектах Федерации были выбраны 32 региональных оператора, и только в пяти из них выбранные организации приступили к работе [Бабич, 2018. С. 25]. На начало 2019 г. программы обращения с отходами приняты только в 60 регионах, территориальные схемы утверждены во всех субъектах РФ, но и с ними не так все просто. Например, в сентябре 2018 г. Верховный суд Республики Татарстан удовлетворил иск экологов, оспоривших уже принятую территориальную схему. Постановлением Верховного суда были отменены ключевые части документа: нормативы накопления, потоки и условия раздельного сбора ТКО, расположение и развитие инфраструктуры обращения с отходами (строительство мусоросжигающего завода и создание полигона золошлаковых отходов). Без указанных частей территориальная схема не сможет полноценно функционировать и считается недействующей, и выбранные в республике региональные операторы не могут по ней работать. Аналогичные проблемы возникли в Забайкальском и Красноярском краях, Бурятии и Хакасии, в Новосибирской области^{6,7,8}. Из-за неготовности большинства регионов к реформе было принято решение о переносе срока ее запуска на 1 января 2020 г., а для городов федерального значения – на 1 января 2022 г.

⁶ Черных К. 120 миллиардов в мусор // Информационный портал «Континент Сибирь». 09.09.2016. URL: <https://ksonline.ru/238495/120-milliardov-v-musor/>

⁷ Власов Я. Мусорная реформа забуксовала в Сибири // Информационный портал «Тайга.инфо». 18.12.2018. URL: <https://tayga.info/144190>

⁸ Виктор В. Зарастем мусором? Почему невозможно развитие мусоропереработки в Сибири // Аргументы и факты. 22.05.2018. URL: http://www.nsk.aif.ru/society/zarastem_musorom_pochemu_nevozmozhno_razvitiye_musoropererabotki_v_sibiri (дата обращения: 01.09.2019).

Законодательные изменения коснулись и сферы обращения с отходами производства. В 2015 г. был введен принципиально новый механизм экономического регулирования – расширенная ответственность производителя. Это означает, что производитель (или импортер) принимает на себя ответственность за утилизацию выпущенной (ввезенной) продукции в конце ее жизненного цикла в виде выполнения установленных нормативов утилизации отходов или уплаты экологического (утилизационного) сбора. Выполнить норматив утилизации можно двумя путями: оплатить услуги оператора (выполнение норматива при этом подтверждается договором и актами утилизации) или использовать возвратный залоговый механизм и самому утилизировать отходы. Первый путь часто сопровождается нарушениями законодательства: отходы передаются организациям, осуществляющим только их сбор и транспортирование, хотя они не вправе выдавать акт или иной документ, подтверждающий утилизацию [Душакова, 2018].

Кроме того, в течение 11 месяцев предприятия имеют право накапливать отходы на своей территории в целях их дальнейшей утилизации и обезвреживания (снижения массы, сжигания, обеззараживания), и в течение этого срока с них не взимается плата за негативное воздействие на окружающую среду (НВОС), хотя все это время некоторые виды отходов практически беспрепятственно выделяют вредные вещества в почву, атмосферу и грунтовые воды. Однако по истечении 11 месяцев отходы чаще всего не утилизируются, а вывозятся на полигоны в своем первоначальном состоянии. Очевидно, это происходит из-за явного дисбаланса цен: предприятию выгоднее выбросить отходы и уплатить штраф, чем заниматься их утилизацией. Самый простой способ борьбы с такими злоупотреблениями – повышение тарифов за размещение отходов на полигонах до уровня, сопоставимого со стоимостью утилизации.

Сплошь и рядом нарушаются требования законодательства и к оснащению и регламенту деятельности полигонов по хранению отходов. Так, закон обязывает полигоны иметь в своем составе завод или установку (агрегат) по обезвреживанию промышленных отходов путем сжигания и физико-химической переработки с целью обезвреживания или понижения токсичности (класса опасности), перевода в нерастворимые формы,

сокращения объема и т.п. В рамках мониторинга полигонов должно контролироваться состояние атмосферного воздуха, почвы и подземных вод не только на территории объекта, но и в его санитарно-защитной зоне. Однако не все полигоны располагают необходимыми мощностями по переработке, имеющееся оборудование, как правило, устаревшее, эффективность его функционирования никем не проверяется.

2. Размеры платежей за негативное воздействие на окружающую среду при размещении отходов не компенсируют затраты на ликвидацию отходов и не стимулируют рециклинг.

По действующему законодательству, плату за размещение на полигоне отходов, за исключением твердых коммунальных, должны вносить юридические лица и индивидуальные предприниматели, при осуществлении которыми хозяйственной и (или) иной деятельности образовались эти отходы. При размещении твердых коммунальных отходов плату вносят региональные операторы, которые самостоятельно или через управляющие компании собирают платежи с их собственников – населения.

Однако к такому решению пришли не сразу: в течение 2016–2018 гг. из-за противоречий в нормативных актах существовала неразбериха: кто должен платить – предприятие или региональный оператор. В результате в 2018 г. была вовсе отменена плата за НВОС за два предыдущих года (2016 г. и 2017 г.) [Фильченкова, Азуева, 2018. С. 14], и тем «не в меру добросовестным» предприятиям, которые вовремя заплатили экологические налоги (с начала 2019 г. платежи за НВОС переведены в разряд налоговых платежей), предстоит волокита по возвращению или перерасчету этих сумм. Понятно, что подобные решения законодательных органов порождают несерьезное и безответственное отношение плательщиков, которые начинают рассматривать плату за НВОС в результате размещения отходов как необязательный и непродуманный инструмент, который можно игнорировать или как можно дольше затягивать выплату экологических налогов.

Постановлением Правительства РФ от 13.09.2016 № 913 «О ставках платы за негативное воздействие на окружающую среду и дополнительных коэффициентах» были установлены базовые тарифы за размещение отходов (см. табл. 2).

Таблица 2. Базовые ставки платежей за размещение отходов производства и потребления по классу их опасности в 2016–2018 гг., руб./т

Класс опасности отходов	2016	2017	2018
I (чрезвычайно опасные)	4452,4	4643,7	4643,7
II (высокоопасные)	1908,2	1990,2	1990,2
III (умеренно опасные)	1272,3	1327	1327
IV (малоопасные)	635,9	663,2	663,2
V (практически неопасные):			
добывающей промышленности	1	1,1	1,1
перерабатывающей промышленности	38,4	40,1	40,1
Прочие	16,6	17,3	17,3

Источник: Постановление Правительства РФ от 13.09.2016 № 913 «О ставках платы за негативное воздействие на окружающую среду и дополнительных коэффициентах».

Платежи за НВОС должны носить компенсационный характер, однако их размер трудно назвать адекватным. Поступающих платежей не хватает на финансирование рекультивации земель, занятых под свалками. В 2018 г. базовые ставки платежей не были увеличены, хотя инфляция за год составила 4%. В 2019 г. повышающий коэффициент для тарифов был установлен на уровне всего 1,04, хотя инфляция также была более высокой.

Кроме того, известны примеры обратного индексирования: в 2017 г. оплата за НВОС при размещении отходов IV класса опасности была почему-то снижена в семь раз. Предприятия могут совсем освободиться от платежей, если они снижают класс опасности отходов перед захоронением. Платежи за отходы V класса опасности – практически нулевые, хотя это в основном техногенные отходы ТЭК, которые также оказывают нагрузку на окружающую среду из-за отчуждения земель, нарушения естественных биогеохимических циклов, загрязнения вредными и токсичными веществами атмосферы, почвы, поверхностных и подземных вод. По оценкам специалистов, негативное воздействие техногенных отходов на окружающую среду проявляется на территории, превышающей площадь их складирования в 10–15 раз.

Часто предприятия стремятся перевести отходы I–IV класса опасности в V класс или сертифицируют их в качестве вторичного сырья, что позволяет экономить на плате за НВОС. Такой перевод выгоден еще и тем, что исчезает проблема размещения отходов на полигонах: отходы I–IV класса опасности можно

продать только лицензированной организации, отходы V класса опасности и продукцию – кому угодно [Альгешкина, 2018. С. 61]. Однако критерии сертификации отходов проработаны недостаточно, в законодательстве существуют противоречия относительно определения степени опасности отходов.

Например, согласно статье 4.1 Федерального закона № 89-ФЗ от 24 июня 1998 г. «Об отходах производства и потребления» отходы делятся на пять классов опасности, из которых V класс называется «практически неопасным для окружающей среды». Однако в «Санитарных правилах по определению класса опасности токсичных отходов производства и потребления» СП 2.1.7.1386–03 принята четырехступенчатая классификация отходов, по которой последний IV класс считается «малоопасным». То есть одновременно существуют две классификации, которые оценивают один и тот же вид отходов по-разному.

Некоторое усиление стимулирующей функции платежей за НВОС наблюдается при сверхлимитном и несанкционированном размещении отходов, когда размеры платежей увеличиваются в пять раз. При этом платежи за размещение отходов в пределах установленных лимитов засчитываются в себестоимость продукции, платежи за превышение лимитов должны выплачиваться за счет прибыли. Однако предприятия всячески скрывают сверхлимитное и несанкционированное размещение отходов: «временно» хранят их на собственных территориях более 11 месяцев⁹, не берут ответственность за несанкционированные свалки и т.д., поэтому данный стимулирующий механизм не работает.

3. Недостаточно обоснованы лицензионные требования к деятельности, связанной с отходами.

С конца 2017 г. транспортировка отходов выделилась в отдельный вид деятельности, не требующий лицензирования [Алымова, 2018. С. 34]. Предприятиям можно осуществлять либо сбор, сопровождающийся переработкой, утилизацией, обезвреживанием или размещением отходов, либо только транспортировку отходов (или представлять их как разные виды деятельности,

⁹ Плата за НВОС при размещении отходов взимается, когда предприятие осуществляет хранение или захоронение отходов в специальных объектах хранения или захоронения. Процесс «лежания» отходов (в том числе свыше 11 месяцев), который не обладает признаками хранения или захоронения, – не является размещением отходов, следовательно, плата за НВОС не взимается.

первая из которых требует лицензирования, а вторая – нет). Хозяйствующий субъект не может осуществлять исключительно сбор или сбор с транспортировкой [Эндеко, 2018. С. 6].

Таким образом, одновременная деятельность по сбору и транспортировке отходов (например, «зеленые» контейнеры для сбора раздельного мусора, который увозился для переработки собственным транспортом перерабатывающих предприятий, или система накопления в общественных пространствах, таких как торговые центры) попала под запрет.

Чтобы обойти этот запрет, был придуман такой вид деятельности, как «накопление» отходов (хотя по логике, чтобы накапливать отходы, нужно их сначала собрать), который также не требует лицензирования. В свою очередь, отмена лицензирования транспортной деятельности вызывает сомнение, так как транспорт для перевозки отходов должен отвечать специальным требованиям безопасности. Однако недостаточно аргументирована необходимость лицензирования сбора некоторых видов отходов (батареек, макулатуры), как и необходимость совмещать их сбор с обязательной дальнейшей переработкой.

Лицензионные требования к деятельности по заготовке, переработке и реализации лома черных и цветных металлов накладывают существенные ограничения на деятельность малых предприятий. С одной стороны, когда юридическое лицо или индивидуальный предприниматель занят только сбором металлолома, ему, согласно лицензионному требованию, вменяется иметь производственные площади, ломоперерабатывающее оборудование и лабораторию, что для их работы не нужно. С другой стороны, совсем не лицензируется деятельность по обращению с отходами V класса (практически неопасными для окружающей среды), хотя, как уже отмечалось, образование и накопление данного вида отходов несет определенный вред и также нежелательно.

Региональным операторам с 2019 г. разрешено вводить квоты на использование услуг малых и средних предприятий в области транспортирования ТКО, причем предоставление возможности таких услуг будет осуществляться по итогам аукционов, что, скорее всего, снизит заинтересованность малого и среднего бизнеса в такой деятельности.

4. Требуют совершенствования механизмы экологического и утилизационного сборов.

С января 2015 г. законом № 458-ФЗ в ФЗ изменен регламент распределения доходов, поступающих в виде экологического сбора. Собранные доходы от экологического и утилизационного сборов поступают в федеральный бюджет, а затем в виде субсидий распределяются по субъектам РФ (сначала было принято решение, что пропорционально численности населения, но с начала 2019 г. это решение было отменено и принцип распределения остался неизвестен) при наличии региональной программы и территориальной схемы в области обращения с отходами.

Но, во-первых, как уже отмечалось, только несколько регионов к 2019 г. имеют действующие программы и территориальные схемы. Во-вторых, государство оставляет за собой право задерживать выплату субсидий до истечения жизненного срока товаров и на практике часто использует эти средства на текущие нужды, не связанные с переработкой отходов, в результате чего реальное субсидирование откладывается на неопределенное время. В итоге муниципальные предприятия по переработке отходов не получают поддержки, темпы модернизации отрасли замедляются.

Таким образом, сложившийся подход к распределению и расходованию средств экологического сбора не обеспечивает решение проблемы сбора и переработки отходов. Необходимо целенаправленно доводить средства, вырученные от экосбора, до конкретных предприятий и региональных операторов, участвующих в утилизации отходов, например, в виде компенсации за каждую тонну собранных вторичных ресурсов.

В идеале размер экологического сбора должен стимулировать возвратный механизм. Сегодня же отделение рециклинга от основных технологических процессов повышает стоимость вторичного сырья (за счет прибыли и издержек посредников). Для того чтобы возвратный механизм стимулировал производство продукции с простой утилизацией, необходимо разрешить предприятиям получать субсидии на инвестпроекты в пределах уплаченного сбора за товары, жизненный цикл которых еще не истек.

Для того же, чтобы собранные по экологическому сбору средства не размывались и расходовались целевым образом,

имеет смысл аккумулировать их во внебюджетном фонде. Тогда при условии повышения сбора он будет служить не только для компенсации текущих затрат региональных операторов и отдельных производителей, но и способствовать развитию индустрии рециклинга в целом [Королева, 2016].

В случае обязательного утилизационного сбора (сбор, который выплачивает производитель транспортного средства, в отдельных случаях – собственник, например, если автомобиль привезен из-за границы) у предприятия нет права выбора – платить сбор или самому утилизировать изделие после его списания, то есть данный сбор представляет собой инструмент только протекционистской политики, увеличивающий издержки производителей, о фискальном стимулировании рециклинга речи не идет, что, по нашему мнению, неправильно. На наш взгляд, утилизационный сбор должен быть организован по принципу экологического.

Также желательно усовершенствовать принцип тарификации утилизационного сбора, искажающего влияние на автомобильную промышленность. Сегодня его величина зависит от возраста и объема двигателя автомобиля. Нам же кажется целесообразным повысить зависимость сбора от факторов, влияющих на стоимость безопасной для окружающей среды утилизации (материалы объекта, рентабельность переработки отходов и т.п.).

Наконец, есть еще один важный момент в экологическом регулировании, которому, на наш взгляд, необходимо уделять больше внимания. Это формирование «экологической сознательности» в обществе. Речь идет не только о раздельном сборе бытовых отходов. Напомним: с 1 января 2019 г. был увеличен экологический сбор для производителей упаковки. Тариф для пластмассовой упаковки увеличился в 2,7 раза, а для металлической – более чем в восемь раз. При этом издержки производителя, конечно, легли на конечного потребителя: во многих регионах повысились цены на фасованные продукты, газированные и молочные напитки. На наш взгляд, если бы была введена открытая форма экологического и утилизационного сборов для потребителей в виде отдельной строки в чеке, это позволило бы потребителю узнать, сколько он платит за загрязнение окружающей среды, и более осознанно подойти к выбору между собственным комфортом и экономией на экологических платежах.

Заключение

В статье рассмотрены только основные недостатки существующего механизма управления сферой обращения отходов. Есть множество других проблем, как в области тарификации (применение понижающих и повышающих коэффициентов к экологическим тарифам и налогам), так и в части лимитирования и нормирования (нормативы образования отходов, лимиты на их размещение, нормативы утилизации), в сфере категоризации (отнесение отходов к разным классам опасности, нередко – отожествление жидких отходов со сточными водами) и др. Таким образом, для успешной реализации Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов до 2030 г. требуется совершенствование имеющихся и создание более действенных механизмов регулирования данной сферы, а также – создание эффективной системы снижения отходоёмкости производственных процессов.

Литература

- Альгешкина О. А.* Сертификация отходов как сырья // Экология производства. 2018. № 7. С. 60–65.
- Алымова В. А.* Сбор «ушел», транспортирование осталось // Экология производства. 2018. № 3. С. 33–39.
- Бабич М. Е.* Твёрдые коммунальные отходы: от обязанности к ответственности // Экология производства. 2018. № 3. С. 24–28.
- Душакова Н. М.* Реализация расширенной ответственности производителя // Экология производства. 2018. № 4. С. 40–46.
- Королева Л. П.* Где взять деньги на рециклинг? // ЭКО. 2016. № 10. С. 142–155.
- Мамин Р. Г.* Инновационные механизмы управления отходами. М.: МГСУ, 2013. 136 с.
- Назаров А. И.* Управление твёрдыми отходами в субъекте Федерации. Екатеринбург: Издательские решения, 2018. С. 296.
- Пляскина Н. И., Харитонова В. Н.* Управление в сфере обращения с твёрдыми коммунальными отходами: современное состояние // ЭКО. 2016. № 12. С. 5–19.
- Сычева А., Асадчева М.* Сектор обращения с отходами: текущая ситуация, законодательные рамки, опыт регионов, перспективы // Устойчивое развитие России. Под ред. С. Бобылева, Р. Перелета. Берлин-СПб.: Trigger, 2013. С. 76–83.
- Ферару Г. С.* Проблемы, тенденции и способы регулирования деятельности по обращению с отходами // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2011. № 7. С. 24–32.

Фильченкова О.А., Азуева Л.М. Разъяснения по исчислению и взиманию платы при размещении отходов // Экология производства. 2018. № 3. С. 9–18.

Эндеко А.И. Разъяснения об изменениях в области обращения с отходами // Экология производства. 2018. № 6. С. 6–10.

Abbott A., Nandeibam S., O'Shea L. The Displacement Effect of Convenience: The Case of Recycling// *Ecological Economics*. 2017. V. 136. P. 159–168.

Fremstad A. Does Craigslist Reduce Waste? Evidence from California and Florida // *Ecological Economics*. 2017. V. 132. P. 135–143.

Статья поступила 20.02.2020

Статья принята к публикации 08.05.2020.

Для цитирования: Тагаева Т.О. Реформирование управления деятельностью по ликвидации отходов в РФ // ЭКО. 2020. № 9. С. 46-61. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-9-46-61.

Summary

Tagaeva, T. O., *Doct. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk State University, Novosibirsk*

Reforming of Waste Management Activities in the Russian Federation

Abstract. The paper discusses the processes of reforming the waste management sphere. These activities started in early 2014, but are not always carried out in a deliberate and constructive way. The paper presents analysis of Industrial Development Strategy for processing, recycling and disposal of production and consumption waste for the period up to 2030 and the National project “Ecology”. The paper reveals main shortcomings of institutional mechanisms of Russian environmental legislation. Overcoming these obstacles is necessary for successful implementation of goals and tasks, which are set out to these policy documents.

Keywords: *production and consumption waste; territorial scheme of waste management; payment for negative impact on environment; recycling; environmental legislation*

References

Abbott, A., Nandeibam, S., O'Shea, L. (2017). The Displacement Effect of Convenience: The Case of Recycling. *Ecological Economics*. Vol. 136. Pp. 159–168.

Al'geshkina, O.A. (2018). The waste's certification as raw materials. *Ekologiia proizvodstva*. No. 7. Pp. 60–65. (In Russ.).

Alymova, V.A. (2018). The collection “goes out”, the transportation remains. *Ekologiia proizvodstva*. No. 3. Pp. 3–39. (In Russ.).

Babich, M.E. (2018). Solid municipal waste: from duties to responsibilities. *Ekologiia proizvodstva*. No. 3. Pp. 24–28. (In Russ.).

Dushakova, N.M. (2018). The implementation of extended producer's responsibility. *Ekologiia proizvodstva*. No. 4. Pp. 40–46. (In Russ.).

Endeko, A.I. (2018). The clarifications about changes in the field of waster management. *Ekologiia proizvodstva*. No. 6. Pp. 6–10. (In Russ.).

Feraru, G.S. (2011). Problems, trends and ways of regulating waste management activities. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Informatika*. No. 7. Pp. 24–32. (In Russ.).

Fil'chenkova, O.A., Azueva, L.M. (2018). The clarifications about calculations and collecting of payment for waste disposal. *Ekologiya proizvodstva*. No. 3. Pp. 9–18. (In Russ.).

Fremstad, A. (2017). Does Craigslist Reduce Waste? Evidence from California and Florida. *Ecological Economics*. Vol. 132. Pp. 135–143.

Koroleva, L.P. (2016). Where can we take money for recycling? *ECO*. No. 10. Pp. 142–155. (In Russ.).

Mamin, R.G. (2013). *Innovative waste management mechanisms*. Moscow. MGSU. P. 136. (In Russ.).

Nazarov, A.I. (2018). *Solid waste management in a Federal subject*. Ekaterinburg: Izdatelskiye resheniia. P. 296. (In Russ.).

Pliaskina, N.I., Kharitonova, V.N. (2016). Management in the field of solid municipal waste management: contemporary situation. *ECO*. No. 12. Pp. 5–9. (In Russ.).

Sycheva, A., Asadcheva, M. (2013). Waste management sector: current situation, legislative framework, regional experience, prospects. *Sustainable development of Russia*. Ed. S. Bobyleva. R. Pereleta. Berlin-SPb.: Trigger. Pp. 76–83. (In Russ.).

For citation: Tagaeva, T.O. (2020). Reforming of Waste Management Activities in the Russian Federation. *ECO*. No. 9. Pp. 46–61. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-9-46-61.

Анти-Аузан: критика одной социальной философии

Часть 1

В.М. ЕФИМОВ, доктор экономических наук.

E-mail: vladimir.yefimov@wanadoo.fr

независимый исследователь, Франция

Аннотация. В статье дается ответ на вопрос, почему в новой институциональной экономической теории (НИЭТ) игнорируется институт денег, несмотря на то, что этот институт является центральным в капиталистической экономике. Дело в том, что НИЭТ, продолжая традиции сначала классической политической экономии, а затем и неоклассического экономикс, нацелена на легитимацию монетарного социального порядка, в котором эмиссия значительной части денежной массы осуществляется частными банками при выдаче кредитов. Монетарный социальный порядок впервые возник в Англии в результате «Славной революции» 1688 г., следствием которой было подчинение государства буржуазии. Деньги при этом становятся основным источником власти, на сокрытие чего и нацелена преподаваемая в университетах экономическая теория. Впервые деньги как социальный институт последовательно стали рассматриваться в институциональной экономике Джона Коммонса, и НИЭТ, выхолостив ее основные понятия, продолжает, как университетская учебная дисциплина, дело идеологического прикрытия монетарного социального порядка.

Ключевые слова: колея профессии советского политэконома; А. А. Аузан; новая институциональная экономическая теория; исходный институционализм; Дж. Коммонс; монетарный социальный порядок; противостояние двух теорий денег; Д. Норт; идеологическое сопровождение монетарного социального порядка

Один мудрый историк сказал:
«Ведущие экономисты беспокоятся,
что институциональная экономика
претендует на главное направление
в мировой экономической теории.
Они заблуждаются. Институциональная
экономика мечтает не о господствующем
положении в экономической теории,
а о превращении в новую социальную
философию»

[Аузан, 2017. С. 9]

Колея (path dependence) профессии советского политэконома

В 1917 году большевики пришли к власти в России, после чего начали производить радикальные институциональные изменения, находя вдохновение в марксизме, в частности в «Капитале» Карла Маркса. Через 20 с небольшим лет они создали в стране новый социальный порядок, и для его легитимации требовалось идеологическое обоснование. Интерпретация советского социального порядка была осуществлена на базе марксистских понятий, так как лидеры партии посчитали, что деятельность по приходу к власти, а затем по политическому и экономическому строительству должна была быть обоснована на единой понятийной базе [Ефимов, 2020]. Одной из важнейших задач экономического факультета МГУ (создан в 1941 г.) было развитие преподавания этого обоснования.

Будучи сначала студентом и аспирантом, а затем и доцентом на кафедре «Математические методы анализа экономики» экономического факультета МГУ, я хорошо помню, насколько тяжело было сотрудникам кафедры политэкономии втискивать советские реальности в прокрустово ложе марксистской политической экономии. Автор книги «Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь», нынешний декан экономфака МГУ А. А. Аузан, начал свой профессиональный путь на этой кафедре, занимая последовательно на протяжении 20 лет должности от ассистента (1983) до профессора кафедры (2002).

В 1991 году в России было осуществлено другое радикальное институциональное изменение, активные участники которого, не без внешнего иностранного влияния, черпали свое вдохновение в идеологии неоллиберализма. К этому времени неоллиберализм, требующий максимальной приватизации и минимального участия государства в экономике, получил наиболее полное идеологическое обоснование в так называемой Новой институциональной экономической теории (New Institutional Economics).

Как вспоминает А. А. Аузан: «Первооткрывателем этого направления в России был замечательный российский экономист Ростислав Капелюшников, который в 1990 году опубликовал брошюру “Экономическая теория прав собственности”. Это было первое подробное реферированное изложение идей неоллиберализма, за которые тогда как раз начали

давать Нобелевские премии. Причем оно так потрясло умы, что некоторые члены гайдаровского правительства стали устраивать своим сотрудникам экзамен по этой брошюре» [Аузан, 2010]. Экономический факультет МГУ вслед за вновь созданной Высшей школой экономики активно включился в преподавание курса «Институциональная экономика», который и излагает идеи неoinституционализма. Сейчас этот курс – неотъемлемая часть экономического университетского образования в России¹, а число различных отечественных учебников под названием «Институциональная экономика» перевалило за два десятка.

Большая часть из них взяла в качестве образца книгу исландского экономиста Трауинна Эггертссона [Эггертссон, 2001], чтение рукописи которой, по собственному признанию Дугласа Норта, повлияло на содержание его знаменитого труда «Институты, институциональные изменения и экономическая эффективность» [North, 1990]².

Книга А. А. Аузана «Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь» (ее первое издание вышло под названием «Институциональная экономика для чайников») хотя по структуре и идеям похожа на все остальные, однако сильно отличается от них по форме. Аналогично тому, как раньше поступали экономисты, работающие в области политэкономии социализма, А. А. Аузан пытается, в частности, интерпретировать уже постсоветский социальный порядок, но теперь, конечно, уже не опираясь на марксизм, а в терминах теоретических конструкций, отражающих в наукообразном виде идеологию, послужившую возникновению этого порядка, а именно идеологию неоллиберализма.

¹ А. А. Аузан вспоминает также историю возникновения в России курса «Институциональная экономика»: «Параллельно с нами преподавание институциональной экономики развивалось в Высшей школе экономики. Этим занимался мой друг и одногруппник Ярослав Кузьминов, ректор ВШЭ и заведующий тамошней кафедрой институциональной экономики <...> Вышку создавали люди, пришедшие с экономического факультета МГУ <...>, люди того же замеса, наши давние друзья, которых мы хорошо понимаем» [Аузан, 2010]. Ярослав Кузьминов с 1979 г. по 1989 г. преподавал на кафедре истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ; в течение двух лет он руководил фондом «Культурная инициатива» Джорджа Сороса.

² Название русского перевода «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» [Норт, 1997] не совсем соответствует английскому оригиналу и несколько искажает сам замысел книги.

В начале 1990-х годов, в составе делегации экономфака МГУ, А. А. Аузан посетил Университет Висконсин-Мэдисон, который называют «домом Коммонса». «Там еще в 30–40-е годы образовалось мощное гнездо институциональной теории. И я помню, – вспоминает он, – какое впечатление произвел на меня Дэн Бромли, один из последователей этой школы, известный американский институционалист, который убеждал меня в том, что мы все это знали и понимали раньше, просто пользовались другой терминологией» [Аузан, 2010]. А. А. Аузан уточняет: «Институционализм дал точные термины, позволившие людям научно оформить то, что они знали и раньше».

Профессор Дэниэл Бромли действительно пытается опираться на некоторые идеи Джона Коммонса [Bromley, 2006], однако, исходя из его исследовательских практик и публикаций, его никак нельзя считать полноценным последователем Коммонса, школа которого работала по-другому [Резерфорд, 2012а; 2012b].

Как сам Джон Коммонс, так и его студенты совсем не основывались в своих эмпирических исследованиях и теоретических построениях на том, что, как пишет А. А. Аузан, «нет идеального человеческого поведения, нет людей, которые понимают все, и нет людей, которые не пытались бы хоть раз хоть в чем-то нарушить правила». И уж совсем точно, что центральное положение институциональной экономической теории Дж. Коммонса известно мало кому из экономистов. Речь идет о его понимании роли денег в функционировании капиталистической экономики.

Заметим, что, следуя неоклассике, ни Норт, ни другие создатели Новой институциональной экономической теории не включили деньги в свои теоретические построения. Возникает вопрос: почему? Ведь по Дж. Коммонсу, деньги – это социальный институт, причем играющий центральную роль в западном социальном порядке. Очевидно, и факт того, что деньги – это институт, то есть совокупность правил, которые в принципе можно изменить, и то, как на самом деле функционирует этот институт, – большая тайна, которую сильные мира сего, а также те, кто находится у них в услужении, стараются скрыть. И вот уже в течение 300 лет это у них неплохо получается.

Вот как Дж. Коммонс раскрывает эту тайну. Опираясь, в частности, на идеи Генри Маклеода [Маклеод, 1865], которого

он назвал инициатором (*originator*) институциональной экономики [Commons, 1990. P. 399], Дж. Коммонс определил деньги следующим образом: «Деньги в их современном значении – это социальный институт фиксации долгов, их обращаемости и освобождения от них, долгов, возникающих в рамках трансакций <...> Свойство денег быть средством обмена является вторичным, первичным же является их свойство служить средством создания, передачи и погашения долгов. Но если деньги есть социальный институт, то каждая трансакция по предоставлению займа создает новые деньги <...>, а если так, то при определении денег нужно отказаться от статичной идеи количества и перейти к динамичной идее процесса. Процесс этот представляет собой миллионы трансакций, участниками которых являются банкиры» [Ibid. P. 513]. Этот процесс может быть также проинтерпретирован как процесс записей и перезаписей долгов всего платежного сообщества, использующего одну и ту же валюту, членам этого сообщества в некой большой «бухгалтерской книге». Такому пониманию денег Дж. Коммонс придавал особое значение в своих теоретических построениях. Он так и написал в автобиографии: «После многих лет работы над моей институциональной экономикой я сделал Обязательство и Долг, а не Свободу и Любовь, основами институциональной экономики» [Commons, 1964. P. 52].

Именно утверждение Коммонса о том, что «каждая трансакция по предоставлению займа создает новые деньги», является тщательно скрываемой тайной, к сохранению которой и подключилась Новая институциональная экономическая теория. Экономисты способствуют этому, либо игнорируя деньги в своих теоретических построениях, либо пропагандируя товарную теорию денег, идущую от Аристотеля. Так Т. Эггертссон недвусмысленно заявляет, что «экономистам подобает трактовать деньги как еще один ценный товар и исследовать поток услуг, поставляемых запасом денег» [Эггертссон, 2001. С. 253].

Однако в последнее время возникает все больше и больше публикаций, где эта тайна раскрывается. Вот как процесс создания денег частными банками объясняется в периодическом издании Банка Англии: «Когда банк выдает кредит, например, кому-то, взявшему ипотеку, чтобы купить дом, он обычно не делает это, давая ему тысячи фунтов в банкнотах, он кредитует

его банковский счет с банковским депозитом размером ипотеки. *В этот момент создаются новые деньги*»³ [McLeay et al., 2014. P. 16]. Авторы этой публикации констатируют: «То, что считается деньгами в современной экономике, такой как британская, 97% денег, находящихся у населения, существует в форме депозитов в банках, а не в виде купюр или монет» [Ibid. P. 5]. В таком объяснении работы банковской системы к ним присоединяется лорд Мервин Кинг⁴ в своей книге «Конец алхимии: деньги, банковское дело и будущее глобальной экономики» [King, 2016].

Достаточно много авторов выступают за отмену системы, при которой частные банки осуществляют эмиссию денег. Среди них и немецкий социолог Йозеф Хубер, опубликовавший книгу «Суверенные деньги. За пределами банковского резервирования» [Huber, 2017]⁵. Автор является заслуженным (*emeritus*) профессором Галле-Виттенбергского университета имени Мартина Лютера (Германия) и имеет тесную связь с двумя реформаторскими британскими организациями: Фондом новой экономики (*New Economics Foundation*) и некоммерческой организацией «Позитивные деньги» (*Positive Money*).

Недавно с разоблачением обозначенной тайны выступил известный российский экономист В.Ю. Катасонов в своей книге «Алхимия денег. Как банки делают деньги из воздуха» [Катасонов, 2020]. Позволю себе большую цитату из ее введения: «На самом деле, деньги банкирами-ростовщиками делаются на обмане, причем обман не является чрезмерно хитроумным. Масштабы обогащения за счет делания банками денег из воздуха значительно больше тех немалых прибылей, которые спекулянты типа Сороса получают от азартных игр на финансовых рынках. Более того, спекулянты вторичны по отношению к банкирам. Ибо они играют с помощью тех денег, которые банкиры-ростовщики создают из воздуха. Уверен, что Сорос знает об этой банковской алхимии по созданию денег из воздуха. Он ведь всю жизнь пользовался, как спекулянт, такими деньгами. Но раскрывать секреты денежной алхимии он не будет. На эту тему наложено строгое табу “хозяевами денег”. А “хозяева денег” – как раз те, кто делают

³ Выделено в оригинале (В.Е.).

⁴ Отметим, что М. Кинг с 2003 по 2013 гг. был управляющим Банком Англии.

⁵ В моей статье «Конец алхимии финансов и суверенные деньги» [Ефимов, 2017] я кратко делаю разбор книг М. Кинга [King, 2016] и Й. Хубера [Huber, 2017].

деньги <...> Основная часть денег из воздуха создается частными банками. Это прикрываемое теми же самыми “хозяевами денег” фальшивомонетничество в особо крупных масштабах. Это тeneвая, серая, даже черная часть денежного мира. Я бы назвал эту деятельность ростовщиков “алхимией денег”. СМИ, экономическая “наука”, система экономического “образования” делают все возможное для того, чтобы люди не замечали этого фальшивомонетничества» [Катасонов, 2020. С. 5–6].

По своей резкости эти высказывания В. Ю. Катасонова близки словам Генри Форда, который в свое время заметил: «Хорошо, что народ не понимает, как работает наша банковская и денежная система. Иначе завтра же случилась бы революция»⁶. А Франклин Рузвельт выразился еще более определенно: «Теперь мы знаем, что положение, когда страной управляют организованные деньги, так же опасно, как и тогда, когда страной управляла бы организованная преступность»⁷.

Анализ истории магистрального направления экономической дисциплины, куда присоединилась и так называемая Новая институциональная экономическая теория, показывает, что в ее становлении решающую роль играли деловые круги, заинтересованные не в исследовании экономической реальности, а в отражении и изложении идеологии, выгодной этим кругам.

На протяжении всего XX века преподаваемые в университетах экономические теории выполняли идеологическую функцию обоснования и поддержания существующего социального порядка: на Западе – рыночного, а в СССР – советского. После падения советского социального порядка проекты западной помощи России были ориентированы как на смену этого порядка на рыночный, так и на соответствующее преобразование экономического образования по западному образцу. Образец этот предполагает обучение не реальностям рыночной экономики, а рыночному видению социальной реальности, при котором все человеческие отношения представляются как отношения обмена и купли-продажи, а сам человек как коварный корыстолюбец. Участие государства

⁶ “It is well enough that people of the nation do not understand our banking and monetary system, for if they did, I believe there would be a revolution before tomorrow morning”.

⁷ “We know now that Government by organized money is just as dangerous as Government by organized mob”.

в регулировании экономики оценивается в рамках этого образца в основном негативно [Ефимов, 2015; 2016].

Монетарный социальный порядок и трёхсотлетнее противостояние двух теорий денег

Существующий на Западе вот уже более трехсот лет социальный порядок мало назвать капитализмом. При капитализме допускается получение дохода на капитал, и в этом смысле можно говорить о средневековом капитализме [Эрс, 2014], однако в Средневековье деньги не были *важнейшим* источником власти, тогда как в конце XVII в. после так называемой «Славной революции» (1688 г.) и основания Банка Англии (1694 г.) создается принципиально новый социальный порядок, при котором буржуазия впервые подчиняет себе государство. Причем инструментом этого захвата власти буржуазией послужил преобразованный институт денег [Ingham, 2004; 2020].

Именно поэтому существующий более трехсот лет западный социальный порядок нужно охарактеризовать так такой, при котором обладание деньгами, этими универсальными талонами на получение товаров и услуг, а тем более правом их создания и контроля, является *важнейшим источником власти*. Я предлагаю назвать его *монетарным социальным порядком* [Ефимов, 2018а].

Нельзя говорить о существовании монетарного социального порядка в тех странах и в те периоды их существования, где и когда деньги играли важную роль во взаимодействии людей, но в то же время не являлись и/или не являются *важнейшим* источником власти. Именно это и имело место в России второй половины XIX и начала XX веков. Этот период можно рассматривать просто как один из этапов движения к действующему сейчас в России патрональному социальному порядку [Ефимов, 2018b; 2019].

Трёхсотлетняя история монетарного социального порядка сопровождается трёхвековым же противостоянием двух теорий денег, а именно счетно-долговой институциональной и товарной теории. Первая из них проявляется в некоторых редких эпизодических публикациях, в том числе и в двух книгах английского социолога Дж. Ингэма [Ingham, 2004; 2020]. Напротив, товарная теория денег продолжает доминировать в университетских

учебниках. В книге А. А. Аузана «Экономика всего», равно как и в книге Д. Норта «Институты, институциональные изменения и экономическая эффективность», как ни странно это может показаться на первый взгляд, нет даже упоминания о каких-либо теориях денег. Ничего не говорится об этом и в многочисленных российских учебниках по институциональной экономике.

Различие в восприятии денег, как товара и как института, можно пояснить, сравнивая деньги с такими явлениями, как шахматы и футбол, тем более что Дуглас Норт определил институт как правила игры (*rules of the game*). Шахматы – это не фигуры и доска, это правила взаимодействия шахматистов. Футбол – это не мяч, поле и ворота, это правила взаимодействия футболистов. Равным образом деньги – это не золото, монеты, банкноты, числа в бухгалтерской книге или компьютере, это правила взаимодействия членов определенного платежного сообщества, использующего одну и ту же валюту⁸.

Роль государства как арбитра в этом взаимодействии состоит в обеспечении следованию членов платежного сообщества правилам игры. В правила игры входят также выплата определенного количества денег в виде налогов государству. Клиенты частного банка образуют частное платежное сообщество, а публичное платежное сообщество образуется внутри государства, которое его легитимирует.

Монеты – универсальные жетоны на получение товаров и услуг. Банкноты – универсальные карточки-талоны на получение товаров и услуг. Деньги на счетах (банковские деньги) – записи в «большой бухгалтерской книге» платежного сообщества. Все три вида денег отражают долг платежного сообщества владельцу денег, который частично может передаваться государству в виде уплаты налогов.

Важнейшим правилом взаимодействия внутри платежного сообщества является прием денег, которыми обладает один из его членов («долговой расписки» сообщества этому его члену) в качестве оплаты за товар или услугу, который он получает от другого члена этого сообщества. При получении товара или услуги

⁸ Понятие платежного сообщества ввел член Немецкой историко-этической экономической школы Георг Кнапп в своей книге «Государственная теория денег», немецкий оригинал которой был опубликован в 1905 г. Перевод этой книги на английский язык [Кнапп, 1924] инициировал Дж. М. Кейнс.

долг сообщества этому его члену, выраженному в истраченной на покупку сумме денег, погашается⁹.

Эту счетно-долговую институциональную теорию денег большинство экономистов не знает и не воспринимает до сих пор. Вот что об этом пишет Дж. Ингэм: «Теоретики конца XIX века, создавшие методологию современного экономикс, придерживались той или иной версии товарной теории денег. Собственно деньги означали либо драгоценный металл, либо его конвертируемый бумажный символ. Деньги были по существу материальны и осязаемы; их можно было хранить и передавать из рук в руки – они циркулировали. Общепринятой теорией денег была теория золотого стандарта <...> Но теория, лежащая в основе новой экономической науки [экономикс], на самом деле была очень старой. Многие из наиболее влиятельных политэкономов XVII и XVIII веков – Локк, Петти, Юм, Кантильон – придерживались основных положений аристотелевского объяснения эволюции и функций денег. Чуть позже, «его [этого объяснения] позиции существенно укрепил А. Смит» [Шумпетер, 2004. С. 379]. Экономисты конца XIX века просто включили устоявшуюся теорию создания денег путем чеканки монет из драгоценных металлов в свои теории предельной полезности и спроса и предложения. Более того, несмотря на последующее исчезновение всех форм денег из драгоценных металлов (как реальной валюты, так и не обращающегося стандарта ценности/стоимости), фундаментальные предпосылки современного ортодоксального экономического мышления остаются основанными на этой самой ранней из известных теорий происхождения и функций денег» [Ingham, 2004. P. 15–16].

Й. Шумпетер в своей «Истории экономического анализа» выделяет два положения в теории денег Аристотеля: «Первое состоит в том, что для каких бы других целей ни использовались деньги, их фундаментальная функция, определяющая их и объясняющая их существование, заключается в выполнении роли средства обращения <...> Второе положение состоит в том, что, для того чтобы служить средством обращения на товарных рынках, сами деньги должны быть одним из этих товаров. То есть они

⁹ Интерпретацию советской денежной системы с помощью этой теории см. [Ефимов, 2018с].

должны быть полезной вещью и обладать меновой ценностью, не зависящей от их денежной функции; вот и все, что означает в этой связи внутренняя ценность – ценность, которая может сравниваться с другими ценностями. Таким образом, денежный товар, как и другие товары, оценивается в зависимости от его веса и качества; для удобства люди могут решить поставить на него штамп (χαρακτήρ) <характер>, чтобы сэкономить усилия, необходимые для того, чтобы каждый раз его взвешивать. Но этот штамп только провозглашает и гарантирует качество и количество товара, содержащегося в монете, и не является причиной его ценности» [Шумпетер, 2004. С. 78]. Средневековые теологи много черпали в своих схоластических рассуждениях у Аристотеля. Наверняка хорошо знал его произведения и Адам Смит, будучи профессиональным преподавателем теологии (первый из четырех разделов читаемого им курса моральной философии был посвящен натуральной теологии) и его теория денег практически совпадает с аристотелевской.

Как пишет Дж. Ингэм, вместо того, чтобы рассматривать отношения между агентами, ортодоксальная экономическая модель включает объект–объектные отношения (отношения обмена между товарами, или «функция производства») и отношения отдельных агентов с объектами (акты расчета полезности, или «функция полезности»). Вместе взятые, замечает Дж. Ингэм, объект–объектные и агент–объектные отношения составляют то, что Й. Шумпетер охарактеризовал как «реальная» экономика: «Деньги входят в общую картину только в скромной роли технического средства, принятого для облегчения сделок. Этот механизм может, несомненно, выйти из строя, и в этом случае он вызовет специфические явления, связанные с характером его функционирования (*modus operandi*). Но пока он работает нормально, он не влияет на экономический процесс, который протекает так же, как в бартерной экономике: именно это в основном подразумевает концепция нейтральных денег. Таким образом, деньги были названы “вуалью”, прикрывающей вещи, имеющие реальное значение как для домохозяйств и фирм в их повседневной практике, так и для наблюдающего за ними аналитика. При анализе основных черт экономического процесса их не только *можно*, но и *должно* отбросить, подобно тому как мы поднимаем вуаль, если хотим

увидеть скрывающееся под ней лицо. Соответственно, цены в денежном выражении должны уступить место меновым соотношениям между благами, являющимися действительно важными вещами, стоящими “за” денежными ценами» [Шумпетер, 2004. С. 361]. Новая институциональная экономическая теория не восприняла феномен денег как институт и в этом отношении, как и во многом другом, пошла на поводу у неоклассического подхода.

Начало противостояния рассмотрения денег как института и как товара нужно, по-видимому, отсчитывать от спора между Джоном Локком и секретарем казначейства Уильямом Лаундсом. Вот как Шумпетер прокомментировал этот спор в своей «Истории экономического анализа»: «Локк даже зашел так далеко, что заявил, будто то, что он называл снижением ценности монеты, бесполезно – и фактически невозможно – на том основании, что унция серебра никогда не могла бы стоить больше, чем унция серебра! Позиция Локка и ее аргументация уступали позиции его главного оппонента Лаундса. Вот что случается с человеком, “который отдает партии то, что принадлежит человечеству”. Странно и грустно отметить, что как сама мера, так и выступление Локка в ее защиту превозносились, иногда в самых восторженных выражениях, в течение более двухсот лет» [Шумпетер, 2004. С. 391].

Одним из важнейших положений идеологии Локка было трудовое происхождение частной собственности [Локк, 1988. С. 287]. А так как деньги являются важным элементом и центральной характеристикой частной собственности, то признание их кредитного/долгового характера существенно подорвало бы эту идеологию, направленную против государственной власти, которая в то время имела форму абсолютной монархии [Мартин, 2017. С. 146–164].

Основатель политического либерализма Джон Локк может рассматриваться как первый идеолог монетарного социального порядка, возникшего в результате «Славной революции». Это он в свое время закрыл путь для развития теории денег, отличной от товарной. Почему он это сделал, хорошо раскрыто в книге Феликса Мартина «Money. Неофициальная биография денег». Вот что писал автор этой книги по этому поводу: «Правда заключалась в том, что Локк прекрасно понимал политическую

важность денежного стандарта. Истоки денежной теории Локка находились как раз в его политической мысли. Три десятка лет, сквозь годы Реставрации, последствия Билля об отводе и Славной революции, Локк неустанно трудился, стараясь уничтожить интеллектуальную основу абсолютной монархии и упрочить позиции политического либерализма и конституционного правительства. В центре его философии находилась аксиома, что права человека на собственность даны ему от природы, а не по воле правителя. Именно на принципе естественного происхождения прав собственности основывалась защита Локком гражданских свобод от посягательства абсолютной власти, и именно этот принцип был идеологической базой нового режима – конституционного правительства. А деньги – как одна их наиболее важных категорий собственности – не могли быть исключением. Теорию денег [разделяемую экономистами того времени, что деньги не обязательно должны соответствовать золотому стандарту] необходимо было модифицировать в рамках новой политической философии. Точка зрения Лаундса и многих других экономистов эпохи, что ценность английских денег существует только по воле правителя, подразумевала, что каждый гражданин страны “живет только по милости правителя, и богат или беден, работает ли он или попрошайничает, свободен ли он или в кандалах – все это в руках короля”. Вся философская система Локка была создана, чтобы доказать, что подобная абсолютная власть короля над подданными не только несправедлива, но и противоестественна. Его аргументы были настолько весомы, что со Славной революцией и Биллем о правах английская конституция преобразилась. Предложение же Лаундса было троянским конём, которого ни в коем случае нельзя было впускать в крепостные ворота политического либерализма. Учреждение Банка Англии стало лишним доказательством того, что эти потенциально бунтарские взгляды на деньги необходимо выжечь калёным железом» [Мартин, 2017. С. 156–157].

Вслед за спором Локка и Лаундса в противостоянии двух теорий денег нужно отметить работы Адама Смита и Джеймса Стюарта. В отличие от Смита, который продолжал в своем «Богатстве народов» традиции теологических рассуждений [Waterman, 2004], Стюарт в своей книге «Исследование принципов политической экономии» [Steuart, 1767] основывается

на фактах, а не на априорных предпосылках¹⁰. Это он впервые ввел понятие счетных денег (*money of account*). Он понял, что деньги выполняют ту же функцию в отношении ценности вещей, что и градусы, минуты, секунды и т.д. в отношении температуры и времени. Денежная единица, по Стюарту, не может быть закреплена в вечности за каким-либо определенным количеством золота, серебра или какого-либо другого товара вообще.

Ну, а Карл Маркс, и с точки зрения методологии, и с точки зрения теории денег, был хорошим учеником Адама Смита. Генри Маклеод был современником Маркса, который, очевидно, был достаточно хорошо знаком с трудами Г. Маклеода¹¹, так как в «Капитале» упоминается его имя. Возникает вопрос: почему Маркс не воспринял идеи Г. Маклеода относительно кредитной (долговой), а не товарной природы денег? Мне думается, это произошло по той же причине, что и ранее у Дж. Локка, у которого одним из важнейших положений идеологии было трудовое происхождение частной собственности. Важнейшим положением идеологии, развиваемой Марксом, была *эксплуатация* капиталистами рабочих путем присвоения себе прибавочной стоимости. Идея недоплаты капиталистами рабочим, присвоения себе их труда, не будет выглядеть также убедительно, если ее пытаться сформулировать на основе не трудового, а кредитного видения природы денег.

Продолжение противостояния двух теорий денег четко проявилось в знаменитом Споры о методах (*Methodenstreit*). Основатель австрийской экономической школы Карл Менгер продолжал следовать аристотелевской традиции в понимании денег, и более широко, в аристотелевском, перешедшим в средневековое, понимании науки и ее методологии. В отличие от Менгера представитель Немецкой историко-этической экономической школы Георг Кнапп внес свой вклад в развитие счетно-долговой институциональной теории денег, основываясь не на априорных предпосылках как Менгер, а на фактах, в частности, фактах монетарных пертурбаций в Австрии.

¹⁰ Основатель Немецкой историко-этической экономической школы Густав Шмоллер утверждал, что его школа продолжает и развивает методологию и идеи Дж. Стюарта.

¹¹ Напомню, что Дж. Коммонс назвал Генри Маклеода инициатором (*originator*) институциональной экономики.

Эту историю противостояния двух теорий денег достаточно легко продолжить для всего XX века и довести ее до наших дней.

Об эволюции экономического мейнстрима в университетском образовании как идеологического сопровождения монетарного социального порядка

Профессия экономистов как университетских преподавателей возникла во второй половине XIX века во Франции, Англии, США и Германии в связи с появлением в этих странах так называемого «социального вопроса», состоящего в плохом положении рабочих и их семей, а также их протестной деятельности. В Германии социальный вопрос не стоял еще так остро, как во Франции, Англии и США, но канцлер Отто фон Бисмарк очень опасался того, что в Германии накал протестной деятельности рабочих может стать таким же острым, как и там.

Три течения экономической мысли, а именно классическая политэкономия, за которой последовал неоклассический экономикс, марксизм и исходный институционализм, начало которому положила немецкая историко-этическая школа, давали три разных варианта решения этого вопроса. Классическая политэкономия, а за ней и экономикс, были направлены на оправдание общественного порядка раннего промышленного капитализма, который, собственно, и породил социальный вопрос. Ранние экономисты считали вредным какое-либо государственное или общественное вмешательство, направленное на разрешение социального вопроса.

Марксисты, вслед за ранними экономистами, верили, что существующие экономические законы не могут быть ни отменены, ни скорректированы в рамках капитализма, но, в отличие от них, клеймили их антагонистический характер. По Марксу, противоречия между работодателями и наемными работниками являются непримиримыми, и строй, основанный на разделении работодателей и наемных работников, должен быть заменен другим, где этого разделения нет.

Густав Шмоллер, глава немецкой историко-этической школы, отказался как от понятия естественных экономических законов, так и от непримиримого антагонизма между работодателями и их наемными работниками. Вместо естественных законов в центре внимания этой школы встали институты, а вместо либо сохранения

статус-кво, либо революционного свержения капитализма, решение социального вопроса виделось Шмоллером в переходе к социальному государству с его более справедливыми институтами, которые реформируют, а не ликвидируют частную собственность и наемный труд. Такое видение социального вопроса произошло в рамках кардинальной смены парадигмы экономической науки. Для успешности продвижения к социальному государству необходимо было детальное знание о реформируемой действительности, на получение которого и была направлена деятельность немецких экономистов.

Как уже было отмечено, монетарный социальный порядок в Англии возник в результате Славной революции 1688 года. Во Франции его возникновение можно отсчитывать от Июльской революции 1830 года. Решающую роль в этой революции сыграл банкир Жак Лаффитт (1809–1831 – член правления Банка Франции, в 1814–1820 годах – его управляющий), после чего он занял пост премьер министра и министра финансов, а в 1843 году был избран председателем парламента. К. Маркс приводит следующую фразу Ж. Лаффитта сразу после победы Июльской революции: «Отныне господствовать будут банкиры» и от себя добавляет: «Лаффит выдал тайну революции» [Маркс, Энгельс, 1956. С. 8].

Американская политическая система с самого начала создавалась богатыми для богатых. О том, что это было именно так, свидетельствует очень известный и влиятельный в свое время американский историк Чарльз Бирд в книге «Экономическая интерпретация Конституции Соединенных Штатов» [Beard, 1913]: «Бирд отверг все прежние трактовки, объявляющие конституцию продуктом свободного волеизъявления нации и образцом демократии, и, сосредоточившись на экономических мотивах авторов Основного закона, охарактеризовал его как воплощение правовых собственнических интересов американских верхов. Проанализировав экономические интересы 55 участников Филадельфийского конвента 1787 г., выработавшего Конституцию США, Бирд пришел к выводу, что они отражали волю четырех групп: финансового капитала, владельцев государственного долга, мануфактуристов, торгово-купеческих кругов» [Согрин, 2010. С. 101].

В середине XIX века университетские курсы политической экономии во Франции, Англии и США сознательно создавались как средство поддержки существующего общественного порядка. Вот что французский министр народного образования Виктор Дюрюи писал в 1864 году в своём докладе Императору Наполеону III по поводу создания кафедры политической экономии на парижском факультете права: «В своё время Ваше Величество обратилось к руководителям национальной промышленности с призывом распространения среди занятых у них рабочих здоровых идей политической экономии. Вы, Государь, утверждали также, что обязанностью правительства является распространение этих важных идей, которые, по словам английского министра того времени, спасли Англию от социализма. Эту необходимость распространения идей политической экономии, провозглашенную Императором четырнадцать лет тому назад, страна полностью осознала сегодня. Общественное мнение требует заполнения досадного пробела в нашей системе общего образования и несколько городов уже объявили организацию у себя курсов политической экономии» [Dumez, 1985. С. 43–44].

После выхода в 1867 году в свет «Капитала» Маркса основывать легитимацию монетарного социального порядка на трудах Смита и других представителей классической политической экономии становится затруднительным из-за их трудовой теории ценности/стоимости. Ведь Маркс использовал ее для делигитимации этого порядка. И вот тут очень кстати в экономической дисциплине происходит так называемая «маржиналистская революция». Л. Вальрас и У. Джевонс переодели классическое послание политической экономии *laissez-faire* в математические одежды, заимствованные на метафорическом уровне у термодинамики [Майровски, 2012].

Такая математизация не сделала переход от политической экономии к экономике переходом от философии к науке, как это произошло в естествознании с рождением Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе. Одним из «революционеров» был Карл Менгер, участник знаменитого спора о методах между Шмоллером и Менгером. Шмоллер тянул экономическую дисциплину в науку, функционально схожую с естествознанием, а Менгер по существу настаивал на сохранении ее «философской» природы. Усилиями тройки Менгер,

Вальрас, Джевонс экономической дисциплине удалось уйти от марксистских ужасов «эксплуатации».

С легкой руки Альфреда Маршалла, который и запустил экономикс, эта дисциплина все еще продолжает служить основой экономического образования. Как свидетельствует американский исследователь А. Коутс, «интегрируя маржиналистскую революцию в свой экономикс, Маршалл сузил предмет экономической дисциплины, устранив из неё такие беспокоящие (*troublesome*) вопросы, как распределение доходов и богатства, структура власти и социальная справедливость» [Coats, 1993. P. 396].

Известный американский историк экономических учений Роберт Хайлбронер отмечал, что вклад современного экономикс «в расширение наших знаний о социальных процессах не просто разочаровывает, он откровенно скуден» [Хайлбронер, 1993. С. 53]. «Но если, – продолжает он, – экономическая теория настолько уязвима, почему же она пользуется таким престижем? К сожалению, не исключено, что причина этого заключается именно в том, что в своей современной форме она неисторична, асоциальна и аполитична» [Там же]. Именно в таком виде, как считает Хайлбронер, она может рассчитывать на особую благосклонность существующего социального порядка, выполняя поддерживающую его идеологическую функцию.

По мнению исследователя, экономикс представляет собой идеологическую систему, предназначенную для того, «чтобы обеспечить моральную уверенность, которая есть необходимая предпосылка политического и социального душевного покоя как для господствующих, так и для подчинённых элементов», действующих в рамках существующего социального порядка [Там же. С. 53–54]. Хайлбронер уточняет, что в этой своей идеологической функции экономикс вуалирует тот факт, что «система цен есть также система власти» и подменяет рассмотрение «конкретного социального порядка, который мы называем капитализмом», «совокупностью индивидов» [Heilbroner, 1988. P. 7–8].

С такой профессиональной направленностью на идеологическое служение монетарному социальному порядку экономический неоклассический мейнстрим оказался и продолжает быть достаточно устойчивым. Радикальное противостояние ему в лице немецкой историко-этической школы Г. Шмоллера и американского исходного институционализма Дж. Коммонса

было недолгим и произошло при абсолютно исключительных обстоятельствах. В Германии причиной послужило стремление правительства Отто фон Бисмарка устранить социальные напряжения в только что созданной объединенной Германии. В США это была реформаторская политика в начале века губернатора штата Висконсин Роберта Лафоллета (1855–1925) и позже нацеленность правительства президента Франклина Рузвельта на кардинальное устранение последствий Великого краха 1929 года [Ефимов, 2016].

В 1873 году, два года спустя после объединения Германии, был основан Союз за социальную политику (*Verein für Sozialpolitik*). Эта была необычная ассоциация экономистов, созданная не для того, чтобы организовывать ежегодные конференции, где члены ассоциации могли бы представить доклады по своим выполненным индивидуально работам, а для того чтобы своими исследованиями коллективно способствовать решению социального вопроса.

Экономическая мысль существует в четырех лицах: наука, философия, идеология и утопия, и если под наукой понимать действительные (а не выдуманные) исследовательские практики, принятые в естествознании, то в истории экономических учений можно обнаружить несколько островков науки в море философии, идеологий и утопий. Одним из них является немецкая историко-этическая школа, возглавляемая Шмоллером.

Для реформаторской деятельности нужны как доктрины, которые дают ей направление, так и детальные знания о существующих социальных практиках с тем, чтобы оценить реалистичность доктрин и, что не менее важно, проводить реалистичные изменения данных социальных практик. Сами эти изменения осуществляются не учеными, а политиками и акторами, вовлеченными в реформируемые практики, задача ученых – поставлять им доктрины и знания о реальности. Многие негативные, а нередко просто катастрофические, последствия деятельности профессиональных экономистов были вызваны тем, что они ограничивались снабжением политиков только доктринами, но никак не реальными знаниями о действительности, которая подлежит реформированию. Пионерский вклад школы Шмоллера как раз и состоит в том, что она дала пример того, как профессия экономистов может способствовать реформам, принося политикам

не только доктрины, но и детальное знание о реформируемой реальности.

Джон Коммонс был одним из основателей институционализма как в его научной, то есть экспериментальной форме, так и в его философско-теоретическом обличье. Так называемая «новая институциональная экономическая теория», которая сейчас стала одним из важных элементов экономического мейнстрима, сделала своим центральным понятием «транзакцию», идею которой она заимствовала у Коммонса, полностью ее искавив, сведя к транзакционным издержкам.

Известный современный американский историк экономической мысли так характеризует интеллектуальное наследие Коммонса: «Если рассматривать транзакцию как сложный социальный феномен, которым она и является, должно стать очевидным, что конфликты интересов и интерпретаций будут очень распространены. Таким образом, проблемы координации в рыночной системе будут изобилующими, и возникнет настоятельная необходимость некоторого понятия “разумной ценности”, относительно которой нужно будет достигать договорённостей. Эта концепция ценности может быть лишь исторической и зависящей от эволюции интерпретативного сообщества. Наследие Коммонса как экономиста было удивительно созвучно сформулированным им философским предположениям. Как хорошо известно, и он, и его студенты были очень активны в юридических и правительственных кругах, направляя усилия на то, чтобы склонить суды и законодателей признать их роль как экспериментаторов и посредников. Позиция Коммонса заключалась в открытой пропаганде идеи постепенного совершенствования капитализма посредством государственного вмешательства. Многие из экономических функций американского правительства, которые мы сегодня принимаем за само собой разумеющиеся, были делом рук Коммонса и его учеников в первой половине XX века. Однако последующее поколение экономистов сочло его величайшие триумфы в практической сфере за упущения в сфере экономической теории. Его основная мысль о том, что не существует никаких “естественных” оснований экономических институтов, было истолковано как подразумевающее, что Коммонс не оставил после себя никакой

систематической экономической теории» [Майровски, 2013. С. 81].

Школа Шмоллера перестала существовать после прихода к власти Гитлера. Школа Коммонса исчезла на фоне послевоенного маккартизма¹². После этого, за редким исключением, практически все американские университетские экономисты стали, как выразился Джозеф Стиглиц, «самыми активными участниками группы поддержки капиталистического свободного рынка» (*free market capitalism's biggest cheerleader*) [Стиглиц, 2011. С. 288]. Перед ними встала задача исказить и дискредитировать наследие как Немецкой историко-этической школы, так и Исходного институционализма Джона Коммонса. Вот за эту задачу и взялись конструкторы Новой институциональной экономической теории. Исходный институционализм был намеренно негативно окрещен «старым», термин, который можно трактовать как «отживший».

Если школы Шмоллера и Коммонса выводили свои теоретические положения из анализа истории, то Д. Норт перевернул этот подход с ног на голову, анализируя историю путем просвещения ее через призму неоклассической экономической теории. Введенное Дж. Коммонсом понятие транзакции не просто исказили, сведя его к транзакционным издержкам, оно в таком виде стало центральным в Новой институциональной экономической теории, которая на этой базе продолжила дело Локка, Смита и армии неоклассиков по легитимации монетарного социального порядка.

Дж. Локк строил свою легитимацию этого порядка на базе трудового понимания собственности, запустив понятие естественных законов, действующих в обществе, не зависящих от воли людей и тем самым не подлежащих изменениям, а также преградив путь пониманию денег как социального института. Основываясь на этих положениях Локка, Смит исключил политику, а, следовательно, и власть, из своих построений, заменив их автоматическим действием законов рынка и воскресив аристотелевскую товарную теорию денег. Экономикс, чтобы лучше позиционироваться в борьбе с теорией эксплуатации Маркса, отказался от трудового происхождения

¹² См. по этому поводу свидетельства американского экономиста Фредерика Ли, воспроизводимые в моей книге «Экономическая наука под вопросом» (С. 237–242).

ценности, однако продолжал опираться на товарную теорию денег, провозгласив их нейтральность и тем самым преградил путь к рассмотрению их как источника власти. Продолжая пропагандировать автоматизм законов рынка, он апеллировал уже не столько к божественной воле и невидимой руке, сколько к экономической эффективности.

Р. Коуз переформулировал товарную теорию денег в терминах транзакционных издержек [Коуз, 2015. С. 10–11] и предложил экономистам более активно использовать это понятие, что Д. Норт и его коллеги и сделали. Норт последовал схеме неоклассиков, рассматривая институты как дополнительные к ресурсным ограничения максимизирующего поведения, тем самым отделив понятие института от понятия власти. Властвующие же отношения, в том числе и внутри собственно политической системы, были представлены в виде рыночных взаимодействий. При этом «экономический человек» в этой теории «обогатился» «оппортунистическим поведением».

Продолжая дело легитимации частной собственности, начатое Локком, Норт в своей последней книге вместе со своими соавторами [Норт и др., 2011] связывает экономическое процветание со степенью защищенности прав собственности. Поворотным пунктом от незащищенности к защищенности прав собственности он называет «Славную революцию» 1688 года¹³. То, что это не согласуется с историческими фактами, прекрасно показано в статьях Р.И. Капелюшникова [Капелюшников, 2019а; 2019б], который, по словам А. А. Аузана, был первооткрывателем Новой институциональной экономической теории в России.

Однако ни сам Р.И. Капелюшников, ни критикуемые им Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст не поняли, что же на самом деле произошло в Англии в 1688 году, а именно возникновение совершенно нового социального порядка, существующего на Западе до сих пор – монетарного социального порядка, при

¹³ «По сути, вся история человечества делится <...> на два периода: первый, когда почти все было “плохо”, и второй, когда местами стало “хорошо”. Рубежом выступает английская Славная революция 1688 г., которую Норт и нортианцы считают поворотным пунктом всемирной истории. Без нее не было бы современного экономического роста, а без него мир оставался бы таким, каким он был в предшествующие тысячелетия» [Капелюшников, 2019а. С. 140].

котором деньги, выпускаемые частными банками в виде кредитов, получают статус государственных денег [Ефимов, 2018а].

Вот что об этом пишет Дж. Ингэм: «По сути дела, находящийся в частной собственности Банк Англии трансформировал личный долг государя в государственный долг и, в конце концов, в свою очередь, в государственную валюту. Подоплекой этой трансформации в общественном производстве денег было изменение в балансе сил, которое было выражено в юридической концепции суверенитета конституционной монархии “Король-в-парламенте” (‘King-in-Parliament’), состоящей в разделении власти между королем и парламентом. Начали оформляться институты производства капиталистических кредитных денег, а также баланс экономических и политических интересов, которые лежали в их основе. Государство было профинансировано за счет кредитов мощного класса кредиторов, которые были направлены через центральный банк. Каждый из них имел интерес к долгосрочному выживанию другого. Слияние двух типов денег, а именно частных бумажных денег и государственных денег в виде монет, которое стало возможным в Англии благодаря политическому урегулированию и отказу от абсолютистского денежного суверенитета, позволило решить две существенные проблемы, с которыми пришлось столкнуться в предыдущих приложениях социальной технологии кредитных денег. Частные деньги в виде векселя поднимались с уровня частной торговой сети и включались в более широкое и более абстрактное денежное пространство, основанное на безличном доверии и легитимности» [Ingham, 2004. P. 128].

Литература

Аузан А. А. История моей кафедры в МГУ. 2010. URL: <https://snob.ru/profile/5340/blog/22333>

Аузан А. А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.

Ефимов В. М. К реформе экономического образования // Эксперт Урал. 2015. № 17 (643). URL: <http://www.acexpert.ru/archive/nomer-17-643/k-reforme-ekonomicheskogo-obrazovaniya.html>

Ефимов В. М. Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики. М.: Курс: ИНФРА-М. 2016. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2016/12/23/1251072856/efimov.pdf>

Ефимов В. М. Конец алхимии финансов и суверенные деньги (О книгах М. Кинга «Конец алхимии: деньги, банковское дело и будущее глобальной

экономики» и Й. Хубера «Суверенные деньги. За пределами банковского резервирования») // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 131–141.

Ефимов В. М. О двух типах социальных порядков. Часть 1 // Вопросы теоретической экономики. 2018а. № 1. С. 7–25.

Ефимов В. М. О двух типах социальных порядков. Часть 2–1 // Вопросы теоретической экономики. 2018б. № 2. С. 28–46.

Ефимов В. М. Деньги и делиберация при капитализме и социализме // Экономическая теория: триумф или кризис? XVII Ежегодная международная конференция из цикла «Леонтьевские чтения» / Под ред. А. П. Заостровцева. Санкт-Петербург: Леонтьевский центр, 2018с.

Ефимов В. М. О двух типах социальных порядков. Часть 2–2 // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 1. С. 7–23.

Ефимов В. М. О политическом завещании Сталина // Journal of Economic Regulation. 2020, Том 11. № 1. С. 6–35.

Капелюшников Р. И. Contra панинституционализм. Часть I // Вопросы экономики. 2019а. № 7. С. 119–146.

Капелюшников Р. И. Contra панинституционализм. Часть II // Вопросы экономики. 2019б. № 8. С. 98–126.

Катасонов В. Ю. Алхимия денег. Как банки делают деньги из воздуха. М.: Книжный мир. 2020.

Коуз Р. Очерки об экономической науке и экономистах. М. СПб.: Издательство Института Гайдара. 2015.

Локк Дж. Сочинения в трех томах. Том 3. М.: Издательство «Мысль». 1988.

Майровски Ф. Физика и «маргиналистская революция» // Terra Economicus. 2012. Том 10. № 1. С. 100–116.

Майровски Ф. Философские основания институционалистской экономики (Часть 2) // Terra Economicus. 2013. Т. 11. № 3. С. 72–88.

Маклеод Г. Д. Основания политической экономии. СПб: Издание Николая Тиблена, 1865.

Маркс К. и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Том 7. М.: Политиздат. 1956.

Мартин Ф. Money. Неофициальная биография денег. М.: Издательство «Синбад», 2017.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара, 2011.

Резерфорд М. Висконсинский институционализм: Джон Р. Коммонс и его студенты // Terra Economicus. 2012а. Т. 10. № 2. С. 32–53.

Резерфорд М. Полевые, тайные и включенные наблюдатели в американской экономике труда: 1900–1930 годы // Terra Economicus. 2012б. Т. 10. № 4. С. 91–106.

Согрин В. В. Исторический опыт США. М.: Наука, 2010.

Стиглиц Дж. Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо, 2011.

Хайлбронер Р. Л. Экономическая теория как универсальная наука // THESIS. 1993. № 1. С. 41–55.

Шумпетер Й. История экономического анализа. Том 1. Санкт-Петербург: Экономическая школа, 2004.

Эгертссон Т. Экономическое поведение и институты. М.: Дело, 2001.

Эрс Ж. Рождение капитализма в средние века: менялы, ростовщики и крупные финансисты. СПб.: Евразия, 2014.

Beard Ch. An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. New York: The Macmillan Company, 1913.

Bromley D. W. Sufficient Reason. Volitional Pragmatism and the Meaning of Economic Institutions. Princeton: Princeton University Press, 2006.

Coats A. W. (1993). The Sociology and Professionalization of Economics. British and American Economic Essays. Vol. 2. London and New York: Routledge.

Commons J. R. Myself. The Autobiography of John R. Commons. Madison: The University of Wisconsin Press, 1964.

Commons J. R. Institutional Economics. Its Place in Political Economy. New Brunswick: Transaction Publishers, 1990.

Dumez H. L'économiste, la science et le pouvoir: le cas Walras. Paris: PUF, 1985.

Heilbroner R. Behind the Veil of Economics: Essays in the Worldly Philosophy. New York, London: W.W. Norton & Co, 1988.

Huber J. Sovereign Money. Beyond Reserve Banking. London: Palgrave Macmillan, 2017.

Ingham G. The Nature of Money. Cambridge: Polity Press, 2004.

Ingham G. Money. Ideology, History, Politics. Cambridge: Polity Press, 2020.

King M. The End of Alchemy: Money, Banking and the Future of the Global Economy. London: Little, Brown Book Group, 2016.

Knapp G. F. The State Theory of Money. London: Macmillan and Company Limited, 1924.

Mcleay, M., Radla, A. & Thomas, R. Money Creation in Modern Economy. Bank of England Quarterly Bulletin, 2014. 54(1). Pp. 14–27.

North D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Steuart J. An Inquiry into the Principles of Political Economy. London: A. Miller and T. Cadell, 1767.

Waterman A. M. C. Political Economy and Christian Theology Since the Enlightenment. Essays in Intellectual History. New York: Palgrave Macmillan, 2004.

Статья поступила 05.05.2020.

Статья принята к публикации 21.05.2020.

Для цитирования: *Ефимов В.М.* Анти-Аузан: критика одной социальной философии. Часть 1 // ЭКО. 2020. № 9. С. 62-89. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-9-62-89.

Summary

Yefimov, V., Doct. Sci. (Econ., Development Studies), independent researcher, France

Anti-Auzan: the Critique of a Social Philosophy. Part 1

Abstract. The paper provides an answer to the question why the new institutional economics (NIE) ignores the institution of money, despite the fact that this institution is a central one in the capitalist economy. The fact is that NIE, continuing the traditions of classical political economy and then neoclassical economics, aims at legitimizing the monetary social order, in which a significant part of the money supply is issued by private banks when giving out loans. The monetary social order appeared first in England as a result of the “Glorious revolution” of 1688, which resulted in subordination of the state to the bourgeoisie. Money thus becomes the main source of power, and the economic theory taught in universities is directed precisely at concealing this. For the first time, money as a social institution was consistently considered in the institutional economics of John Commons, and NIE, having emasculated its basic concepts, continues, as a university academic discipline, the ideological cover-up of the monetary social order.

Keywords: *path dependence of the profession of Soviet political economist; A.A. Auzan; new institutional economics; original institutionalism; J. Commons; monetary social order; three-hundred-years opposition of two theories of money; D. North; NIE as a continuation of the ideological support of the monetary social order*

References

- Auzan, A.A. (2010). History of my chair at MSU. (In Russ.) Available at URL: <https://snob.ru/profile/5340/blog/22333>
- Auzan, A.A. (2017). *Economics of everything. How institutions define our life.* Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. (In Russ.).
- Beard, Ch. (1913). *An Economic Interpretation of the Constitution of the United States.* New York: The Macmillan Company.
- Bromley, D.W. (2006). *Sufficient Reason. Volitional Pragmatism and the Meaning of Economic Institutions.* Princeton: Princeton University Press.
- Coase, R.H. (1994). *Essays on Economics and Economists.* Chicago: University of Chicago Press.
- Coats, A.W. (1993). *The Sociology and Professionalization of Economics.* British and American Economic Essays. Vol. 2. London and New York: Routledge.
- Commons, J.R. (1964). *Myself. The Autobiography of John R. Commons.* Madison: The University of Wisconsin Press.
- Commons, J.R. (1990). *Institutional Economics. Its Place in Political Economy.* New Brunswick: Transaction Publishers.
- Dumez, H. (1985). *L'économiste, la science et le pouvoir: le cas Walras.* Paris: PUF.
- Eggertsson, T. (1990). *Economic Behavior and Institutions.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Heers, J. (2012). *La naissance du capitalisme au Moyen-âge.* Paris: Perrin.
- Heilbroner, R. (1988). *Behind the Veil of Economics: Essays in the Worldly Philosophy.* New York, London. W.W. Norton & Co.
- Heilbroner, R. (2004). *Economics as Universal Science. Social Research.* Vol. 71. No. 3. Pp. 615–632.
- Huber, J. (2017). *Sovereign Money. Beyond Reserve Banking.* London. Palgrave Macmillan.

- Ingham, G. (2004). *The Nature of Money*. Cambridge: Polity Press.
- Ingham, G. (2020). *Money. Ideology, History, Politics*. Cambridge: Polity Press.
- Kapelyushnikov, R.I. (2019a). Contra paninstitutionalism. Part I. *Problems of Economics*. No. 7. Pp. 119–146. (In Russ.).
- Kapelyushnikov, R.I. (2019b). Contra paninstitutionalism. Part II. *Problems of Economics*. No. 8. Pp. 98–126. (In Russ.).
- Katasonov, V. Yu. (2020). *The Alchemy of money. How banks make money out of air*. Moscow: Knizhnyi Mir. (In Russ.).
- King, M. (2016). *The End of Alchemy: Money, Banking and the Future of the Global Economy*. London: Little, Brown Book Group.
- Knapp, G.F. (1924). *The State Theory of Money*. London: Macmillan and Company Limited.
- Lock, J. (1988). *Works in three volumes*. Vol. 3. Moscow. Edition MYSL. (In Russ.).
- Macleod, H.D. (1858). *The Elements of Political Economy*. London: Longman, Brown, Green, Longmans, and Roberts.
- Martin, F. (2013). *Money: The Unauthorized Biography*. London: The Bodley Head Ltd.
- Marx, K. and Engels, F. (1956). *Works*. Ed. 2, vol. 7. Moscow. Politizdat. (In Russ.).
- Mcley, M., Radla, A. & Thomas, R. (2014). Money Creation in Modern Economy. *Bank of England Quarterly Bulletin*. No. 54(1), Pp. 14–27.
- Mirowski, Ph. (1984). Physics and the “marginalist revolution”. *Cambridge Journal of Economics*. No. 8. Pp. 361–379.
- Mirowski, Ph. (1987). The Philosophical Bases of Institutionalist Economics. *Journal of Economic Issues*. Vol. XXI, n° 3, September, Pp. 1001–1038.
- North, D.C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- North, D.C., Wallis, J.J., Weingast, B.R. (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. N.Y.: Cambridge Univ. Press.
- Rutherford, M. (2012a). Wisconsin Institutionalism: John R. Commons and His Students. *Labor History*, Vol. 47. No. 2, May 2006, Pp. 161–188.
- Rutherford, M. (2012b). *Field, Undercover, and Participant Observers in US Labor Economics, 1900–1930*. In Harro Maas and Mary Morgan, eds., *Histories of Observation in Economics*. Supplement to volume 44, *History of Political Economy*, Durham, NC: Duke University Press. Pp. 179–199.
- Schumpeter, J.A. (1954). *History of Economic Analysis*. New York: Oxford University Press. (In Russ.).
- Sogrin, V.V. (2010). *Historical experience of the USA*. Moscow. Nauka Publ. (In Russ.).
- Steuart, J. (1767). *An Inquiry into the Principles of Political Economy*. London: A. Miller and T. Cadell.
- Stiglitz, J. (2010). *Freefall. America, Free Markets, and the Sinking of the World Economy*. New York: W. W. Norton & Company.
- Waterman, A.M.C. (2004). *Political Economy and Christian Theology Since the Enlightenment. Essays in Intellectual History*. New York: Palgrave Macmillan.

Yefimov, V.M. (2015). Towards the reform of economic education. *Expert-Ural*. No.17 (643). (In Russ.). Available at URL: <http://www.acexpert.ru/archive/nomer-17-643/k-reforme-ekonomicheskogo-obrazovaniya.html>

Yefimov, V.M. (2016). *Economic science in question: other methodology, history and research practices*. Moscow. KURS: INFRA-M Publ. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2017). The end of alchemy of finance and sovereign money (On the books by M. King “The end of alchemy: Money, banking and the future of the global economy” and by J. Huber “Sovereign money. Beyond reserve banking”). *Problems of Economics*. No. 12, Pp. 131–141. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2018a). On Two Types of Social Orders. Part 1. *Journal of Theoretical Economics*. No. 1. Pp. 7–25. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2018b). On Two Types of Social Orders. Part 2–1. *Journal of Theoretical Economics*. No. 2. Pp. 28–46. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2018c). Money and Deliberation under Capitalism and Socialism. *Economic Theory: Triumph or crisis?* Zaostrovstev A. P. (ed.). Saint-Petersburg: Leontief Centre, Pp.149–169. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2019). On Two Types of Social Orders. Part 2–2. *Journal of Theoretical Economics*. No. 1. P. 7–23. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2020). On the political testament of Stalin. *Journal of Economic Regulation*. Vol. 11. No. 1. Pp. 6–35. (In Russ.).

For citation: Yefimov, V. (2020). Anti-Auzan: the Critique of a Social Philosophy. Part 1. *ECO*. No. 9. Pp. 62-89. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-9-62-89.

Электронное общественное участие как вектор развития инициативного бюджетирования¹

В.В. ДЕРБЕНЕВА, кандидат экономических наук. E-mail: derbeneva_v@bk.ru
Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина, Институт экономики
УрО РАН, Екатеринбург
ORCID0000-0002-3102-6567

Аннотация. Инициативное бюджетирование становится все более популярной формой взаимодействия властных структур и населения при планировании местного бюджета благодаря развивающимся инструментам электронного формата участия. Автор статьи, проанализировав и систематизировав зарубежный опыт, выявил наиболее перспективный из этих инструментов – электронное голосование, а также определил факторы его успешности в долговременной перспективе. На базе оригинального алгоритма реализации проектов инициативного бюджетирования с включением инструментов электронного общественного участия исследован опыт российских регионов. Обоснованы преимущества блокчейн технологий в реализации интернет-голосования в инициативном бюджетировании, которые позволяют сделать эту процедуру максимально прозрачной и надежной. Для решения ключевой проблемы достоверности верификации голосов обосновано проведение идентификации голосующих с учетной записью в Единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА) портала госуслуг. Проведена оценка технической готовности российского населения к электронному участию, в результате которой выявлена положительная взаимосвязь между доступностью Интернета и качеством предоставления госуслуг.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии; государственное управление; инициативное бюджетирование; партисипаторное бюджетирование; электронное общественное участие; электронное голосование

JEL H61, H72

Введение

Внедрение цифровых технологий в различные сферы деятельности, включая государственное управление, является важным фактором поступательного развития экономики страны. Если изначально понятие «электронного государства (правительства)»

¹ Публикация подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2020–2022 гг.

рассматривалось прежде всего с точки зрения обеспечения свободного доступа к информации, то в последние годы отмечается возрастающий приоритет электронного документооборота [Васильева, Кононенко, 2016. С. 10] и включение в государственное управление сервисных (услуговых) компонентов.

Одним из стремительно развивающихся по всему миру трендов, связанных с внедрением информационных технологий в государственное управление, является партисипаторное бюджетирование (Participatory Budgeting), позволяющее гражданам влиять на часть расходов местных бюджетов. В России подобный формат взаимодействия государственных структур и населения зародился в 2007 г. в рамках проекта Всемирного банка «Программа поддержки местных инициатив» и закрепился под термином «инициативное бюджетирование» (ИБ).

Общепризнанного единого определения партисипаторного бюджетирования в научной среде не выработано. В общих чертах оно представляет собой «демократический процесс, посредством которого граждане принимают участие в распределении части бюджетных средств» [Miller et al., 2019].

Согласно определению Минфина, под практикой инициативного бюджетирования понимается «совокупность действий по реализации механизма и процедур участия граждан в бюджетных решениях, закрепленная в нормативно-правовой и методической документации субъекта РФ или муниципального образования». Это означает, в частности, что порядок реализации проектов инициативного бюджетирования в России пока не унифицирован и закрепляется региональным законодательством, в том числе государственными программами (на начало 2019 г. соответствующие нормы приняты в 33 субъектах РФ)².

Утвержденная в январе 2019 г. «Концепция повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 гг.»³ говорит о необходимости принятия мер по усилению открытости бюджетного процесса и вовлечения в него институтов гражданского общества. Одним из основных факторов, препятствующих развитию

² Доклад о лучшей практике развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях. Министерство финансов РФ. М., 2018. 56 с.

³ Концепция повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 годах от 21 января 2019 № 117-р

инициативного бюджетирования, авторы концепции называют недостаточную информационную поддержку в субъектах и муниципалитетах, что приводит к низкой информированности граждан об этом инструменте.

Поэтому для увеличения вовлеченности граждан в бюджетный процесс сегодня активно создаются различные платформы и сервисы, позволяющие им предлагать и обсуждать проекты ИБ в социальных сетях и затем выбирать понравившиеся посредством онлайн-голосования. Е. А. Капогузов и С.А. Ревякин [Капогузов, Ревякин, 2019. С. 29] определяют платформы общественного участия как «созданный с помощью информационно-коммуникационных технологий канал дистанционного участия общественности в принятии государственных решений, предполагающий наличие двусторонней связи, которая дает возможность гражданам высказать свое мнение, в том числе повлиять на формирование повестки и альтернатив для голосования». Тренд на внедрение информационных технологий в сферу государственного управления на федеральном уровне поддерживается госпрограммой «Цифровая экономика»⁴.

Внедрение электронного общественного участия (e-participation) в инициативное бюджетирование за рубежом уже давно вошло в практику. Причем, как показал опыт зарубежных стран, само по себе оно еще не является окончательным показателем успеха. Основная работа начинается на следующем этапе – обеспечение распространения и постоянное использование инструментов электронного общественного участия среди широкого круга населения [Allegretti & Antunes, 2014; Naranjo-Zolotov et al., 2019].

Целью данной статьи является анализ перспективы развития электронного общественного участия в инициативном бюджетировании.

База и методология исследования

На первом этапе в статье систематизирован мировой опыт электронного общественного участия в инициативном бюджетировании на базе результатов исследований зарубежных и отечественных ученых по данной тематике. В результате были

⁴ Государственная программа «Цифровая экономика». Утверждена указом Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

выделены наиболее перспективные и универсальные инструменты электронного участия граждан в бюджетных вопросах, в том числе потенциально применимые в российских условиях.

Далее автором предложен алгоритм внедрения инструментов электронного взаимодействия властных структур и населения на разных этапах реализации проектов инициативного бюджетирования, основанный на последовательности реализации проектов инициативного бюджетирования, рекомендованной Научно-исследовательским финансовым институтом Минфина РФ.

Для оценки готовности власти и общества к переходу на электронное взаимодействие в инициативном бюджетировании проведено двустороннее исследование. Сначала автор оценил готовность власти к внедрению инструментов электронного общественного участия в инициативном бюджетировании, применив понятие инфраструктуры «электронного правительства», предложенного А. Н. Швецовым [Швецов, 2019. С. 14]. Эмпирической базой исследования послужили данные официальных сайтов региональных администраций по развитию ИБ, результаты внедрения онлайн-голосования в Нижегородской и Волгоградской областях с использованием блокчейн-платформы Polys от «Лаборатории Касперского».

Для оценки готовности населения к электронному общественному участию была составлена диаграмма рассеяния по показателям качества предоставления госуслуг и доступа домашних хозяйств к Интернету в российских регионах на базе данных рейтинга качества государственных и муниципальных услуг в электронной форме, составленном Минэкономразвития России, а также данных Росстата по доступности сети Интернет для населения в российских регионах.

Зарубежный опыт электронного общественного участия

Партисипаторное бюджетирование зародилось в Бразилии в конце 1980-х годов, когда страна переживала переход от диктатуры к демократии. Собственно, публичное обсуждение новых институциональных форм гражданского участия в управленческих решениях должно было стать одним из ее проявлений [Avritzer, 2006]. В 2006 г. в бразильском городе Белу-Оризонти впервые была предложена возможность *электронного голосования* за проекты, реализуемые за счет бюджетных средств, что позволило существенно

повысить уровень осведомленности общественности в данном вопросе. Инициатива оказалась настолько успешной, что была введена в ежегодную практику. Однако со временем гражданская активность населения стала затухать. Число участников онлайн-голосования сократилось со 172938 в 2006 г. до 25378 в 2011-м.

Исследуя причины такого резкого падения общественного участия, С. Колман и Р. Сампайо [Coleman, Sampraió, 2017. С. 19] пришли к выводу, что в Белу-Оризонти не были учтены некоторые факторы, которые играют большую роль в мотивации людей и организации процесса электронного голосования. Во-первых, голосующие граждане должны ощущать, что они принадлежат к определенному сообществу и являются важной его частью (такое самоосознание достигается, например, путем регистрации и идентификации гражданина в системе голосования). Во-вторых, для поддержания активности граждан им необходимо предоставить возможность обсуждения проектов, дать шанс быть услышанными. Эта коммуникационная задача решается путем организации различных платформ для обсуждения и использования социальных сетей. В-третьих, в людях необходимо поддерживать уверенность в демократичности процедуры голосования, в то, что его результаты непременно учитываются при принятии решений органами власти. Успешность этого фактора определяется прозрачностью и защищенностью процедуры голосования и реализации его итогов.

В настоящий момент в разных странах мира прилагаются значительные усилия для реализации различных форм бюджетного участия граждан с использованием информационных и коммуникационных технологий (рис. 1). Широкое распространение смартфонов и планшетов с высокоскоростным мобильным Интернетом, их портативность обеспечивают доступность и удобство онлайн-взаимодействия граждан с местными органами власти [Fathejalali, 2017].

Согласно отчету ООН, в выборке из 40 крупных городов по всему миру 85% уже внедрили функции онлайн-общения с населением в социальных сетях, 55% проводят онлайн-обсуждения и в 23% муниципалитетах посредством электронной коммуникации реализуются проекты партисипаторного бюджетирования (ПБ)⁵ (табл. 1).

⁵ United Nations. (2018). E-Government Survey 2018. Gearing e-government to support transformation towards sustainable and resilient societies. New York. P. 270.

Таблица 1. Мировой опыт гражданского участия в бюджетном процессе с включением электронных технологий

Государство	Тип взаимодействия с общественностью	Реализация
Корея	<p>Два новаторских механизма гражданского участия:</p> <p>1) сбор мнений политических экспертов и членов гражданского общества для оценки программ министерства и выявления случаев необоснованных расходов. Урезание бюджетов программ, получивших низкие оценки;</p> <p>2) создание веб-сайта для сбора общественного мнения о расточительных расходах и незаконном присвоении бюджета. Общественность финансово вознаграждается за достоверную обратную связь</p>	<p>За период 1998–2013 гг. было выявлено около 2000 случаев необоснованных расходов, что позволило сэкономить в бюджете около 13 млрд долл.</p>
Португалия (Лиссабон)	<p>Реализован гибридный подход: онлайн и локальное пространство для участия в проектах ПБ, применяется с 2008 г. Использование sms- каналов коммуникации в рамках ПБ. Рассмотрение в будущем внедрения практики голосования через банкоматы. Растущий успех и популярность этого инструмента благодаря возможности электронного голосования за проекты</p> <p>Направления проектов: наука, культура, образование, программы дополнительного образования для взрослых и сельское хозяйство</p>	<p>В 2016 г. 362 предложений онлайн, 205 – на совместных собраниях. Проголосовало 51 тыс. чел. (>9% общего населения)</p>
Бразилия	<p>В 2006 г. был запущен параллельный проект веб-участия, в рамках которого любой гражданин с идентификационным номером участника мог в течение 42 дней посредством онлайн-голосования выбрать 9 из 36 проектов к реализации. Возможность виртуальной прогулки по городу через веб-сайт PB для осмотра и обсуждения предложенных проектов и дальнейшего голосования онлайн</p> <p>Создание 152 цифровых центров на уровне местных сообществ для голосования.</p> <p>В 2011 г. усовершенствование программы голосования, осуществлена верификация голосов через электронную почту.</p> <p>Направления проектов: дороги, освещение</p>	<p>В 2006 г. в голосовании в электронном формате (ePB) участвовали 10% активных избирателей по сравнению с 4% – при очном присутствии 2005/2006</p>
Италия (Милан)	<p>Применяется с 2015 г. Предпочтение отдается онлайн-голосованию, уже в первый год в голосовании приняло участие 3% миланцев. Результаты голосования публикуются на сайте.</p> <p>Направления проектов: реконструкция зданий школ, благоустройства площадей и парков,</p>	<p>С 2015 г. преимущественное голосование онлайн: 16 тыс. голосов получено онлайн, 1 тыс. – офлайн</p>
Испания	<p>Создание платформы гражданского участия Decide Madrid, которая позволяет организовать 4 этапа: выдвижение проектов, голосование, общественное обсуждение, консультации, распределение бюджета. Для популяризации ПБ была развернута информационная кампания стоимостью в 200 тыс. евро. Выявлена тенденция: чем больше муниципалитет, тем больше вероятность использования цифровых инструментов участия.</p> <p>Направления проектов: благоустройство территорий</p>	<p>В 2017 г. в голосовании приняли участие 67 тыс. чел.</p>

Источник: составлено автором по [Friedman, 2016; Naranjo-Zolotov et al., 2018; Coleman & Cardoso Sampaio, 2017; Matheus et al., 2010; Захарчук и др., 2019; Sintomer et al., 2012; Гаврилова, 2018; Garsia, Puertas., 2018].

В подавляющем большинстве исследованных зарубежных практик инициативного бюджетирования электронное участие способствовало дополнительному вовлечению населения в процесс принятия управленческих решений по вопросам расходования бюджетных средств и увеличению количества участников данного процесса. Однако свои коррективы вносят страновые особенности, которые могут препятствовать участию граждан.

Например, в Японии процесс общественного участия в бюджетных вопросах сдерживается менталитетом населения: в японском обществе трудно поднимать какие-либо существенные вопросы на обсуждение или путем голосования на собрании, потому что «это не по-японски». Страх японского человека пойти против мнения большинства либо группы, к которой он принадлежит, приводит к неспособности публично высказывать свое мнение [Uddin et al., 2019. С. 491].

Неэффективность в зарубежной практике показали такие формы электронного взаимодействия, как онлайн-комментарии и обращения к властным структурам по электронной почте. Неуспешность таких форм участия обуславливается, на наш взгляд, теми же причинами, которые привели к падению общественного участия в Белу-Оризонти. Кроме того, у властей нет никакой ответственности за осуществление обратной связи (ответы на комментарии и письма).

В работах, поднимающих вопрос демократизации партисипаторного бюджетирования, многие авторы склоняются к мнению, что процедуры в бюджетном процессе, в целом, рефлексивны и с трудом поддаются изменению, и власти во многих странах с большим трудом идут на диалог с обществом. Так, Е. Александров и его соавторы [Aleksandrov et al., 2018. С. 1114] показали, что только включение процедуры оспаривания существующих проектов и критического обсуждения способствует формированию диалога между муниципалитетом и гражданскими активистами. В этой связи онлайн-взаимодействие способствует снятию барьера между участниками партисипаторного бюджетирования и вовлечению населения в решение бюджетных вопросов.

Первым регионом в России, внедрившим в 2007 г. на своей территории технологию инициативного бюджетирования, стал Ставропольский край, затем в 2010 г. подключились Кировская, Тверская, с 2013 г. – Нижегородская область и др. Особенностью

российского опыта инициативного бюджетирования является то, что изначально наиболее активными в российских регионах были сельские поселения, тогда как во всем мире это преимущественно городской процесс [Гридин, 2016. С. 47; Колесник, 2017. С. 43].

Мониторинг реализуемых практик в регионах и разработка системы оценки развития инициативного бюджетирования в России курируются Центром инициативного бюджетирования НИФИ Минфина России. Так, в 2018 г., по оценке НИФИ, в процесс развития инициативного бюджетирования вовлечены уже более 50 субъектов Российской Федерации (в 2017 г. – 43, в 2016 г. – 27). Среди используемых в субъектах РФ процедур отбора проектов-победителей на третьем месте находятся интернет-голосования, которые включают в себя как анонимные голосования на сайтах муниципалитетов, опросы в социальных сетях и региональных порталах, так и наиболее защищенные варианты с верификацией через Единую систему идентификации и аутентификации (табл. 2).

Таблица 2. Использование в регионах РФ процедуры отбора проектов-победителей⁶

Процедура отбора проектов-победителей	Кол-во субъектов РФ, использующих процедуру	Кол-во актов гражданского участия в рамках процедуры
Комиссии представителей власти	46	0
Очное голосование на собраниях и встречах	41	1 260 482
Интернет-голосование за проекты	15	726 171
Комиссии граждан	8	20 769
Референдум	3	1 128 567
Иные механизмы	20	1 545 240

Важным направлением дальнейшего развития инициативного бюджетирования в России является цифровизация этих процессов, поскольку цифровые технологии позволяют обеспечить надежность и прозрачность процедуры отбора гражданами финансируемых проектов [Вагин, Шаповалова, 2020]. Оценка готовности власти и общества к переходу на электронное взаимодействие видится первоочередной задачей дальнейшего внедрения цифровых технологий в инициативное бюджетирование и определяется нами

⁶ Доклад о лучшей практике развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях. НИФИ Минфина России. М., 2019. С. 15.

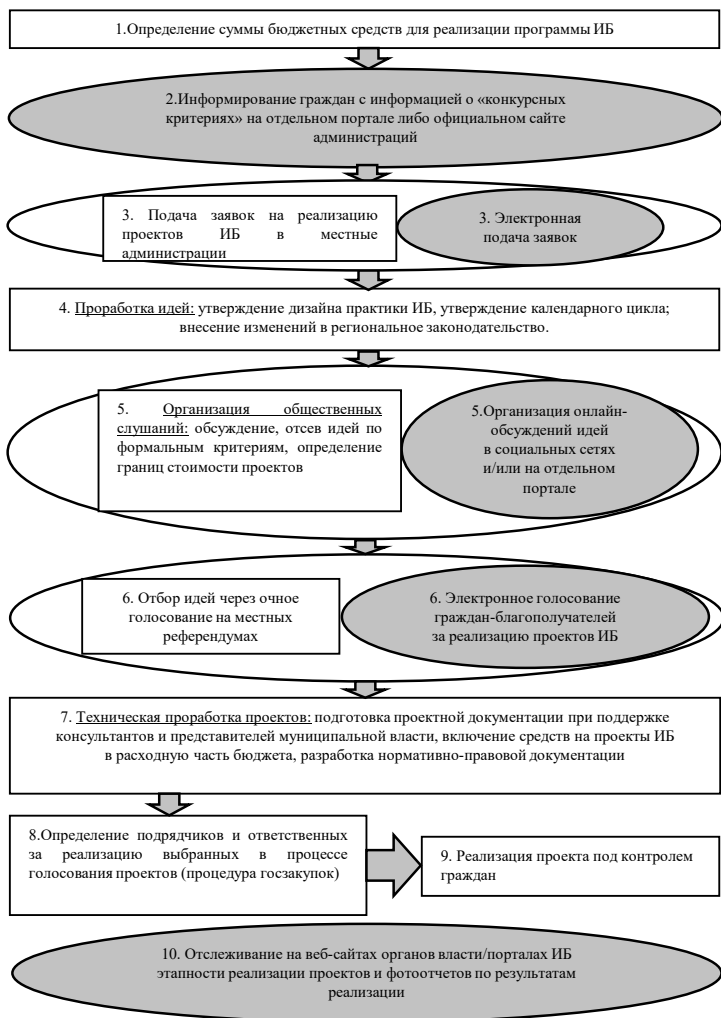
двусторонне. С одной стороны, это возможность региональных и местных администраций формировать инфраструктуру, благоприятствующую электронному сотрудничеству, с другой – готовность общества взаимодействовать с властью посредством онлайн-инструментов.

На рисунке 1 поэтапно представлен общий алгоритм реализации проектов инициативного бюджетирования с включением инструментов электронного общественного участия. Второй и десятый этапы, соответствующие информированию граждан о возможностях ИБ и представлению фотоотчетов готовых проектов, реализуются на сегодняшний момент преимущественно посредством информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). На этапах 1,4,7–9 происходит процесс проработки и реализации проектов, не подразумевающих электронного взаимодействия между участниками. Этапы 3,5–6 связаны с непосредственным взаимодействием населения и органов власти и в перспективе могут полностью перейти на электронный формат.

Оценка готовности власти к введению электронного общественного участия в инициативное бюджетирование

Для оценки *готовности власти* к внедрению инструментов электронного общественного участия в инициативном бюджетировании воспользуемся понятием инфраструктуры «электронного правительства», предложенным А. Н. Швецовым [Швецов, 2019. С. 14], который рассматривает ее как комплекс трех групп элементов: организационно-технические, информационно-технологические, инженерные и вспомогательные. Применительно к предмету нашего исследования они представляют собой следующее.

1. *Организационно-технические элементы* – центры общественного доступа для информирования граждан о деятельности органов власти и обеспечения доступа к получению услуг в электронной форме. В инициативном бюджетировании включение данных элементов происходит на этапе размещения информации о сроках и порядке проведения конкурсных отборов финансируемых проектов. В большинстве случаев такими информационными центрами выступают сайты местных администраций, но иногда для этих целей создаются отдельные порталы ИБ (см., например, URL: <https://ppmi.bashkortostan.ru/>).

Источник: составлено автором на основе последовательности реализации проектов инициативного бюджетирования, рекомендованной НИФИ Минфина [Вагин, Поминова, 2018].

Рис. 1. Алгоритм реализации проектов инициативного бюджетирования с применением инструментов электронно-общественного участия

Проведенный в 2018 г. социологический опрос по выявлению каналов коммуникаций, пользующихся доверием у граждан, показал, что наибольшей степенью доверия пользуются именно веб-сайты органов власти – 36,1% опрошенных, далее идет электронная почта – 27,74%, порталы петиций – 7,8%, социальные сети – 5,7%. Наиболее низкий уровень доверия получили электронное голосование и мобильные платформы – 0,6% [Пясецкая, 2018]. Следовательно, организационно-техническую функцию в реализации проектов ИБ целесообразно развивать на порталах муниципальных и региональных администраций.

2) *информационно-технологические элементы* – основные интернет-порталы, через которые происходит обмен информацией участниками электронного взаимодействия. В случае «электронного правительства» ими являются Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ), единая система идентификации, авторизации и аутентификации физических и юридических лиц (ЕСИА), а также системы межведомственного электронного взаимодействия. В инициативном бюджетировании к данной группе элементов следует относить отдельные информационно-телекоммуникационные каналы для электронной подачи заявок (инициатив), претендующих на бюджетное финансирование, страницы в социальных сетях для обсуждения идей проектов ИБ, порталы для онлайн-голосования.

Показательным примером эффективной реализации данной группы элементов в ИБ является проект «Твой бюджет»⁷ (г. Санкт-Петербург), активно действующий и на отдельном портале, и в социальных сетях. На момент написания статьи на сайте были зарегистрированы 21072 инициативы, 31 из которых реализована⁸. В рамках проекта заявки на участие подаются в электронном варианте на сайт с последующей модерацией. Их обсуждение организовано в группах Вконтакте и Фейсбуке⁹. По наибольшему количеству заявок на этапе сбора идей определяются районы-участники, в каждом из которых методом жеребьевки определяются члены бюджетной комиссии из числа подавших заявки активистов. Последующая работа комиссий

⁷ URL: <https://tvoybudget.spb.ru/>

⁸ Официальный портал проекта «Твой бюджет» (дата обращения: 15.03.2020). URL: <https://tvoybudget.spb.ru/>

⁹ URL: <https://vk.com/tvbspb>, https://web.facebook.com/tvoybudget?_rdc=1&_rdr

и итоговое голосование членов комиссии за реализацию проектов проходят *в очном режиме* с информационной поддержкой в социальных сетях. Все этапы реализации выигравших проектов выкладываются в форме фотоотчетов на основном сайте. Таким образом, в данном проекте реализуется весь комплекс электронных инструментов участия, кроме организации интернет-голосования за проекты.

Принятие решений на основании результатов электронного голосования за проекты инициативного бюджетирования на законодательном уровне пока не закреплено. В соответствии с положениями ст. 22 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления» решения с участием населения могут приниматься только на местных референдумах при тайном голосовании. Основным препятствием легитимизации онлайн-голосования являются непрозрачность его процедуры и отсутствие удовлетворительной технологии верификации голосов, что не создает достаточного уровня доверия к процедуре его применения. Следовательно, результаты интернет-голосования пока могут служить лишь косвенным индикатором числа потенциальных благополучателей в лице голосующих, что может оказать лишь моральную поддержку проекту, но не определить его судьбу.

Одним из решений проблемы верификации и идентификации участников ИБ может стать совершенствование системы межведомственного электронного взаимодействия. Так, учитывая отлаженность работы портала госуслуг, представляется перспективной возможность привязки системы идентификации голосующих за проекты ИБ к учетной записи в Единой системе идентификации и аутентификации, в которой, по данным Рунета, на сегодняшний день зарегистрированы 70,5 млн человек, то есть практический каждый второй житель России. В 2019 г. государственные и муниципальные услуги получили в общей сложности 72,4 млн граждан РФ. Из них 46,6 млн делали это в электронном виде, остальные обращались в многофункциональные центры или органы государственной власти напрямую¹⁰.

В качестве примера можно привести Сахалинскую область, где утверждены две формы общеобластного голосования граждан: очная либо электронная форма с верификацией голосов через

¹⁰ Официальный сайт. URL: <https://runet-id.com/> (дата обращения: 10.12.2019).

ЕСИА. Перспективность электронного голосования подтверждает тот факт, что из 18399 голосов, отданных за проекты 2019 г., 15925 (87%) были поданы посредством онлайн-голосования¹¹. Сахалин выступает также примером активного межведомственного взаимодействия: на сайте ИБ в описании каждого реализуемого проекта произведена интеграция с ведомственной подсистемой госзакупки, в которой предусмотрена возможность отследить информацию по проводимой в рамках проекта закупке (п. 8 алгоритма, рис. 2).

Другим перспективным вариантом решения проблемы идентификации голосов в ИБ может быть привязка к единому ресурсу сведений о населении (его создание на базе Единого реестра записей актов гражданского состояния предусмотрено в рамках реализации Основных направлений деятельности правительства РФ). Планируется, что наряду с Единым государственным реестром юридических лиц эта база станет основой для однозначного определения участников правоотношений – представителей гражданского общества – с государством¹².

3. *Инженерные и вспомогательные элементы* включают в себя системы обеспечения информационной безопасности, информационно-телекоммуникационные сети, центры обработки данных, важность которых будет нарастать по мере усиления электронного обмена информацией. Сюда же относятся средства защиты персональных данных, что является одним из ключевых факторов доверия к процедуре электронного голосования.

Примером цифровых технологий, которые позволяют обеспечить прозрачность и надежность электронных процедур голосования являются блокчейн-платформы. Адаптация данного инструмента для отбора проектов ИБ на блокчейн-платформе Polys от «Лаборатории Касперского» была запущена в 2019 г. в Нижегородской и Волгоградской области. В Волгоградской области в электронном голосовании приняли участие 82,5 тыс. человек, в Нижегородской – 161 тыс. человек, в некоторых районах явка превышала 30%¹³. Голосование проходило на специальных

¹¹ Сайт Сахалинской области по инициативному бюджетированию. URL: <https://pib.sakhminfin.ru/vote>

¹² П. 6.3. Цифровые технологии в государственном управлении. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года от 29 сентября 2018 г.

¹³ URL: <https://polys.me/ru/success-stories/voting-in-nizhny-novgorod>, <https://www.volgograd.ru/news/270494/>

сайтах¹⁴. Верификация граждан при входе в систему осуществлялась по введенному номеру телефона посредством одноразового СМС-пароля. Голосующий мог просмотреть список проектов ИБ, предложенных к реализации в интересующем его районе и проголосовать за любой из них. Доступность и удобство процесса голосования обеспечивались его адаптированностью под мобильные устройства, посредством которых проголосовали около 80% от общего числа респондентов. Проекты-победители, набравшие наибольшее количество голосов, получили финансовую поддержку из областного, местного бюджетов, а также внебюджетных источников.

Надежность и перспективность блокчейн-платформ в организации онлайн-голосования в инициативном бюджетировании определяются следующими преимуществами:

- отсутствует возможность взлома базы данных голосования, поскольку голоса «складываются» в блоки и формируют блокчейн. Для взлома в таком случае хакеру придется проникнуть в компьютеры всех проверяющих наблюдателей;
- соблюдается анонимность голосования и отсутствует возможность просмотреть предварительные результаты голосования, поскольку блокчейн зашифрован;
- существует возможность объединения блокчейн-платформ с любой системой идентификации (в том числе ЕСИА). Таким образом, могут быть определены группы лиц, которые допускаются к голосованию. Критерии могут быть выставлены по любым параметрам, в том числе и по месту проживания, что является существенным в инициативном бюджетировании, когда подразумевается голосование благополучателями проектов;
- отсутствует проблема продажи голосов и голосования под принуждением: избиратель может голосовать неограниченное количество раз, но при подсчете голосов система засчитает только последний отправленный бюллетень;
- исключена возможность фальсификации результатов, поскольку нет никакого «черного ящика», куда бюллетени отправляются для подсчета голосов; проверка бюллетеней и подсчет голосов реализуются децентрализованно, в соответствии с технологией распределенной сети блокчейн.

¹⁴ URL: <https://budget4mc34.ru/>, <http://mf.nnov.ru:8025/proekty>

Интересным представляется также разрабатываемое мобильное приложение для мониторинга «Инспектор», которое позволит в будущем отслеживать процесс голосования любыми заинтересованным пользователями, даже если они обладают минимальным техническим знанием¹⁵.

Возможности данной платформы для организации голосования были использованы также в политической сфере при внутрипартийных голосованиях, авторитетных научных конгрессах и конференциях, выборах в студенческие советы университетов (в том числе РАНХиГС, ВШЭ)¹⁶, что подтверждает повышение доверия общества к данной форме участия.

Оценка готовности населения к электронному общественному участию

Для оценки *готовности населения* к электронному участию в инициативном бюджетировании в первую очередь следует оценить техническую возможность граждан пользоваться инструментами электронного взаимодействия, что сопряжено с доступностью для населения сети Интернет.

Темп роста распространения мобильного Интернета среди населения России ежегодно растет, число абонентов на 100 чел. составило в 2011 г. – 47,8; в 2012 г. – 52,6; в 2013 г. – 59,8; в 2014 г. – 64,5; в 2015 г. – 68,1; в 2016 г. – 71,1; в 2017 г. – 79,9; в 2018 г. – 86,2¹⁷. В Центральном федеральном округе на конец 2018 г. доступность мобильного Интернета достигла 97%.

Также следует отметить доступность Интернета для российского населения по сравнению с другими странами. По данным Ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК), мобильный трафик для пользователя в России почти в 10 раз дешевле, чем в США, в три раза, чем в Германии, и в два раза, чем в Южной Африке. Все это, а также тот факт, что Россия занимает пятое место по количеству скачиваемых приложений, может стать стимулом к использованию данного инструмента в государственном управлении¹⁸.

¹⁵ URL: <https://polys.me/ru/blog/how-blockchain-can-change-the-way-people-vote>

¹⁶ URL: <https://polys.me/ru/success-stories>

¹⁷ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Эл. ресурс]. URL: www.gks.ru (дата обращения: 12.12.2019).

¹⁸ Исследовательский проект «Мобильная экономика России 2017». Ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК). URL: <https://raec.ru/activity/analytics/9883/>

Помимо технической возможности электронного участия, важным фактором в пользу системы онлайн-участия в программах инициативного бюджетирования исследователи выделяют фактор привычки, которая вырабатывается в связи с участием граждан в прошлых голосованиях. Важную роль в выработке и поддержании данной привычки, безусловно, играют действия местных властей по стимулированию гражданской активности. В частности, Л. Кипенис и Д. Аскоунис [Kipenis, Askounis, 2016] доказали значимость фактора удовлетворенности интернет-пользователей работой онлайн-платформ при принятии решения об участии в государственных вопросах. То есть вопрос совершенствования электронных платформ участия и повышению качества предоставления электронных услуг представляется чрезвычайно важным. Р. Готох [Gotoh, 2009] подтверждает значимость этого фактора и обращает внимание, что удовлетворенность граждан электронными услугами правительства следует постоянно оценивать.

В связи с этим для исследования готовности общества к электронному общественному участию представляется логичным рассмотреть вопрос качества электронного предоставления государственных услуг как наиболее адаптированного инструмента онлайн-взаимодействия власти и общества на сегодняшний момент.

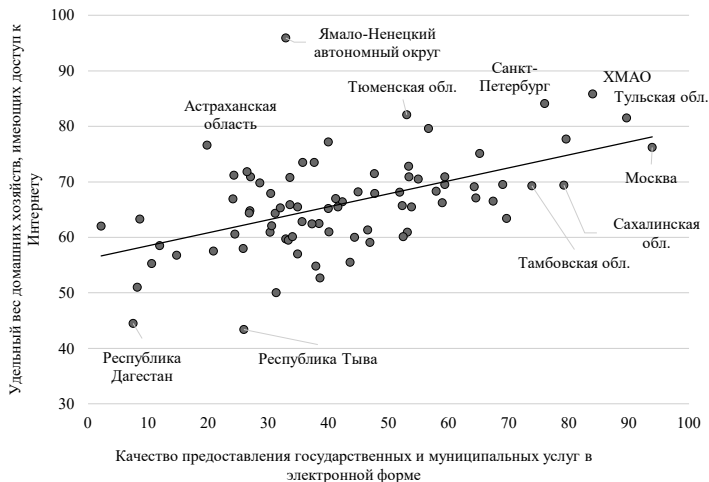
По данным портала госуслуг, общее число пользователей на конец 2019 г. составило 103 млн чел., что составляет 71% всего населения России, за весь период работы портала госуслуг заказано более 152 млн услуг¹⁹.

Для выяснения характера связи между параметрами доступности Интернета и качества предоставления госуслуг построим диаграмму рассеяния (рис. 2). По оси ординат представлен удельный вес домашних хозяйств, имеющих доступ к Интернету в регионах России. По оси абсцисс представлен рейтинг качества государственных и муниципальных услуг в электронной форме за 2018 г., составленный Минэкономразвития России²⁰. Рейтинг рассчитывался на основе мониторинга 85 регионов, в ходе которого по 100-балльной шкале оценивались такие параметры,

¹⁹ URL: https://www.gosuslugi.ru/help/news/2019_12_30_results_of_the_year

²⁰ URL: <https://digital.alreghn.ru/news/461/>

как полнота и качество предоставления электронных госуслуг, количество оказанных госуслуг, наличие мобильного приложения и другие.

Источник: составлено автором по данным Минэкономразвития. URL: <https://digital.alregn.ru/news/461/>, и федеральной службы государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/info-ob2018.pdf

Рис. 2. Распределение регионов по показателям качества предоставления госуслуг и доступа домашних хозяйств к Интернету

Так, в 2018 г. среднее значение качества предоставляемых онлайн-госуслуг в регионах находится на отметке 42%, доступ к сети Интернет в среднем составляет 64%. Линия восходящего тренда говорит о тенденции более качественного предоставления государственных услуг в регионах со сравнительно высокой доступностью Интернета, или, чем выше уровень цифровизации населения²¹, тем активнее электронное взаимодействие между властью и населением. Все это, на наш взгляд, указывает на техническую готовность населения взаимодействовать с органами власти в электронном формате.

²¹ В данном случае под цифровизацией населения автор подразумевает как обеспеченность населения цифровыми гаджетами, так и доступность информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Поиск эффективных механизмов вовлечения населения в бюджетный процесс в социологических исследованиях показал, что местные органы власти могут успешно сами стимулировать гражданскую активность в Интернете. В частности, сильным мотиватором становится психологический эффект сопричастности граждан и альтруизм, которые и требуют поощрения со стороны местных властей [Naranjo-Zolotov et al., 2019, Du et al., 2017]. Как отмечает в своих исследованиях М. Наранджо-Золотов [2018], электронное голосование является одним из механизмов, которое и само по себе создает психологический эффект сопричастности, что также способствует формированию необходимой привычки и дальнейшего намерения участвовать в бюджетных вопросах.

Несмотря на мотивационную эффективность социальных сетей в развитии ИБ и успешный опыт электронных голосований за проекты ИБ в ряде регионов России, проблема легитимации результатов электронных голосований остается по-прежнему нерешенной на федеральном уровне. Однако, полагаем, что период пандемии COVID-19, послуживший мощным толчком в развитии информационно-коммуникационных технологий, а также факт проведения голосования за поправки в Конституцию РФ в июне-июле 2020 г. с использованием технологии блокчейна позволяют надеяться на ускорение решения этой проблемы на законодательном уровне.

Выводы

Новые формы участия и вовлечение граждан в планирование местного бюджета развиваются с учетом электронного (e-Participation) и мобильного формата участия. Позитивный опыт зарубежных стран позволил выделить ряд перспективных инструментов инициативного бюджетирования, способствующих вовлечению общественности в данный процесс:

- создание онлайн-площадок для ознакомления и обсуждения предложенных проектов, просмотра результатов реализованных проектов;
- возможность виртуальной прогулки по городу через отдельный веб-сайт инициативного бюджетирования, который позволяет оценить будущий результат планируемых к реализации проектов;

- организация онлайн-голосования населения за проекты, подлежащие финансированию из региональных/местных бюджетов.

На основании данных о стремительно растущем уровне интернетизации граждан, высокой доле зарегистрированного населения на портале госуслуг и относительно низкой стоимости мобильного трафика в российских регионах можно сделать вывод о высокой степени готовности населения к взаимодействию с властными структурами посредством онлайн-механизмов. Для подкрепления доверия и выработки привычки следует отметить важность повышения качества госуслуг как дополнительного мотиватора электронного общественного участия в бюджетных вопросах.

Рассмотренный отечественный опыт электронного общественного участия позволил выделить ряд перспективных инструментов электронного голосования. Во-первых, предложено решить ключевую проблему недостоверности верификации голосов, препятствующую внедрению системы электронного голосования как основного этапа принятия решений в инициативном бюджетировании, путем привязки идентификации голосующих к учетной записи в Единой системе идентификации и аутентификации портала госуслуг. Последний является наиболее отработанным и эффективным на сегодняшний день инструментом электронного взаимодействия властных структур и населения. Во-вторых, обоснованы преимущества блокчейн-технологий в реализации онлайн-голосования в инициативном бюджетировании, которые позволяют сделать эту процедуру максимально прозрачной и надежной.

Дальнейшая популяризация инициативного бюджетирования зависит от действий региональных и местных властей по совершенствованию механизмов электронного участия, повышению качества предоставляемых онлайн-госуслуг, которое влияет на удовлетворенность граждан использованием электронными платформами и на формирование привычки электронного участия в целом.

Также полагаем, что проведенное в 2020 г. электронное голосование по поправкам к Конституции РФ с использованием технологии блокчейна ускорит законодательные решения по вопросу принятия результатов электронного голосования легитимными. При этом мы понимаем, что развитие электронных технологий

не является гарантом гражданской вовлеченности в бюджетные процессы, но выполняет лишь вспомогательную функцию, позволяющую осуществлять гражданские права в более удобной и современной форме.

Литература

Васильева Г. В., Кононенко Д. В. Современные интерпретации концепции электронного государства (электронного правительства) // Вести Волгоградского государственного университета. 2016. Сер. 5. № 1 (30). С. 9–16.

Гридин С. Определение основных параметров разработки нормативной и методической документации: рекомендации для новых участников на основе практики реализации ППМИ в регионах России // Муниципальная власть. 2016. № 2–3. С. 46–55.

Вагин В. В., Поминова К. В. 50 вопросов об инициативном бюджетировании: учебное пособие / и соавт. 2018. М.: Филинь, 86 с.

Вагин В. В., Шаповалова Н. А. Актуальные вызовы и проблемы развития инициативного бюджетирования // Финансовый журнал. 2020. Т. 12. № 1. С. 9–26. DOI: 10.31107/2075–1990–2020–1–9–26.

Гаврилова Н. В. Практики партисипаторного бюджетирования в европейских странах // Управление. Проблемы и перспективы. 2018. № 2(47). С. 79–87. DOI: 10.24833/2073–8420–2018–2–47–79–87

Захарчук Е. А., Некрасов А. А. & Пасынков А. Ф. Бюджетирование на основе общественного участия: зарубежный опыт и практика применения в России // Бюджетная стратегия. 2019. 23(1). 122–132. DOI:10.26794/2587–5671–2019–23–1–122–132

Капогузов Е. А., Ревякин С. А. Электронное общественное участие в России: технологии или институт, соло или дуэт? // ЭКО. 2019. № 12. С. 27–46. DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2019–12–27–46.

Колесник Е. А. Инициативное бюджетирование как фактор развития местных сообществ // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 5 (401). Экономические науки. Вып. 57. С. 42–47.

Пясецкая Е. Н. Факторы эффективности электронного участия граждан во взаимодействии власти и общества // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № 2. С. 1–6.

Швецов А. Н. От «электронного правительства» к «цифровому государству»: смысл и последствия новаций // ЭКО. 2019. № 12. С. 8–26. DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2019–12–8–26.

Allegretti, G., & Antunes, S. The Lisbon participatory budget: Results and perspectives on an experience in slow but continuous transformation. *Field Actions Science Reports*, 2014. (Special Issue 11), 1–10 [Online].

Aleksandrov, E., Bourmistrov, A., & Grossi, G. Participatory budgeting as a form of dialogic accounting in Russia: Actors' institutional work and reflexivity trap. *Accounting, Auditing and Accountability Journal*. 2018. 31(4). Pp. 1098–1123. DOI: 10.1108/AAAJ-02–2016–2435

Avritzer, Leonardo. "New Public Spheres in Brazil: Local Democracy and Deliberative Politics." *International Journal of Urban and Regional Research*. 2006. 30 (3). Pp. 623–637. DOI:10.1111/j. 1468–2427.2006.00692.x.

Coleman, S., & Cardoso Sampaio, R. Sustaining a democratic innovation: a study of three e-participatory budgets in Belo Horizonte. *Information Communication and Society*. 2017. 20(5). Pp. 754–769. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1203971

Du, G., Degbelo, A., Kray, C. Public displays for public participation in urban settings: a survey. *Proceedings of the 6th ACM International Symposium on Pervasive Displays – PerDis '17*, 2017. P. 17. <http://dx.doi.org/10.1145/3078810.3078825>.

Fathejalali, A. *Enhancing Citizen Engagement in Urban Planning Processes through Mobile Participation (mParticipation)*. Berlin: Institute for Urban and Regional Planning, 2017. P. 178.

Friedman, J. (2016) *Budget Accountability Systems: What the Open Budget Survey Shows about Countries in the Asia and Pacific Region*. The Governance Brief, Is. 27. Available at: <http://hdl.handle.net/11540/8742>

Garcia F., Puertas L. 20 Years of Participatory Budgeting in Spain. *Regional dynamics*. 2018. Pp. 275–287

Gotoh, R. Critical factors increasing user satisfaction with e-government services. *Electronic Government, an International Journal*. 2009. 6(3). Pp. 252–264.

Kipenis L., Askounis D. Assessing e-participation via user's satisfaction measurement: the case of OurSpace platform. *Annals of Operations Research*. 2016. 247 (2). Pp. 599–615. DOI: 10.1007/s10479–015–1911–8

Matheus, R, Ribeiro, M.M, Vaz J.C. and Souza C.A. Case studies of digital participatory budgeting in Latin America: models for citizen engagement. In: *4th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance*. Beijim. 2010. China. Pp. 31–36.

Miller, S. A., Hildreth, R. W., & Stewart, L. M. The Modes of Participation: A Revised Frame for Identifying and Analyzing Participatory Budgeting Practices. *Administration & Society*. 2019. 51(8). Pp. 1254–1281. DOI: 10.1177/0095399717718325

Naranjo-Zolotov, M., Oliveira T., and Casteleyn S. Continued intention to use online participatory budgeting: The effect of empowerment and habit. In *Proceedings of the 11th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance (ICEGOV '18)*. 2018. New York. USA. Pp. 209–216. DOI: <https://doi.org/10.1145/3209415.3209461>

Naranjo-Zolotov, M., Oliveira, T., Casteleyn S., Irani Z. Continuous usage of e-participation: The role of the sense of virtual community. *Government information quarterly*. 2019. Vol. 36. Iss. 3. Pp. 536–547.

Sintomer, Y., Herzberg, C., & Röcke, A. Transnational models of citizen participation: The case of participatory budgeting. *Sociologias*. 2012. 8(30). Pp. 70–116. DOI: 10.1590/S1517–45222012000200004

Uddin, S., Mori, Y., & Adhikari, P. Participatory budgeting in a local government in a vertical society: A Japanese story. *International Review of Administrative Sciences*. 2019. 85(3). Pp. 490–505. DOI: 10.1177/0020852317721335

Статья поступила 30.01.2020.

Статья принята к публикации 29.06.2020.

Для цитирования: Дербенева В.В. Электронное общественное участие как вектор развития инициативного бюджетирования// ЭКО. 2020. № 9. С. 90–113. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-9-90-113.

Summary

Derbeneva, V.V., Cand. Sci. (Econ.), Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Institute of Economics of the Ural Branch RAS, Yekaterinburg

E-Participation as a Vector of Developing Proactive Budgeting

Abstract. Proactive budgeting, as a form of participation and involvement of citizens in urban budget planning, is becoming an increasingly popular form of interaction between power structures and the population thanks to rapidly developing tools of the electronic participation format. The purpose of this paper is to analyze the prospects for further development of electronic public participation (e-participation) in participatory budgeting. Systematization of foreign experience of e-participation helped to identify the most promising tool of electronic voting as well as factors of its long-term success. The authors proposed an algorithm for implementing participatory budgeting projects including e-participation tools and studied the experience of Russian regions. The procedure of Internet voting in participatory budgeting is transparent and reliable thanks to the advantages of block chain technologies. The key problem of low reliability of vote verification is resolved by identifying voters with their accounts in the Unified Identification and Authentication System (ESIA) of the public services portal. The paper assesses the technical readiness of the Russian population for e-participation, revealing a positive relationship between Internet access and the quality of public services.

Keywords: *information and communication technology; public administration; proactive budgeting; e-participation; electronic voting*

References

- Aleksandrov, E., Bourmistrov, A., & Grossi, G. (2018). Participatory budgeting as a form of dialogic accounting in Russia: Actors' institutional work and reflexivity trap. *Accounting, Auditing and Accountability Journal*. 31(4). Pp. 1098–1123. DOI: 10.1108/AAAJ-02-2016-2435
- Allegretti, G., & Antunes, S. (2014). The Lisbon participatory budget: Results and perspectives on an experience in slow but continuous transformation. *Field Actions Science Reports*, (Special Issue 11), 1–10 [Online].
- Avritzer, Leonardo. (2006). "New Public Spheres in Brazil: Local Democracy and Deliberative Politics." *International Journal of Urban and Regional Research*. 30 (3). Pp. 623–637. DOI:10.1111/j. 1468-2427.2006.00692.x.
- Coleman, S., & Cardoso Sampaio, R. (2017). Sustaining a democratic innovation: a study of three e-participatory budgets in Belo Horizonte. *Information Communication and Society*. 20(5). Pp. 754–769. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1203971
- Du, G., Degbelo, A., Kray, C. (2017). Public displays for public participation in urban settings: a survey. *Proceedings of the 6th ACM International Symposium on Pervasive Displays – PerDis '17*, P. 17. Available at: <http://dx.doi.org/10.1145/3078810.3078825>.
- Fathejalali, A. (2017). *Enhancing Citizen Engagement in Urban Planning Processes through Mobile Participation (mParticipation)*. Berlin: Institute for Urban and Regional Planning. P. 178.

Friedman, J. (2016). *Budget Accountability Systems: What the Open Budget Survey Shows about Countries in the Asia and Pacific Region*. The Governance Brief, Is. 27, Available at: <http://hdl.handle.net/11540/8742>

Garcia F., Puertas L. (2018). 20 Years of Participatory Budgeting in Spain. *Regional dynamics*. Pp. 275–287.

Gavrilova, N.V.(2018). Participatory budgeting practices in European countries. *Journal of Law and Administration*. No. 2. Pp. 79–87. (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2018-2-47-79-87>

Gotoh, R. (2009). Critical factors increasing user satisfaction with e-government services. *Electronic Government, an International Journal*. 6(3). Pp. 252–264.

Gridin, S. (2016). Determination of the main parameters for the development of normative and methodological documentation: recommendations for new participants based on the practice of implementing PPMI in Russian regions. *Munitsipal'naya vlast'*. No. 2–3. Pp. 46–55. (In Russ.).

Kapoguzov, E.A., Revyakin, S.A. (2019). Electronic Public Participation in Russia: Technology or Institute, Solo or Duo? *ECO*. No. 12. Pp. 27–46. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-27-46.

Kipenis, L., Askounis, D. (2016). Assessing e-participation via user's satisfaction measurement: the case of OurSpace platform. *Annals of Operations Research*. 247 (2). Pp. 599–615. DOI: 10.1007/s10479-015-1911-8

Kolesnik, E. A. (2017). Participatory budgeting as a factor in the development of local communities. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 5 (401). *Ehkonomicheskie nauki*. Vol. 57. Pp. 42–47. (In Russ.).

Matheus, R, Ribeiro, M.M, Vaz JC and Souza C.A. (2010). Case studies of digital participatory budgeting in Latin America: models for citizen engagement. *In: 4th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance*. Beijim. China. Pp. 31–36.

Miller, S. A., Hildreth, R. W., & Stewart, L. M. (2019). The Modes of Participation: A Revised Frame for Identifying and Analyzing Participatory Budgeting Practices. *Administration & Society*. 51(8). Pp. 1254–1281. DOI: 10.1177/0095399717718325

Naranjo-Zolotov, M., Oliveira T., and Casteleyn S. (2018). Continued intention to use online participatory budgeting: The effect of empowerment and habit. *In Proceedings of the 11th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance (ICEGOV '18)*. New York. USA. Pp. 209–216. DOI: <https://doi.org/10.1145/3209415.3209461>

Naranjo-Zolotov, M., Oliveira, T., Casteleyn S., Irani Z. (2019). Continuous usage of e-participation: The role of the sense of virtual community. *Government information quarterly*. Vol. 36. Iss. 3. Pp. 536–547.

Pyasetskaya, E.N. (2018). Factors of the effectiveness of e-participation of citizens in the interaction of government and society. *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept»*. No. 2. Pp. 1–6. (In Russ.).

Shvetsov, A.N. (2019). From «E-government» Towards «Digital Governance»: the Meaning and Consequences of Innovations. *ECO*. No. 12. Pp. 8–26. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-8-26.

Sintomer, Y., Herzberg, C., & Röcke, A. (2012). Transnational models of citizen participation: The case of participatory budgeting. *Sociologias*. 8(30). Pp. 70–116. DOI: 10.1590/S1517-45222012000200004

Uddin, S., Mori, Y., & Adhikari, P. (2019). Participatory budgeting in a local government in a vertical society: A Japanese story. *International Review of Administrative Sciences*. 85(3). Pp. 490–505. DOI: 10.1177/0020852317721335

Vagin V.V., Pominova K.V. (2018). 50 questions about participatory budgeting: a tutorial]. M.: Filin", p. 86 (In Russ.).

Vagin, V.V., Shapovalova, N.A. (2020). Challenges and Issues of Initiative Budgeting Development. *Financial Journal*. Vol. 12. No. 1. Pp. 9–26. (In Russ.). DOI: 10.31107/2075-1990-2020-1-9-26.

Vasil'eva, G.V., Kononenko D.V. (2016). Modern interpretations of e-state (E-government). *Vesti Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 5. No. 1 (30). Pp. 9–16. (In Russ.).

Zakharchuk, E. A., Nekrasov, A. A., & Pasynkov, A. F. (2019). Participatory Budgeting: International and Russian Experience. *Finance: Theory and Practice*. 23(1). Pp. 122–132. Doi:10.26794/2587-5671-2019-23-1-122-132. (In Russ.).

For citation: Derbeneva, V.V. (2020). E-Participation as a Vector of Developing Proactive Budgeting. *ECO*. No. 9. Pp. 90-113. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-9-90-113.

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-9-114-137

Постиндустриальные факторы развития Дальнего Востока России

В.Ф. ЕФРЕМЕНКО, кандидат экономических наук. E-mail: itc@dviu.ranepa.ru; vladfilef@yandex.ru

Дальневосточный институт управления – филиал РАНХ и ГС
при Президенте РФ, Хабаровск

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4457-5653>

Аннотация. Достижение опережающего среднероссийские показатели социально-экономического развития в Дальневосточном макрорегионе одновременно с приростом численности населения предполагает изменение существующей модели экономического роста, опирающейся на увеличение добычи сырья и энергоресурсов. Добывающий сектор является основным в доиндустриальном обществе и не способен сформировать структуру занятости населения и институты постиндустриального общества, привлекательные для проживания значительных масс населения. Между тем инновационные высокотехнологические центры, составляющие экономическую основу постиндустриального общества, имеют высокую миграционную привлекательность. Их развитие может внести необходимые положительные изменения в структуру воспроизводства и динамику населения регионов Дальнего Востока. Инструментом формирования инновационной экономики в макрорегионе может стать концепция Региональной инновационной системы, являющаяся современным представлением концепции полюсов роста, положенной в основу принятой Стратегии пространственного развития России. Практическое применение модели инновационного развития региона осуществляется в Приморском и Хабаровском краях и Республике Саха (Якутия).

Ключевые слова: постиндустриальное общество; миграция; региональная инновационная система; Дальний Восток России; социально-экономическое развитие

Модель опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока

Обеспечение национальной безопасности страны, как это предусмотрено Стратегией пространственного развития Российской Федерации¹, требует установления и поддержания на её Дальнем Востоке темпов социально-экономического развития, опережающих среднероссийские показатели, а также демографического режима

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [Эл. ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

устойчивого прироста численности постоянного населения, проживающего на данной территории. Достижение названных параметров регионального воспроизводства потребует преобразования сложившейся на Дальнем Востоке модели социально-экономического развития, которая в настоящее время опирается на экстенсивный рост добычи сырья и характеризуется нарастающим отставанием в развитии социальной сферы и миграционным оттоком населения.

Рост производства валового регионального продукта (ВРП) в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) происходит быстрее, чем в среднем по стране. Если валовая добавленная стоимость, произведенная всеми субъектами РФ, за период 2005–2016 гг. увеличилась в 3,84 раза, то в ДФО – в 4,55 раза². Однако опережающий рост генерируемой дальневосточными предприятиями добавленной стоимости не способствует соответствующему повышению уровня жизни проживающего здесь населения, а, наоборот, приводит к отставанию от других регионов России и в результате к формированию миграционных потоков, имеющих устойчивую отрицательную направленность. За рассматриваемый период численность постоянного населения округа уменьшилась на 277 тыс. человек, главным образом за счет миграции.

Сложившаяся разнонаправленность экономической и социальной динамики, отрицательная корреляция экономических и демографических показателей не допускают достижение заявленных в Стратегии характеристик социально-экономического развития Дальнего Востока при существующей структуре общественного воспроизводства.

Гармонизация экономических и социально-демографических процессов в Дальневосточном макрорегионе возможна в рамках модели, разработанной С. Кузнецом, где под экономическим ростом понимаются возрастающие возможности экономики по все более полному удовлетворению разнообразных потребностей населения в товарах и услугах. Экономический рост является результатом практического применения достижений науки и технологий, инновационного развития и поддерживается институтами и идеологией, присущими данной общественной формации. Важны все три составляющие процесса [Кузнец, 2003, С. 104].

² Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. [Эл. ресурс]. Росстат. М., 2018. 162 с. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/region/reg-pok18.pdf.

В нашем случае опережающий рост производимой добавленной стоимости объясняется не столько научными и технологическими достижениями, экономически эффективно реализованными в практике, сколько увеличением добычи сырья и ростом объемов изымаемой природно-ресурсной ренты.

Доминанта сырьевых отраслей, в значительной мере использующих вахтовый труд и не требующих большого количества высокообразованных кадров, определяет экономическую основу общественного устройства доиндустриального типа – без развитой системы высшего образования, науки, здравоохранения, культуры, сервиса и других институтов, являющихся отличительным признаком постиндустриального общества. Между тем продвижение к параметрам именно этой общественной формации содержит в себе возможность перелома сложившихся в региональном воспроизводстве негативных тенденций.

Тип общественного производства и миграционное поведение

Подразделение общественных формаций на три типа было предпринято А. Беллом, чтобы «наглядно показать существенные различия» между ними [Белл, 2004. С. 157]. По его определению, доиндустриальное общество основывается на извлечении продуктов из природной среды (сельское хозяйство, добыча сырья), индустриальное – на взаимодействии человека и машины по преобразованию продуктов природы в продукты техники (обрабатывающая промышленность), постиндустриальное – на взаимоотношениях между людьми на основе интеллектуальных технологий (инфраструктура, финансы, образование, здравоохранение, рекреация, наука, государственное управление и др.) [Белл, 2004. С. 157–158]. Экономическим фундаментом постиндустриального общества становятся высокотехнологичные, наукоемкие производства, инновации. «Постиндустриальное общество может существовать только при условии наличия инновационной экономики» [Иванов, 2003. С. 16].

Миграционное поведение населения, являющееся проблемой, не позволяющей в ДФО достичь установленных целей Стратегии пространственного развития и требующей своего разрешения, зависит в том числе от доминирующей в обществе идеологии, привычек, стереотипов, ценностных предпочтений, в свою очередь

соответствующих достигнутому типу общественного производства. Как отмечал А. Белл: «Если индустриальное общество определяется через количество товаров, обозначающее уровень жизни, то постиндустриальное общество определяется качеством жизни, измеряемым услугами и различными удобствами, – здравоохранением, образованием, отдыхом и культурой, – которые становятся желанными и доступными для каждого» [Белл, 2004. С. 171].

Постиндустриальное общество впервые позволяет все большему числу людей реализовать себя как творческой, созидающей личности, что относится к высшим потребностям индивида.

Начиная с 60-х годов XX века в конкуренции за привлечение трудовых ресурсов начинают выигрывать страны и регионы, предлагающие наукоемкий, высокотехнологичный тип хозяйства, а географическую мобильность населения стали определять группы людей, не связанных с переходом от сельского хозяйства к промышленности, а имеющих «хотя бы год высшего образования, ... специалистов, промышленных рабочих и менеджеров... Тысячи европейских ученых, инженеров и техников перебираются в Соединенные Штаты и Канаду, наиболее супериндустриальные страны... Но одновременно происходит “утечка мозгов” и внутри самих Соединенных Штатов; тысячи научных работников и инженеров движутся взад и вперед подобно частицам атома. Это движение отлично просматривается. Существуют два больших потока, один с Севера, а другой с Юга, оба они сходятся в Калифорнии и других тихоокеанских штатах с промежуточной остановкой в Денвере. Другой большой поток движется с Юга в направлении Чикаго и Кембриджа, Принстона и Лонг-Айленда. Встречный поток несет людей к предприятиям космической и электронной промышленности во Флориде» [Тоффлер, 2001. С. 94–95].

Отмеченные тенденции в формировании миграционных потоков между странами и регионами продолжают до настоящего времени и принимают новые формы. «В последние годы отмечены качественные изменения международных миграционных потоков, которые связаны с развитием научно-технического прогресса. Их суть состоит не столько в росте доли квалифицированных специалистов в общем объеме мигрантов, сколько в трансформации самого процесса миграции – на смену “утечке мозгов” пришла их циркуляция, связанная с диверсификацией направлений миграции; принципиально новым явлением стало

перемещение рабочей силы, обусловленное движением капитала; модифицировался организационный уровень миграции, базисом которого стало возникновение устойчивой тенденции адресного поиска специалистов странами-реципиентами; наконец, произошла интеграция системы высшего образования, в результате которой унифицированы требования работодателей к качеству рабочей силы, что “размывает” национальные профессиональные барьеры и придает дополнительный импульс перетоку претендентов на рабочие места» [Сидоров, 2012. С. 261].

Развитые страны, ощущающие острую нехватку специалистов, расширяют иммиграционные квоты для приема профессионалов. В начале 2000–х гг. «в Силиконовой долине трудились более 2 млн квалифицированных иностранцев – программистов, инженеров, ученых... Примерно 25% основателей и президентов биотехнологических компаний были уроженцами других стран» [Дусь, Разумов, 2005. С. 60].

Миграционные потоки, складывающиеся в настоящее время в России, также тяготеют в направлении регионов, являющихся центрами инноваций и высоких технологий. Как показывает расчет средних за последние пять лет коэффициентов миграционного прироста на 10000 человек населения³, из 85 субъектов Федерации только 32 региона, или 37%, являются реципиентами мигрантов. Оценивая миграционную привлекательность регионов с точки зрения развития в них инновационной экономики и высокотехнологичных производств, выясняем, что из 29 регионов, входящих в группу сильных и среднесильных инноваторов Рейтинга инновационных регионов России⁴ реципиентами мигрантов являются 22 субъекта Федерации, или 75%, то есть доля миграционно привлекательных регионов среди инноваторов выше в два раза. А из 19 регионов, имеющих долю в результатах высокотехнологичного бизнеса России в 2017 г. выше 1%⁵, реципиентами мигрантов являются 15, или 78%. В большинстве

³ Коэффициенты миграционного прироста на 10000 человек населения. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. [Электронный ресурс] / Росстат. М., 2018. 162 с. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/region/reg-pok18.pdf.

⁴ Рейтинги инновационных регионов России [Эл. ресурс]: Ассоциация инновационных регионов России. URL: <http://i-regions.org/reiting/rejting-innovatsionnogo-razvitiya>.

⁵ Высокотехнологичный бизнес в регионах России: Национальный доклад, вып.2 [Эл. ресурс] / Под ред. Земцова С. П. М.: РАНХиГС, АИПП, 2019. 108с. URL: <http://i-regions.org/images/files/ranepa18.pdf>.

случаев высокотехнологичные регионы являются и сильными инноваторами. Миграционная привлекательность регионов, имеющих ранг инновационности от 1 до 12, представлена в таблице 1, а регионов, вносящих наибольший вклад в развитие высокотехнологичного бизнеса России от 1-го до 12-го ранга, – в таблице 2.

Таблица 1. Миграционная привлекательность инновационных регионов

Ранг инновационности региона (2018 г.)	Регион	$I = \sum i / 29$	Ранг высокотехнологичного бизнеса (2017 г.)	Доля региона в результатах хай-тек бизнеса в России, %	Коэффициент миграционного прироста на 10000 человек населения (средний за период 2013–2017 гг.)
1	г. Санкт-Петербург	0,68	2	8,59	117
2	Республика Татарстан	0,67	6	2,73	14
3	г. Москва	0,65	1	26,79	108
4	Томская область	0,63	35	0,58	10
5	Московская область	0,60	3	7,04	135
6	Новосибирская область	0,58	12	2,09	85
7	Калужская область	0,57	19	1,01	78
8	Нижегородская область	0,55	5	3,08	5
9	Ульяновская область	0,54	32	0,59	-13
10	Самарская область	0,54	11	2,1	6
11	Тюменская область (без АО)	0,53	18	1,12	110
12	Республика Башкортостан	0,52	7	2,3	-8

Источники табл. 1, 2.:

Коэффициенты миграционного прироста на 10000 человек населения. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. [Эл. ресурс] / Росстат. М., 2018. 1162 с. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/region/reg-pok18.pdf;

Рейтинг инновационных регионов России [Эл. ресурс]: Ассоциация инновационных регионов России. URL: <http://i-regions.org/reiting/rejting-innovatsionnogo-razvitiya>;

Высокотехнологичный бизнес в регионах России: Национальный доклад, вып. 2 [Эл. ресурс] / Под ред. Земцова С.П. М.: РАНХиГС, АИРР, 2019. 108с. URL: <http://i-regions.org/images/files/ranepa18.pdf>.

Согласно применяемой методике, рейтинг инновационного региона «I» рассчитывается по 29 индикаторам, учитывающим состояние трех базовых блоков (научные исследования и разработки; инновационная деятельность; социально-экономические

условия инновационной деятельности), а также интенсивность проведения инновационных публичных мероприятий в регионах. К высокотехнологичному бизнесу, согласно классификации Росстата, относятся высокотехнологичные, среднетехнологичные высокого уровня и наукоемкие виды деятельности.

Среди регионов, имеющих ранг инновационного рейтинга с 1-го по 12-й, десять (83%) являются реципиентами мигрантов. В точности такое же соотношение (10 из 12, или 83%) наблюдается и в миграционной привлекательности лидеров высокотехнологичного предпринимательства.

Таблица 2. Миграционная привлекательность регионов высокотехнологичного бизнеса

Ранг высокотехнологичного бизнеса (2017 г.)	Регион	Доля региона в результатах хай-тек-бизнеса в России, % (≥ 2)	Ранг инновационности региона (2018 г.)	$I = \sum i / 29$	Коэффициент миграционного прироста на 10000 человек населения (средний за период 2013–2017 гг.)
1	г. Москва	26,79	3	0,65	108
2	г. Санкт-Петербург	8,59	1	0,68	117
3	Московская область	7,04	5	0,60	135
4	Свердловская область	3,59	14	0,52	4
5	Нижегородская область	3,08	8	0,55	5
6	Республика Татарстан	2,73	2	0,67	14
7	Республика Башкортостан	2,3	12	0,52	-8
8	Пермский край	2,29	18	0,49	-10
9	Ростовская область	2,15	27	0,44	7
10	Челябинская область	2,11	22	0,47	7
11	Самарская область	2,1	10	0,54	6
12	Новосибирская область	2,09	6	0,58	85

Преимущества высокотехнологичных, инновационных регионов особенно заметны в пределах рассмотрения отдельных федеральных округов (ФО), не являющихся столичными или расположенными в особо благоприятных природно-климатических условиях. Так, в Приволжском ФО приток мигрантов отмечается в четырех субъектах Федерации из 14. Все они относятся к инновационным и (или) высокотехнологичным регионам: Республика

Татарстан (ранг инновационности – 2, высоких технологий – 6); Нижегородская область (ранг инновационности – 8, высоких технологий – 5); Самарская область (ранг инновационности – 10, высоких технологий – 11); Республика Мордовия (ранг инновационности – 13, высоких технологий – 60).

В Уральском федеральном округе реципиентами мигрантов являются: Свердловская область (ранг инновационности – 14, высоких технологий – 4); Тюменская область (без АО) (ранг инновационности – 11, высоких технологий – 18), Челябинская область (ранг инновационности – 22, высоких технологий – 10). Примечательно, что автономные округа Тюменской области (Ханты-Мансийский – Югра и Ямало-Ненецкий), не относящиеся к развитым регионам, с точки зрения высоких технологий и инноваций, несмотря на значительные объемы производимой добавленной стоимости от добычи сырья, характеризуются миграционным оттоком.

В Сибирском федеральном округе к регионам, принимающим мигрантов, относятся: Красноярский край (ранг инновационности – 20, высоких технологий – 16); Новосибирская область (ранг инновационности – 6, высоких технологий – 12); Томская область (ранг инновационности – 4, высоких технологий – 35). Здесь, как исключение, к группе регионов, имеющих положительное сальдо миграции, относится и Республика Хакасия, не относящаяся к высокотехнологичным, инновационным.

Высокий ранг инновационности региона и лидирующие позиции в высокотехнологичном предпринимательстве не являются гарантией миграционной привлекательности региона (Республика Башкортостан имеет ранг инновационности – 12, ранг высоких технологий – 7, однако относится к миграционным донорам), но существенно повышают вероятность попадания в разряд регионов – реципиентов мигрантов, как это показывают приведенные статистические распределения.

Отметим, что в Дальневосточном федеральном округе не представлены регионы, характеризующиеся высоким инновационным потенциалом и (или) наличием значимой доли высокотехнологичных производств. При этом во всех субъектах Федерации ДФО наблюдается миграционный отток, начавшийся в 1990-е годы и продолжающийся до настоящего времени.

Примечательно, что исторически предшествовавшие этому периоду 150 лет хозяйственного освоения Дальнего Востока характеризовались высокими темпами его заселения. Положительные миграционные потоки в Дальневосточный регион относились к периодам его сельскохозяйственного и затем индустриального заселения. Можем предположить, что наблюдаемый в настоящее время отток населения связан в том числе и с отставанием в формировании структуры экономики и институтов, характерных для постиндустриального общества.

Сельскохозяйственное и индустриальное заселение Дальнего Востока.

Проблемы постиндустриального этапа

Заселение Дальнего Востока начинается с середины XIX века, спустя столетия с момента появления здесь первых землепроходцев, и осуществлялось оно при непосредственном участии государства. Освоение природных богатств отдаленной территории с суровыми природными условиями давало в тот период не прибыль, а убытки, поэтому экономические выгоды колонизации отдаленного края рассматривались как второстепенные. Приоритет имели политические потребности – государство было заинтересовано в обеспечении безопасности границ, создании заселенности региона, упрочения своего присутствия на Тихоокеанском побережье. Поэтому, как отмечает Л. Л. Рыбаковский, «в отличие от колонизации Сибири заселение Дальнего Востока проходило под контролем и при участии властей» [Рыбаковский, 1990. С. 16]. Государство принимало на себя затраты на переселение и обустройство, создавало систему стимулов и льгот для переселенцев.

В период сельскохозяйственной колонизации, начавшейся в 50-е годы XIX века, переселенцы, водворяясь на Дальнем Востоке, получали 50–100 десятин земли на двор. Это было намного выше, чем в губерниях Европейской России (7–8 десятин на двор при минимально необходимой норме в 15–16 десятин) и в Сибири, где по общему правилу давалось по 15 десятин на мужскую душу [Рыбаковский, 1990. С. 40–41]. Переселенцы получали казенные ссуды, имели выгоды от казенных поставок – интендантство закупало хлеб по ценам, на 1/3 более высоким, чем на рынках [там же. С. 16]. На дату переписи населения 1897 г.

его численность на Дальнем Востоке составляла уже 372 тыс. человек, из них 150 тыс., или 40%, были крестьяне, свыше 35 тыс. – казаки [там же. С. 57]. В 1917 г. население Дальнего Востока составляло уже 900 тыс. человек.

В тридцатые годы XX века основным направлением хозяйственного освоения Дальневосточного региона стало его индустриальное развитие, которое осуществлялось опережающими темпами. В этот период в народное хозяйство региона вкладывалось в 2–2,5 раза больше средств в расчете на одного жителя, чем в среднем по стране. Доля Дальнего Востока в капиталовложениях СССР составляла в первой пятилетке 2,1%, во второй – 6,2%, а за три с половиной года третьей достигла 7,5% [Рыбаковский, 1990. С. 79]. Основной формой заселения региона стало промышленное переселение, направленное на создание постоянных (не сезонных) кадров в специализирующих отраслях промышленности. В 1940 г. на долю промышленности приходилось уже 30% всех рабочих и служащих народного хозяйства этого района, или 1/4 его трудовых ресурсов [там же. С. 82]. В послевоенный период процессы промышленного переселения продолжались, что было связано с дальнейшим развитием производительных сил региона, достигшего наибольшей интенсивности в 70–80-е годы XX века.

Повышался жизненный уровень работающих. Улучшалось социально-бытовое обслуживание, уровень среднемесячной заработной платы вырос за период с 1975 г. по 1985 г. в 1,6 раза и превысил средний по стране в 1,5 раза [Рыбаковский, 1990. С. 93]. Было введено установление более высоких окладов для рабочих и служащих народного хозяйства Дальнего Востока. Система установления льгот, районных коэффициентов и надбавок к заработной плате постоянно развивалась с учетом не только местоположения, но и отрасли хозяйства. Так, в пределах одного города Комсомольска-на-Амуре применялся коэффициент 1,5 для самолетостроительного, судостроительного и сталелитейного заводов, 1,3 – для завода литейного машиностроения, 1,2 – для нефтеперерабатывающего. Работающим в отдаленных районах предоставлялся дополнительный отпуск, оплачивался проезд к месту его проведения и т.д.

Административные меры по заселению Дальнего Востока и целевое стимулирование государством вначале сельскохозяйственного

и затем промышленного переселения имели результатом в 3–4 раза более высокие темпы роста населения на Дальнем Востоке, чем в среднем по СССР, в период с 1920 г. по 1990-е годы [Рыбаковский, 1990. С. 129]. В итоге численность населения Дальнего Востока к 1991 г. достигла исторического максимума – 8,06 млн человек.

В 1990-е годы предприятия, перешедшие в частную собственность, свернули практику выплаты надбавок к заработной плате, предоставления дополнительных отпусков, оплаты проезда к месту проведения отпуска и т.д., либо происходило перемещение производств в районы, где не требуется осуществление дополнительных затрат. Это привело к массовому оттоку населения, продолжающемуся до настоящего времени. Наиболее масштабное сокращение населения пришлось на 1991–2000-е годы – 1232 тыс. человек, из них 94% за счет миграции. Ключевыми проблемами Дальнего Востока, вызывающими повышенную миграцию, являются относительно низкое качество жизни, социальной сферы, транспортной и коммунальной инфраструктуры и уровня организации труда⁶.

Материальные стимулы привлечения населения на Дальний Восток и его закрепления в настоящее время отсутствуют. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций в ДФО превышает среднероссийский показатель в 1,24 раза. Но это преимущество нивелируется большей в 1,21 раза стоимостью фиксированного набора потребительских товаров и услуг⁷, а с учетом необходимости дополнительных затрат, связанных с суровым климатом, транспортной удаленностью и др., реальный уровень потребления жителей ДФО оказывается ниже среднероссийского.

В период с 50-х годов XIX века до 90-х годов XX века государство, преследуя цель формирования постоянного населения на Дальнем Востоке России, неизменно создавало преимущества для развития основного на тот период сектора хозяйства и привлечения соответствующих трудовых ресурсов – так было

⁶ Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года [Эл. ресурс]: Утверждена распоряжением Правительства РФ от 20 июня 2017 г. № 1298-р. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

⁷ Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. [Эл. ресурс] / Росстат. М., 2018. 1162 с. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/region/reg-pok18.pdf.

при сельскохозяйственном переселении и еще более усилилось в период промышленного развития, когда инвестиции в развитие перерабатывающих производств на Дальнем Востоке кратно превосходили средние по стране показатели. В отличие от ранее проводимой политики, экономика постиндустриального общества не стала приоритетом государства в ДФО, о чем свидетельствуют фактически сложившиеся тенденции развития воспроизводственной структуры макрорегиона, где на практике наблюдается опережающее развитие не наукоемких, а сырьевых отраслей.

Превосходящий среднероссийские показатели рост ВРП в ДФО связан прежде всего с высокими темпами роста объемов добычи полезных ископаемых – доля добывающих отраслей в структуре ВРП ДФО за период 2005–2016 гг. увеличилась в 1,9 раза. Инвестиции в добывающие отрасли за рассматриваемый период выросли в девять раз и достигли 40% в общем объеме капитальных вложений в ДФО. В то же время в добывающих отраслях не было создано дополнительных рабочих мест, их количество даже уменьшилось на 2,3 тысяч, или 2%. При этом численность работающих в других отраслях сократилась: в сельском и лесном хозяйствах, рыболовстве, рыбоводстве – на 83,5 тысяч, или 26,2%; в обрабатывающих отраслях – на 49,5 тысяч, или 15,6%; в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды – на 10,7 тысяч, или 6,8%; в транспорте и связи – на 15,8 тысяч, или 4,4%; в образовании – на 49,1 тысяч, или 14,9%; в здравоохранении, предоставлении социальных услуг – на 10,2 тысяч, или 4,3%⁸.

В противоположность постиндустриальному обществу, главной отличительной характеристикой которого является рост доли и численности занятых в науке, образовании, здравоохранении, сервисных, инфраструктурных отраслях, в Дальневосточном макрорегионе наблюдается сокращение названных видов деятельности, что может быть охарактеризовано как понижение качества структуры общественного воспроизводства. Сокращение рабочих мест является прямым поводом для выезда населения за пределы Дальнего Востока.

⁸ Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. [Эл. ресурс] / Росстат. М., 2018. 1162 с. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/region/reg-pok18.pdf.

Нарастает технологическое отставание макрорегиона – доля инвестиций, направляемых на реконструкцию и модернизацию в ДФО, в 1,5 раза меньше, чем в среднем по стране⁹, наблюдается отставание в объемах затрат на научные исследования и разработки. Удельный вес организаций, осуществляющих технологические, маркетинговые и организационные инновации в 2017 г., составлял в РФ 8,5, тогда как в ДФО – 5,9. Объем инновационных товаров, работ, услуг в процентах от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг составил по РФ 7,2%, тогда как по ДФО – 3,3%¹⁰. Субъекты Федерации ДФО не входят в число регионов, имеющих высокий ранг цитированных выше «Рейтинга инновационных регионов России» и «Высокотехнологичного бизнеса в регионах России».

Перманентное отставание в технологическом, инновационном развитии народного хозяйства макрорегиона не создает перспектив профессионального роста, личностной самореализации, имеющих большое значение особенно в молодежной среде. Как показали результаты социологического опроса респондентов в возрасте от 18 до 30 лет, проведенного в самом крупном центре обрабатывающей промышленности Дальнего Востока, – Комсомольске-на-Амуре, – 47, 8% опрошенных собираются уехать из города. В качестве причины, побуждающей к отъезду, отсутствие возможности для самореализации отметили 49%, в том числе: личностной – 30,6%; учебно-профессиональной – 10,2%; профессиональной – 8,2%. Кроме того, на отсутствие возможностей реализации потребности в интересной и насыщенной жизни для молодежи указали 8,2%. Значимость материальных факторов сегодняшнего дня была оценена ниже, чем возможности развития: низкий уровень жизни в качестве основной причины отметили только 12,3% намеревающихся выехать, суровые климатические условия – 8,2% [Колосова, 2018. С. 19–20].

Приведенные оценки молодежью своего города позволяют предположить, что индустриальный центр ДФО не смог стать высокотехнологичным, инновационным лидером макрорегиона, сформировать эффективные институты постиндустриального

⁹ Технологическое развитие отраслей экономики. Официальная статистика. [Эл. ресурс] / Росстат. URL: <https://www.gks.ru/folder/11189>.

¹⁰ Наука и инновации. Официальная статистика. [Эл. ресурс] / Росстат. URL: <https://www.gks.ru/folder/14477>

общества, а также внятную перспективу своего дальнейшего развития. Аналогичный вывод может быть сделан и по результатам оценки социально-экономической ситуации, сложившейся в других регионах Дальнего Востока.

Анализ динамики структуры общественного воспроизводства в Дальневосточном макрорегионе показывает продвижение его скорее к доиндустриальному типу производства, усиление доминирования сырьевых отраслей. В такой модели развития не требуется большого количества трудовых ресурсов. Значительная часть из них к тому же привлекается на работу вахтовым методом из других регионов, что в итоге делает экономически нецелесообразным поддержание жизнедеятельности сколь-нибудь значительных масс населения на территории Дальнего Востока. Но это, в свою очередь, противоречит требованиям обеспечения безопасности страны, утвержденным в Стратегии пространственного развития РФ.

Разрешение сложившегося противоречия возможно на пути формирования в регионах ДФО инновационной экономики, опирающейся на изъятие преимущественно интеллектуальной, а не природно-ресурсной ренты. Научоемкая, инновационная экономика, будучи фундаментом постиндустриального общества, позволяет не только создавать и поддерживать привлекательные и высокооплачиваемые рабочие места, но и создает условия для формирования постиндустриальных общественных институтов. Сочетание высокой экономической эффективности, основанной на передовых технологиях и инновациях, с социальной направленностью общественного воспроизводства позволит разрешить противоречия современного этапа социально-экономического развития макрорегиона.

Пути формирования инновационной экономики на Дальнем Востоке России

Предлагаемые инструменты перехода экономики Дальневосточного макрорегиона на преимущественно инновационный тип развития не требуют корректировки базовых теоретических подходов, принятых за основу в Стратегии пространственного развития Российской Федерации, предусматривающей обеспечение расширения географии и ускорения экономического роста, научно-технологического и инновационного развития РФ за счет

социально-экономического развития перспективных крупных центров экономического роста – крупных городских агломераций и крупнейших городских агломераций¹¹, рассматриваемых как «полюса роста», призванных распространить энергию своего развития на окружающие территории. Концепция «полюсов роста» впервые сформулирована французским экономистом Франсуа Перру в 50-е годы XX века. В ее основе лежит представление о неравномерности развития экономического пространства. «В качестве силового поля экономическое пространство состоит из центров (или полюсов), из которых исходят центробежные силы и в которые направлены центростремительные силы. Каждый центр центростремительных и центробежных сил обладает собственным полем, находящимся во взаимодействии с полями других центров» [Перру, 2007. С. 84].

Концепция давала хорошие практические результаты в условиях развитой индустриальной экономики, и в 60–70-е годы XX века правительства многих стран (США, Франции, Бельгии, Италии) взяли ее за основу проводимой региональной политики. Полюса роста в форме новых производственных территориальных образований создавались в менее развитых в экономическом отношении районах страны на специально выделенных территориях совместными усилиями государственных и региональных властей и частного сектора.

В 1980-е годы, под воздействием научных, технологических достижений, изменивших структуру экономики развитых стран, идеи поляризованного развития были претворены в концепцию технополисов, под которыми стали пониматься полюса роста научно-технического и высокотехнологического профиля. «Новизна проекта состояла в том, что в качестве главного рычага подъема периферийных районов здесь выступили передовые наукоемкие отрасли в технополисах, в то время как планы 1960–1970-х годов предусматривали создание новых индустриальных центров на периферии («новых промышленных городов», «специальных промышленных зон» и т.д.) на базе тяжелой или химической промышленности, т.е. отраслей, уже в это время проходивших или прошедших фазу зрелости» [Тимонина, 1999.

¹¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [Эл. ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

С. 232]. В технополисах создавались «условия для органического слияния научно-исследовательской деятельности с наукоемким производством и подготовкой кадров (ученых, проектировщиков, инженеров, техников, высококвалифицированных рабочих)» [там же. С. 231]. В технополисах непосредственно начал в значимых объемах осуществляться процесс коммерциализации новых знаний, что составляет сущность инновационной деятельности.

Концепция региональной инновационной системы (РИС), ставшая следующим этапом развития идей полюсов роста, была предложена Ф. Куком в 1990-е годы, как стратегия вывода из депрессивного состояния старопромышленного Уэльса, региона филиальных заводов с устаревшей технологией, через построение экономики, основанной на инновациях. Изначально, по словам автора, «концепция развивалась практически полностью в поле региональной науки и экономической географии» [Кук, 2012. С. 241], была разработана на основе идей полюсов роста, технополисов. Автор предложил применить к концепции поляризованного развития положения уже известной в то время теории национальной инновационной системы (НИС), включающей в себя такие элементы, как разработчики нового знания, инфраструктура, осуществляющая его передачу в сектор предпринимательства, инновационные компании, фонды финансирования инноваций.

Выяснилось, что в условиях становления в передовых странах постиндустриального общества, опирающегося на инновационную экономику, быстрее всего развиваются регионы, являющиеся не просто производственными платформами, как это можно было наблюдать на примере «азиатских тигров», а те, которые стремятся развивать свои собственные РИС, способствующие возникновению новых высокотехнологичных секторов. Впоследствии Ф. Кук назвал РИС «мощным инструментом по достижению экономического роста» [Cooke, 2006. С. 19].

Концепция РИС, таким образом, может рассматриваться как современное представление полюсов роста с привнесением теоретических положений НИС. Преимущества РИС перед технополисами проявляются особенно в способности к «системному формированию новых инновационных компаний» [Cooke, 2001. С. 32] из единичного акта передовых предпринимателей (изобретателей) превращенного в системно организованную, постоянно возобновляемую деятельность.

При формировании работоспособных РИС перед органами государственного управления в качестве первоочередных возникают две инфраструктурные проблемы, требующие своего разрешения. Как считает Ф. Кук, «первая инфраструктурная проблема касается того, какова степень региональной финансовой компетенции» [Кук, 2012. С. 249]. Возможность привлечения рискованных инвестиций является необходимым условием выращивания стартап-компаний. Наличие «капитала близости» становится важной характеристикой предпринимательского климата региона. Вторая инфраструктурная проблема «касается компетенции региональных властей в сфере контроля или влияния на инвестиции в физическую инфраструктуру, например, транспорт и телекоммуникации, и в “мягкую” инфраструктуру знаний, например, университеты, научные институты, парки науки и центры передачи технологий» [Кук, 2012. С. 250]. Размещение инновационных компаний, находящихся на посевной и стартап-стадиях развития, в технологических бизнес-инкубаторах, технопарках и др., возводимых при поддержке региональных правительств, позволяет существенно понизить риски и повысить вероятность «выращивания» новой компании в успешный бизнес.

Таким образом, при формировании работоспособных РИС усилия государства в Дальневосточных регионах, располагающих для этого определенным научно-образовательным и предпринимательским потенциалом, по-видимому, должны быть направлены в первую очередь на создание институтов технологической и финансовой инфраструктуры инновационной деятельности.

Практика применения концепции РИС в регионах Дальнего Востока

Среди регионов, входящих в состав ДФО, в трех – Республике Саха (Якутия), Приморском и Хабаровском краях – проводятся целевые мероприятия по инновационному развитию.

В Республике Саха (Якутия), в соответствии с распоряжениями исполнительной власти, в 2011–2012 гг. созданы Государственное автономное учреждение «Технопарк “Якутия”» и ОАО «Венчурная компания “Якутия”». Технопарк стал институтом выращивания малых инновационных компаний (табл. 3).

Таблица 3. Показатели деятельности Технопарка «Якутия» в 2012–2018 гг.

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Выручка резидентов от приносящей доход деятельности, млн руб.	54	162,2	225,4	326,4	376,2	395,4	401,1
Количество созданных резидентами рабочих мест, ед.	54	196	91	52	61	71	80

Источник: предоставлено Технопарком «Якутия».

В 2018 г. в Технопарке было зарегистрировано 110 компаний-резидентов, которые смогли привлечь 72 млн руб. рискованных инвестиций, произвести инновационной продукции на сумму 401,1 млн руб., выплатить 75 млн руб. налоговых платежей. За период деятельности 2012–2018 гг. Технопарком выпущено 25 компаний, четыре из них стали участниками Фонда «Сколково», четыре – резидентами Территории опережающего социально-экономического развития «Кангалассы». Технологический профиль компаний-резидентов характеризуется следующими показателями: 37,8% компаний работают в сфере информационных технологий; 21,1% – биотехнологий; 3,3% – энергоэффективности.

Активы Венчурной компании «Якутия» были сформированы из средств Республики Саха (Якутия) и составили 200 млн руб. Кроме того, компанией привлекаются частные инвестиции. За период 2012–2019 гг. венчурная компания инвестировала финансовые ресурсы в 46 проектов (включая проекты, из которых произведен выход) на общую сумму 672,4 млн руб. (включая 271,78 млн руб. дополнительно привлеченных частных инвестиций)¹².

К социально-демографическим результатам деятельности РИС может быть отнесен факт снижения миграционного оттока молодежи в возрасте 20–24 лет по городу Якутску со 157 человек в 2012 г. до 32 человек в 2015 г.¹³

В Приморском крае центр комплексной поддержки инновационной деятельности формируется при Дальневосточном федеральном университете (ДВФУ), выступающим «точкой притяжения» научных, инновационных, финансовых ресурсов

¹² Венчурная компания «Якутия» [Эл. ресурс]. URL: <http://www.yakutiaventure.ru/> (дата обращения: 20.02.2020).

¹³ Федеральная служба государственной статистики Республики Саха (Якутия) [Эл. ресурс]. URL: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/statistics/population/ (дата обращения: 20.02.2019).

региона. В 2017 г. при университете открыт Технопарк «Русский». По состоянию на начало 2019 г. здесь была зарегистрирована 41 компания-резидент. При технопарке работает акселератор. Управление технопарком осуществляет Фонд поддержки технологического предпринимательства ДВФУ – унитарная некоммерческая организация, учрежденная университетом. Фонд осуществляет инвестиционную поддержку стартапов, привлечение финансирования в перспективные проекты, реализуемые резидентами технопарка.

С 2015 г. на острове Русский начало свою деятельность Дальневосточное представительство Фонда «Сколково». Резидентам предоставляются налоговые льготы, льготы по уплате страховых взносов и таможенных платежей. По состоянию на начало 2019 г. статус резидента «Сколково» имели 27 компаний. Объем привлеченных ими инвестиций составил 26,8 млн руб., объем реализации продукции – 201,8 млн руб., в компаниях создано 202 рабочих места

В 2018 г. в форме инвестиционного товарищества во Владивостоке зарегистрирован «Дальневосточный фонд развития и внедрения высоких технологий». Его учредителями стали РОСНАНО, Российская венчурная компания и Фонд развития Дальнего Востока. Заявленный фокус интересов – инвестиции в растущие региональные компании, осуществляющие проекты в сфере актуальных и перспективных технологий, в том числе проекты «Национальной технологической инициативы», нанотехнологий и др.

В Хабаровском крае географическая концентрация высокотехнологичных предприятий, прежде всего оборонно-промышленного комплекса, стала основанием для разработки программы кластерного развития. Инновационный территориальный кластер авиастроения и судостроения Хабаровского края Поручением Председателя Правительства РФ от 28 августа 2012 г. № ДМ-П8–5060 внесен в Перечень из 25 инновационных территориальных кластеров, требующих государственной поддержки.

За период 2013–2018 гг. объемы продукции собственного производства, отгруженной якорными предприятиями кластера (авиастроения и судостроения), выросли в 2,7 раза, реализованы корпоративные программы модернизации и технического перевооружения производств, без сокращения численности занятых,

при этом средняя выработка на одного работника увеличилась в 2,7 раза.

Заключено соглашение между Объединенной авиастроительной корпорацией и правительством Хабаровского края о локализации на Территории опережающего социально-экономического развития в Комсомольске-на-Амуре производства кабельной продукции и элементов бортовых сетей, а также твердосплавного инструмента. Реализация этих проектов предполагает создание 2200 рабочих мест и достижение создаваемыми малыми высокотехнологичными компаниями среднегодовой выручки в 5,3 млрд руб.

Созданы объекты инновационной инфраструктуры региона: бизнес-инкубатор и инжиниринговый центр. Организующим центром проводимых мероприятий по инновационному развитию Хабаровского края стала автономная некоммерческая организация «Дальневосточное агентство содействия инновациям», учрежденная правительством края.

Таким образом, в трех регионах ДФО осуществляются мероприятия по развитию высокотехнологичной, инновационной экономики. При этом задействуются различные методы и инструменты управления, используются разные источники финансирования. В Республике Саха (Якутия) инициатива принадлежит региональным органам власти, и основные затраты осуществляются из региональных источников финансирования. В Приморском крае активную политику проводят ДВФУ и институты Национальной инновационной системы, полагающие распространить свое влияние на другие регионы ДФО. В Хабаровском крае предприятия, входящие в инновационный территориальный кластер, осуществляют мероприятия по освоению новой продукции и технологий в рамках программ, проводимых Объединенной авиастроительной корпорацией, Объединенной судостроительной корпорацией и другими крупными компаниями с государственным участием. Инновационная инфраструктура создается и работает при поддержке регионального правительства.

Мероприятия, направленные на развитие высокотехнологичных производств и инноваций, проводимые в трех субъектах Федерации ДФО, могут быть охарактеризованы как позитивные, но недостаточные для вывода этих регионов в число лидеров технологического предпринимательства России. Республика Саха

(Якутия) имеет ранг 45 в рейтинге инновационных регионов и ранг 38 по вкладу высокотехнологичного бизнеса в общероссийский результат, Приморский край – ранг инновационности 53, высоких технологий – 34, Хабаровский край – ранг инновационности 25, высоких технологий 48.

Средние и ниже среднего результаты в развитии экономики постиндустриального общества пока не оказывают существенно-го воздействия на социальное развитие дальневосточных территорий, не способны переломить отрицательную направленность миграционных потоков. В то же время подтверждается сама возможность развития в ДФО инновационной, высокотехнологичной экономики, объемы и доля которой должны быть увеличены.

Заключение

Достижение опережающих среднероссийские показатели результатов экономической деятельности в Дальневосточном макрорегионе при одновременном социальном развитии, сопровождающимся приростом постоянного населения, предполагает внесение изменений в существующую модель регионального воспроизводства, опирающуюся на экстенсивное наращивание объемов добываемых сырьевых ресурсов.

Переход к научно-технологической, инновационной модели экономического роста, предложенной С. Кузнецом, дает возможность гармонизировать процессы экономического и социально-демографического развития. В качестве инструмента достижения этой цели может быть применена концепция Региональной инновационной системы, что находится в полном соответствии с основными теоретическими положениями Стратегии пространственного развития РФ.

Концепция РИС уже начала применяться на практике в трех регионах ДФО, различающихся по составу отраслей эффективной экономической специализации (минерально-сырьевой в Республике Саха (Якутия) и перерабатывающей в Приморском и Хабаровском краях) и профилю перспективных центров экономического роста (минерально-сырьевые центры, специализирующиеся на добыче алмазов, золота, топливно-энергетических ресурсов в муниципальных образованиях Республики Саха (Якутия), научно-образовательный центр мирового уровня во Владивостоке, крупные агломерации Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре),

подтверждает основные теоретические положения – построение РИС как по инициативе региона, так и по инициативе федерального центра происходит путем первоочередного формирования институтов финансовой, организационной и технологической поддержки создания и развития инновационных компаний, при наличии в регионе и дальнейшем развитии вузовской, академической и прикладной науки.

В развитии РИС используются ресурсы регионального и федерального уровней управления, институтов развития РФ, крупных российских компаний с государственным участием. В настоящее время их общий вклад в развитие высокотехнологичных производств и инноваций в ДФО недостаточен и имеет результатом перманентное отставание ДФО от среднероссийских показателей в развитии постиндустриальной экономики, что негативно сказывается на социальном и демографическом развитии Дальнего Востока. Проблема может быть решена при установлении государством приоритетности дальневосточных проектов в проводимой всеми вышеозначенными субъектами научной, технической, инновационной политики, что, в случае практической реализации этого положения, могло бы существенно расширить сектор высоких технологий и инноваций в структуре общественного воспроизводства Дальневосточного макрорегиона. Системное взаимодействие всех вышеназванных институтов в итоге сможет обеспечить достижение цели, сформулированной в Стратегии пространственного развития страны в части обеспечения опережающего социально-экономического развития и формирования постоянного населения Дальнего Востока России.

Литература

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования (пер. с англ.). М.: Academia, 2004. 788 с.

Дусь Ю. П., Разумов В. И. Учет роли фактора миграции в прогнозе инновационного развития России // *Инновации*. 2005. № 8. С. 60–62.

Иванов В. В. Формирование инновационных систем в условиях трансформируемой экономики России: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. / Иванов Владимир Викторович. М., 2003. 48 с.

Колосова Я. Ю. Факторы миграции молодежи (на материале г. Комсомольска-на-Амуре) // *Амурский научный вестник*. 2018. № 4. С. 18–22.

Кузнец С. Современный экономический рост: результаты исследований и размышлений // *Нобелевские лауреаты по экономике: взгляд из России*. СПб.: Гуманистика, 2003. С. 104–123.

Кук Ф. Региональные инновационные системы, кластеры и экономика знаний // Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания. Смоленск: Ойкумена, 2012. С. 237–264.

Перру Ф. Экономическое пространство: теория и приложения (перевод с англ. А.П. Горюнова) // Пространственная экономика. 2007. № 2. С. 77–93.

Рыбаковский, Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990. 138 с.

Сидоров В.А. Фактор миграции в современных мирохозяйственных связях // Теория и практика общественного развития. 2012. № 4. С. 260–262.

Тимонина И.Л. Региональная экономическая политика в Японии: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.14. М., 1999. 471 с.

Тюффлер Э. Шок будущего (пер. с англ.). М.: Издательство АСТ, 2001. 560 с.

Cooke P. From Technopoles to Regional Innovation Systems: The Evolution of Localised Technology Development Policy // Canadian Journal of Regional Science. XXIV:1. 2001. P. 21–40.

Cooke P., in cooperation with Memedovic O. Regional Innovation Systems as Public Goods. Vienna, UNIDO. 2006. 36 p.

Статья поступила 20.03.2020.

Статья принята к публикации 22.07.2020.

Для цитирования: Ефременко В.Ф. Постиндустриальные факторы развития Дальнего Востока России // ЭКО. 2020. № 9. С. 114–137. DOI: 10.30680/ЕССО131-7652-2020-9-114-137.

Summary

Efremenko, V.F., Cand. Sci. (Econ.), Far-Eastern Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Khabarovsk

Post-Industrial Factors for Development of the Russian Far East

Abstract. Achieving social and economic development ahead of the average Russian indicators in the Far Eastern macro-region simultaneously with its population growth implies changing of the existing model of economic growth based on increased production of raw materials and energy resources. The extractive industry is the main sector in the pre-industrial society and is not capable to form the employment structure and the institutions of a modern post-industrial society that are attractive to large segments of population. Meanwhile, the innovative, high-tech centers that form the economic basis of a post-industrial society have high migration attractiveness. Their development can make necessary positive changes in the reproduction structure and population dynamics of the Far East regions. The concept of the Regional Innovation System, which is a modern representation of the growth poles concept, being the basis of the adopted Strategy of Spatial Development of Russia can become the tool of forming innovative economy in the macro-region. Practical application of the regional innovation development model is carried out in the Primorsky, Khabarovskiy krai and the Republic of Sakha (Yakutia).

Keywords: *post-industrial society; migration; regional innovation system; the Far East of Russia; socio-economic development*

References

- Bell, D. (2004). *The Coming of Post-Industrial Society*. Moscow, Academia Publ. 788 p. (In Russ.).
- Cooke, P. (2001). From Technopoles to Regional Innovation Systems: The Evolution of Localised Technology Development Policy. *Canadian Journal of Regional Science*. XXIV:1. Pp. 21–40.
- Cooke, P. (2012). Regional innovation systems, clusters and knowledge economy. Synergy in Space: regional innovation systems, clusters, and knowledge spillovers. Smolensk: Ojkumena, Pp. 237–264. (In Russ.).
- Cooke, P., in cooperation with Memedovic O. (2006). Regional Innovation Systems as Public Goods. Vienna, UNIDO. 36 p.
- Dus', Ju.P., Razumov, V.I. (2005). Taking into account the role of the migration factor in the forecast of innovative development in Russia. *Innovacii*. No. 8. Pp. 60–62. (In Russ.).
- Ivanov, V.V. (2003). Formation of innovative systems in the conditions of Russia's transforming economy: avtoref. dis. ... d-ra jekon. nauk: 08.00.05. / Ivanov Vladimir Viktorovich. Moscow. 48 p. (In Russ.).
- Kolosova, Ja. Ju. (2018). Factors of youth migration (based on the material of Komsomolsk-on-Amur). *Amurskij nauchnyj vestnik*. No. 4. Pp. 18–22. (In Russ.).
- Kuznets, S. (2003). Modern Economic Growth: Findings and Reflections: Noble-Prize Winners. Ed. Yu. V. Yakovets, St. Petersburg, Gumanistika Publ., Pp. 104–123. (In Russ.).
- Perroux, F. (2007). Economic Space: Theory and Applications. *Spatial economics*. No. 2. Pp. 77–93. (In Russ.).
- Rybakovskii, L.L. (1990). Population of the Far East for 150 years. Moscow. Nauka Publ. 138 p. (In Russ.).
- Sidorov, V.A. (2012). Migration factor in modern world economic connections. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija*. No. 4. Pp. 260–262. (In Russ.).
- Timonina, I.L. (1999). Regional economic policy in Japan: dis. ... d-ra jekon. nauk: 08.00.14. Moscow. 471 p. (In Russ.).
- Toffler, A. (2001). *Future shock*. Moscow. Izdatel'stvo AST. Publ. 560 p. (In Russ.).

For citation: Efremenko, V.F. (2020). Post-Industrial Factors for Development of the Russian Far East. *ECO*. No. 9. Pp. 114-137. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-9-114-137.

Туризм и экономический рост: региональный аспект¹

Е.А. ФЕДОРОВА, доктор экономических наук. E-mail: ecolena@mail.ru
Финансовый университет при Правительстве РФ, Высшая школа экономики,
ORCID: 0000-0002-3381-6116, Researcher ID: J-8259-2016,
Scopus Author ID: 55584791316

Л.И. ЧЕРНИКОВА, доктор экономических наук. E-mail: tariff2004@mail.ru
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
ORCID: 0000-0003-4743-5506, Scopus Author ID: 56962770900

А.Э. ПАСТУХОВА. E-mail: pastyhova1998@mail.ru
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
SPIN-код: 6417-5530, Москва

Л.К. ШИРЯЕВА, кандидат физико-математических наук.

E-mail: shiryeva_lk@mail.ru

Самарский государственный экономический университет, Самара

ORCID: 0000-0003-2890-1756, Scopus Author ID: 55553967900

Аннотация. Цель статьи – оценка влияния туристических потоков и факторов, связанных с туристической индустрией, на экономический рост регионов РФ. Методология исследования – регрессионный анализ ряда статистических показателей. В результате исследования было выявлено положительное влияние величины турпотоков на экономическое развитие регионов. Кроме того, положительно влияют на величину ВРП (из ограниченного числа выбранных показателей) инвестиции в основной капитал, рассматриваемые за предыдущий год, и объем платных туристических услуг, оказанных населению.

Ключевые слова: туризм; региональный туризм; туристический поток; туристическая индустрия; экономический рост; регрессионный анализ; панельный анализ

Введение

До начала 2020 г. туризм во многих странах развивался стремительными темпами и становился одной из самых высокодоходных сфер мировой экономики. Стратегии долгосрочного развития ряда государств были основаны на развитии туристической индустрии и увеличении ее вклада в ВВП. В условиях успешного развития туристической индустрии по всему миру в России также принимались решения о проведении мероприятий, направленных на рост туризма и совершенствование туристической инфраструктуры. Так, Федеральной целевой программой по развитию внутреннего и въездного туризма в РФ

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2019 г.

на 2019–2025 гг. запланирован рост вклада туризма в ВВП страны к 2025 г. до 5% (в 2018 г. было 3,47%)².

Россия имеет богатое культурное наследие, разнообразную природу, климатические условия, предполагающие возможность организации различного вида отдыха, однако ее богатые и разнообразные туристические ресурсы используются не в полной мере. Всемирная туристическая организация подсчитала, что Российская Федерация может принимать не менее 70 млн иностранных туристов ежегодно, однако такой потенциал еще не был реализован [Вахтеркина, Каримов, 2018]. В настоящее время и российские, и зарубежные исследования о влиянии туристической индустрии на экономический рост России и ее регионов в большей степени ориентированы на оценку влияния въездного турпотока. В нашей работе оценивается влияние и внешнего, и внутреннего турпотока, так как в России весьма актуален межрегиональный туризм.

Исследование проводилось с 2013 г. по 2017 г., когда развитие туризма было одним из актуальных направлений в экономике. В начале 2020 г. в связи с пандемией, распространением коронавирусной инфекции по всему миру, были закрыты границы государств, приостановлено передвижение между территориальными единицами внутри государств. Такая ситуация поставила под удар развитие туристической индустрии, в результате чего наиболее сильно пострадали государства, получающие высокую долю доходов за счет туризма. Небольшая доля туризма в объеме ВВП России в текущей экономической обстановке стала положительным фактором, так как потери от туризма не отразятся критически на финансовом состоянии государства. Однако наше исследование сохраняет актуальность, так как после завершения пандемии при восстановлении привычных процессов в мировом обществе и мировой экономике Россия может реализовать свой туристический потенциал за счет переориентации путешественников на новые направления, предложения которых окажутся наиболее привлекательными.

² Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)» [Эл. ресурс]. URL: <https://www.russiatourism.ru/contents/deyatelnost/programmy-i-proekty/federalnaya-tselevaya-programma-razvitiya-vnutrennego-i-vezdnogo-turizma-v-rossiyskoy-federatsii-2019-2025-gody-/> (дата обращения: 20.06.2019).

За период 2014–2017 гг. величина валового внутреннего продукта России не имела постоянной динамики (рис. 1).

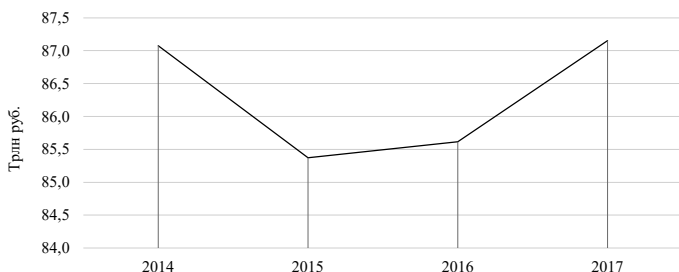

Рис. 1. Величина ВВП России в 2014–2017 гг., трлн руб.

Однако и объем услуг гостиниц и аналогичных средств размещения, оказанных населению, и объем платных туристских услуг росли на протяжении всего периода (рис. 2).

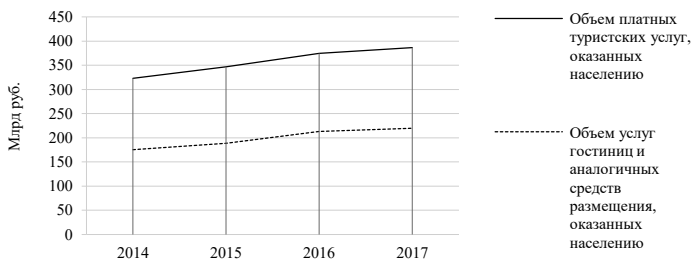

Рис. 2. Объем услуг по размещению и платных туристских услуг, оказанных населению в 2014–2017 гг., млрд руб.

Цель исследования: проведение оценки влияния туристических потоков (иностранцев и российских туристов) и факторов, связанных с туристической индустрией в регионах Российской Федерации, на уровень ВРП. Основная гипотеза заключается в наличии положительного влияния туризма на ВРП за счет привлечения числа туристов и развития факторов туристической индустрии.

Привлекать туристов в тот или иной регион могут самые разнообразные факторы: природные и культурные достопримечательности, санаторно-оздоровительные ресурсы, условия для кулинарного, винного и познавательного туризма и/или предполагающие спортивный и экстремально-развлекательный туризм.

В настоящем исследовании в качестве факторов, связанных с туристической инфраструктурой, рассматриваются экономические и социальные показатели, показатели транспортной инфраструктуры, деятельности как коллективных средств размещения, так и туристических фирм. Экономические показатели играют важную роль в целом в отображении привлекательности региона для туристов, социальные – в обеспеченности условиями для комфортного и безопасного отдыха. Показатели транспортной инфраструктуры характеризуют туристический потенциал в России, так как страна располагается на огромных территориях, даже в рамках одного региона необходима развитая транспортная сеть. Перечисленные три группы показателей являются сопутствующими элементами туристической индустрии. Показатели деятельности коллективных средств размещения и деятельности туристических фирм характеризуют сектор экономики туризм напрямую.

Обзор литературы

В последние годы увеличивается число научных работ, посвященных влиянию туризма на рост ВВП. Однако модели, рассматривающие причинно-следственную связь между туризмом и экономическим ростом, появились относительно недавно [Castro-Nuno et al., 2013]. В числе первых, кто исследовал эту связь с эмпирической точки зрения, были Н. J. Kim и R. Brau. В исследовании Н. J. Kim [Kim et al., 2006] с помощью теста причинности Грейнджера выявлена долгосрочная равновесная связь и двунаправленная причинно-следственная связь между уровнем туризма и экономическим развитием Тайваня. R. Brau и соавторы [Brau et al., 2007] в результате регрессионного анализа пришли к выводу, что туризм – независимый определяющий фактор роста, и малые государства быстро растут, если являются узкоспециализированными в туризме. С. N. Louca [Louca, 2017] использовал подход Грейнджера и доказал существование долгосрочных отношений между доходами от туризма и экономическим ростом с однонаправленной причинно-следственной связью. С. Burghelia и его коллеги [Burghelia et al., 2016] доказали, что величина инвестиций в основной капитал туристической отрасли влияет на рост ВВП. В работе М. Castro-Nuño и соавторов [Castro-Nuño et al., 2013] выявлена положительная эластичность между ВВП

и туризмом. С. Massidda, P. Mattana [Massidda, Mattana, 2013] с помощью структурной векторной коррекции ошибок доказали, что в долгосрочной перспективе наблюдается двунаправленная причинно-следственная связь: внешние ресурсы, обеспечиваемые расширением туризма, создают эффект обратной связи, который еще больше усиливает процесс роста ВВП.

В России М. А. Морозов и П. О. Аристов [Морозов, Аристов, 2018], рассчитав доли туризма в ВРП и проанализировав его динамику, выявили его значительное влияние на социально-экономическое развитие Ставропольского края. Оценке мультипликативного эффекта от туризма посвящены работы Л. В. Жолобовой и Л. П. Шматько, Е. Ю. Кухарской [Жолобова, Шматько, 2013; Кухарская, 2018]. По расчетам последнего автора, мультипликатор отрасли в 2017 г. в России составил 1,4%, то есть 1 рубль, потраченный туристами, дал 40 коп. косвенного дохода.

Все названные исследования можно разделить на две группы: те, в которых анализировалась одна страна в течение ряда лет, и те, где описывается динамика для нескольких стран. В целом все они приходят к общему выводу: туризм может играть важную роль в стимулировании экономического развития, позитивном воздействии (прямом или косвенном) на другие виды экономической деятельности. Однако сила взаимосвязи между туризмом и экономическим ростом отличается от страны к стране [Louca, 2017]. Региональная специфика данного аспекта оценивается гораздо реже, так как не актуальна для многих стран, имеющих малые территории. В нашем исследовании рассматриваются гипотезы, которые описывают прямое и косвенное воздействие туристических потоков на ВРП.

Гипотеза 1. Рост числа прибытий туристов приводит к увеличению ВРП и может служить основой для разработки политики в странах, стремящихся улучшить свои экономические показатели. Эта гипотеза частично подтверждалась в исследованиях зарубежных авторов применительно к государствам, в которых они проживают [Massidda, Mattana, 2013]. Развивающиеся страны активно стимулируют рост туристического сектора, и на основе его мультипликативного эффекта другие сферы экономики, включая транспорт, розничную и оптовую торговлю, производство, сельское хозяйство, и пр. [Trinajstic et al., 2018]. Мы проверяем гипотезу в рамках российских реалий.

Гипотеза 2. Улучшение качества и рост количества факторов, связанных с туристической индустрией, увеличивают ВРП. Это предположение основано на высокой взаимозависимости самых разнообразных видов деятельности, необходимых для формирования общего туристического продукта и в целом – привлекательности того или иного региона для туристов. Здесь не только гостиницы и транспорт, но и жилье, и торговля, и рекреационные, оздоровительные, образовательные, кулинарные услуги и пр., развитие которых одновременно создает «туристический рынок» и стимулирует экономику принимающего региона [Neves et al., 2015].

Для оценки влияния туризма на экономический рост мы использовали 15 показателей (табл. 1), которые можно сгруппировать по пяти направлениям: экономические, социальные, показатели транспортной инфраструктуры, деятельности коллективных средств размещения и деятельности туристических фирм.

Таблица 1. Описание переменных регрессионной модели

Обозначение фактора	Фактор
X1	Индекс производительности труда
X2	Инвестиции в основной капитал, рассматриваемые за предыдущий год, млн руб.
X3	Доля площади жилищного фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства
X4	Численность врачей всех специальностей в организациях, оказывающих медицинские услуги
X5	Индекс физического объема оборота общественного питания
X6	Протяженность автомобильных дорог общего пользования
X7	Доля автомобильных дорог общего пользования, отвечающих нормативным требованиям регионального или межмуниципального значения
X8	Пассажирооборот автобусов
X9	Площадь номерного фонда коллективных средств размещения (КСР)
X10	Среднесписочная численность работников КСР
X11	Численность размещенных лиц в КСР
X12	Число ночевков в КСР
X13	Объем платных туристских услуг, оказанных населению
X14	Число турпакетов, реализованных населению
X15	Число турфирм

Аналогичные показатели были использованы в работах зарубежных и отечественных исследователей. Экономические и социальные критерии учитываются в работах [Azizi et al., 2011; Котельников, 2017; Kurt et al., 2019]. Экономический показатель рассчитывает при определении сводного показателя привлека-

тельности рынка туристических услуг региона М.Ш. Валиев [Валиев, 2008]. Индекс физического объема оборота общественного питания, показатели деятельности коллективных средств размещения и туристических фирм используют в расчетах А.В. Величкина и О.В. Порошина [Величкина, 2014; Порошина, 2016]. Во всех названных работах доказано влияние перечисленных показателей на рост ВВП и ВРП.

Данные и методология

Моделирование было проведено на панельных данных, включающих 81 регион РФ в период с 2013 по 2017 гг.³ Объясняемой переменной модели служил ВРП (Y), а в качестве потенциальных регрессоров использовались переменные X_1 - X_{15} , указанные в таблице 1.

Независимые переменные характеризуются факторами, относящимися к различным отраслям экономики, которые связаны с туристической индустрией и предопределяют ее привлекательность. Анализ на основе этих факторов позволяет выявить не только наличие влияния туризма, рассматриваемого в целом, на ВРП, но и влияние отдельных элементов, характеризующих привлекательность того или иного региона для туристов. Показатель численности размещенных лиц в КСР отражает привлеченные в регион туристические потоки.

Для того чтобы учесть неоднородность в распределении и динамике региональных величин валового продукта, были построены следующие конкурирующие линейные модели: сквозной регрессии; со случайным индивидуальным эффектом; с детерминированным индивидуальным эффектом; с детерминированным индивидуальным эффектом и неоднородными по времени коэффициентами.

Первоначальные модели включали все потенциальные регрессоры X_1 - X_{15} . Далее были последовательно исключены те из них, коэффициенты при которых в исследуемых моделях оказались незначимыми на 5%-м уровне значимости, а также те регрессоры, которые вносили мультиколлинеарность. Для этого был проведен

³ Публикации Федерального службы государственной статистики «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2013–2017 гг. [Эл. ресурс] URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 20.06.2019).

корреляционно-регрессионный анализ. Так, из группы экономических показателей X_1 (индекс производительности труда) и X_2 (региональные инвестиции в основной капитал, относящиеся к предыдущему году наблюдений) в модели оставлена только переменная X_2 . Она наиболее тесно связана с ВРП (переменной Y), выборочный коэффициент корреляции между X_2 и ВРП составил 0,916. Коэффициент при переменной X_1 во всех моделях оказался незначимым ($-0,085$).

Из группы показателей X_3 - X_5 , характеризующих социальное развитие региона, переменные X_4 и X_5 также пришлось исключить из модели. И вот почему. Переменная X_4 (численность врачей в регионе) показала высокую корреляцию с объясняющими переменными X_2 , X_{11} и X_{13} (коэффициенты корреляции с каждой из них были выше 0,7) и относительно невысокую корреляцию с ВРП. Поэтому в целях устранения мультиколлинеарности переменная X_4 из модели была исключена. Другая переменная из группы социальных показателей, X_5 (индекс физического объема оборота общественного питания), обнаружила слабую связь с ВРП (коэффициент корреляции оказался равен $-0,105$). Переменная X_3 (доля площади жилищного фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства) оказалась связана с ВРП (соответствующий коэффициент корреляции равен 0,366), при этом все коэффициенты корреляции между X_3 и прочими объясняющими переменными не превышали 0,3. Коэффициент при переменной X_3 во всех построенных моделях оказался значимым, поэтому переменная X_3 была в модели оставлена. Заметим также, что коэффициенты при переменных X_4 и X_5 во всех построенных моделях оказались незначимыми.

Переменные X_6 – X_8 , характеризующие транспортную инфраструктуру, были исключены из модели в силу того, что коэффициенты при этих переменных во всех построенных моделях оказались незначимыми. Это может быть обусловлено следующим. Переменные X_6 (протяженность автомобильных дорог общего пользования в регионе) и X_8 (пассажирооборот автобусов в регионе) показали высокую корреляцию с объясняющими переменными X_{11} и X_{13} . При этом корреляция переменных X_{11} и X_{13} с ВРП была более сильной, чем корреляция X_6 и X_8 с ВРП.

Из переменных X_9 - X_{12} , отражающих деятельность коллективных средств размещения, три оказались тесно связаны

с переменной X_{11} (численность размещенных лиц в КСР). Так, все коэффициенты корреляции между X_{11} и переменными X_9 (площадь номерного фонда КСР), X_{10} (среднесписочная численность работников КСР), X_{12} (число ночевок в КСР) оказались выше 0,9. Поэтому в целях устранения мультиколлинеарности из X_9 - X_{12} осталась в модели только переменная X_{11} , как наиболее сильно связанная с ВРП.

В группе переменных X_{13} - X_{15} , характеризующих деятельность туристических фирм, обнаружена высокая корреляция между переменными X_{13} (объем платных туристских услуг, оказанных населению) и X_{15} (число турфирм), соответствующий коэффициент корреляции равен 0,793. Чтобы исключить мультиколлинеарность из модели, из двух переменных X_{13} и X_{15} в модели была оставлена переменная X_{13} . Заметим, что коэффициент корреляции между ВРП и X_{13} , равный 0,636, оказался меньше, чем коэффициент корреляции между ВРП и X_{15} , равный 0,739. Тем не менее предпочтение было отдано переменной X_{13} . И вот почему. Влияние объема платных туристских услуг, оказанных населению региона (X_{13}) на ВРП может быть объяснено наличием прямой причинно-следственной связи между X_{13} и ВРП. Очевидно, что рост объема туристских услуг влияет на рост ВРП. Влияние же количества турфирм в регионе (X_{15}) на ВРП не является очевидным. Можно ожидать, что турфирмы в регионах, обслуживая местное население, будут организовывать, по большей части, выездные турпотоки. Следовательно, значительная часть их клиентов будет тратить свои средства за пределами регионов. С другой стороны, рост ВРП будет приводить к росту благосостояния населения региона. Скорее всего, рост благосостояния может сопровождаться ростом числа турфирм (X_{15}), но не наоборот.

Коэффициент при переменной X_{14} (число турпакетов, реализованных населению) во всех моделях оказался незначимым. Это объясняется слабой корреляцией между X_{14} и ВРП (соответствующий коэффициент корреляции равен 0,318).

Таким образом, в модели мы сохранили только четыре объясняющих переменных – X_2 , X_3 , X_{11} и X_{13} .

В таблице 2 приведены результаты оценивания конкурирующих моделей линейной зависимости Y от факторов X_2 , X_3 , X_{11} и X_{13} . Оценивание моделей с детерминированным и случайным

эффектами было выполнено в пакете R с помощью функции `plm`, а модели сквозной регрессии – с помощью функции `lm`.

Таблица 2. Результаты оценивания трех конкурирующих моделей

Регрессор	Модель		
	сквозной регрессии	с детерминированным эффектом	со случайным эффектом
Const	-96995180		-239030200
(P-Value)	(0,0319)		(0,002213)
X2	2837,255	1130,857	1698,299
(P-Value)	(<2e-16)	(3,750e-15)	(<2e-16)
X3	2726609	9646034	6169756
(P-Value)	(0,000577)	(3,836e-06)	(3,892e-06)
X11	37,724	221,883	220,729
(P-Value)	(0,0772)	(4,057e-09)	(3,002e-15)
X13	66100,70	92478,999	78107,67
(P-Value)	(<2e-16)	(1,748e-06)	(1,548e-11)
R ²	0,88239	0,41969	0,66626

Для проверки наличия в модели случайного эффекта был выполнен тест множителей Лагранжа Бреуша-Пагана, который показал, что модель со случайным эффектом предпочтительнее модели сквозной регрессии. Аналогичным образом тестирование на предмет наличия в модели детерминированного индивидуального эффекта (F-тест) показало ее предпочтительность по сравнению с моделью сквозной регрессии.

Для того чтобы выбрать, какая из спецификаций предпочтительнее: с детерминированным индивидуальным или со случайным эффектом – был применен тест Хаусмана. Тест выявил, что модель с детерминированным индивидуальным эффектом (FE-модель) можно считать предпочтительнее.

Анализируя коэффициент детерминации FE-модели (табл. 2.), можно сделать вывод, что ее объясняющая способность не слишком высока. Для того чтобы улучшить качество модели, было выполнено построение модели линейной регрессии с детерминированным индивидуальным эффектом и неоднородными по времени коэффициентами модели. Применение t-теста для коэффициентов регрессии не подтвердило неоднородность по времени коэффициентов при регрессорах, однако указало на возможную неоднородность по времени свободного члена регрессии.

Для сравнения моделей с однородным и неоднородным по времени свободным членом регрессии применялись тест множителей Лагранжа Бреуша-Пагана и F-тест. Оба они позволили выявить, что модель с детерминированным индивидуальным эффектом и неоднородным по времени свободным членом является предпочтительнее. Таким образом, была выбрана следующая спецификация модели:

$$Y_{it} = a_i + c_t + b_2 X_{2it} + b_{11} X_{11it} + b_{13} X_{13it} + \varepsilon_{it}, \quad t = \overline{2013, 2017}, i = \overline{1, n},$$

где $c_{2013} = 0$.

Результаты оценивания параметров модели приведены в таблице 3. Анализируя данные таблицы 3, можно принять гипотезу о значимости оценок всех коэффициентов регрессии. Из таблиц 2 и 3 видно также, что коэффициент детерминации последней модели почти в 1,3 раза выше коэффициента детерминации FE-модели.

Таблица 3. Результаты оценивания модели регрессии с детерминированным индивидуальным эффектом и с неоднородным по времени свободным членом

Параметр модели	Оценка параметра	t-Статистика	Значимость
b_2	974,30	7,928	3,837e-14
b_{11}	183,52	5,535	5,525e-08
b_{13}	58804	3,373	0,0008
c_{2014}	2,8589e+07	2,199	0,0286
c_{2015}	7,5515e+07	5,691	2,872e-08
c_{2016}	1,011e+08	7,546	4,785e-13
c_{2017}	1,2925e+08	9,149	< 2,2e-16
R^2		0,53904	

Однако тест Бреуша-Пагана выявил гетероскедастичность в поведении случайных остатков модели регрессии с неоднородным по времени свободным членом. Поэтому были найдены состоятельные стандартные ошибки оценок коэффициентов регрессии, необходимые для корректного применения t-теста в данной ситуации, и проведена повторная, корректная проверка коэффициентов модели (табл. 4). Сравнивая стандартные ошибки оценок коэффициентов регрессии, вычисленные без учета гетероскедастичности (табл. 3), и состоятельные стандартные ошибки при ее наличии (табл. 4), нетрудно заметить, что в последнем случае стандартные ошибки для всех оценок коэффициентов регрессии

рессии увеличились. Тем не менее выводы о значимости оценок всех коэффициентов модели остались неизменными.

Таблица 4. Результаты корректного t-теста для коэффициентов модели с детерминированным индивидуальным эффектом и неоднородным по времени свободным членом

Параметр модели	Оценка параметра	t-Статистика	Значимость
b_2	974,30	2,595	0,0099
b_{11}	183,52	2,436	0,0154
b_{13}	58804	3,282	0,0011
c_{2014}	2,8589e+07	4,089	5,491e-05
c_{2015}	7,5515e+07	5,997	5,475e-09
c_{2016}	1,011e+08	6,610	1,626e-10
c_{2017}	1,2925e+08	6,383	6,147e-10

Наличие детерминированного индивидуального эффекта и неоднородного по времени свободного члена в построенной модели означает, что свободный член модели является суммой двух составляющих: a_i и c_t . В таблице 4 приведены оценки параметра c_t , а в таблице 5 – оценки параметра a_i для регионов.

Таблица 5. Оценка свободного члена для регионов

Регион	Оценка a_i	Регион	Оценка a_i
Архангельская область (кроме Ненецкого АО)	39610534	Республика Мордовия	16454759
Ненецкий АО (Архангельская область)	142129234	Республика Северная Осетия-Алания	9691043
Тюменская область	473479941	Республика Татарстан	718233321
Ханты-Мансийский АО - Югра	2083160386	Ростовская область	523417457
Ямало-Ненецкий АО	1003710551	Рязанская область	106262989
Астраханская область	68804333	Самарская область	629789552
Белгородская область	386531652	Саратовская область	268372973
Брянская область	72135128	Свердловская область	359752932
Владимирская область	34692988	Смоленская область	83525184
Волгоградская область	278312086	Ставропольский край	151532647
Вологодская область	103546023	Тамбовская область	67703256
Воронежская область	322938596	Тверская область	41247285
Ивановская область	-6135414	Тульская область	190681069
Кабардино-Балкарская Республика	-36436510	Удмуртская Республика	253102673
Калининградская область	48469403	Ульяновская область	51450870

Окончание табл. 5

Регион	Оценка a_i	Регион	Оценка a_i
Калужская область	63263083	Челябинская область	432035963
Карачаево-Черкесская Республика	-46784053	Чеченская Республика	15725584
Кировская область	50623122	Чувашская Республика - Чувашия	33334164
Костромская область	-4043381	Ярославская область	140007038
Краснодарский край	-126070432	Алтайский край	149364281
Курганская область	19966743	Амурская область	-79716842
Курская область	113279250	Еврейская автономная область	-46401471
Ленинградская область	376981398	Забайкальский край	12815071
Липецкая область	168071596	Иркутская область	461213019
Московская область	1512963320	Камчатский край	10325458
Мурманская область	127021486	Кемеровская область - Кузбасс	239299100
Нижегородская область	176850635	Красноярский край	863327168
Новгородская область	22778777	Магаданская область	-13362613
Оренбургская область	380229226	Новосибирская область	403373215
Орловская область	23846694	Омская область	249672266
Пензенская область	102135297	Приморский край	200457949
Пермский край	430710785	Республика Алтай	-77096421
Псковская область	-54489665	Республика Бурятия	-34933942
Республика Адыгея (Адыгея)	-18368178	Республика Саха (Якутия)	413781789
Республика Башкортостан	530542399	Республика Тыва	-40215256
Республика Дагестан	141808296	Республика Хакасия	45123345
Республика Ингушетия	-36825569	Сахалинская область	430003711
Республика Калмыкия	-39559873	Томская область	165424194
Республика Карелия	-5039394	Хабаровский край	206855002
Республика Коми	128721839	Чукотский автономный округ	-26608360
Республика Марий Эл	-4466893		

Наличие детерминированного индивидуального эффекта в модели может быть объяснено такими индивидуальными особенностями регионов, как качество регионального управления, качество жизни и образования, уровень социальной напряженности, сложившаяся в регионе структура инвестиций в человеческий капитал и т.д.

Выводы, дискуссия

В целом, можно сделать следующие выводы о факторах, влияющих на величину ВРП.

1. Такой экономический показатель, как инвестиции в основной капитал (X_2), положительно влияет на величину ВРП, причем приращения ВРП в текущем году в ответ на приращения инвестиций в предыдущем году (X_2) не зависят от периода наблюдений и от того, какой конкретно регион рассматривается. Таким образом, из экономических показателей, связанных с туристической индустрией, косвенно значимым оказался только один.

2. Фактор X_{11} «Численность размещенных лиц в КСР», характеризующий объем потока туристов, остановившихся в гостиницах, хостелах, мотелях и пр., также оказался значимым в построенной модели. Рост объема туристического потока приводит к росту ВРП независимо от периода наблюдений и от того, какой конкретно регион рассматривается.

3. Фактор X_{13} – объем платных туристских услуг, оказанных населению, отражающий уровень развития туристического рынка, также является значимым, оказывая положительное влияние на величину ВРП в любом регионе, независимо от периода наблюдений. Это можно объяснить тем, что на более популярных туристических направлениях с более развитой инфраструктурой потоки туристов формируют большой спрос на услуги местных турфирм.

Рассмотрим результаты по 1-й гипотезе. На основе полученных данных видно, что значительное влияние на рост ВРП оказывает поток туристов, определенный через показатель X_{11} (учитывается количество и иностранных, и отечественных туристов). Таким образом, в целях ускорения социально-экономического развития регионов России следует уделять внимание дальнейшему устойчивому привлечению туристов как из-за рубежа, так и из других регионов страны.

Проверка 2-й гипотезы. В модели были учтены отдельные факторы, формирующие туристическую привлекательность регионов. Наиболее значимым фактором для уровня ВРП является объем платных туристских услуг, оказанных населению. Было подтверждено положительное влияние на ВРП независимо от региона и года исследования экономического фактора: инвестиции в основной капитал, рассматриваемые за предыдущий год (млн руб.). Этот показатель отображает косвенное влияние на туристическую индустрию, так как главным образом характеризует инвестиционную привлекательность региона.

На величину ВРП значимое влияние также оказывают факторы, отражающие индивидуальные особенности регионов, как постоянные, так и меняющиеся с течением времени. К таким факторам можно отнести качество регионального управления, качество жизни и образования, социальное самочувствие населения региона, сложившуюся в регионе структуру инвестиций в человеческий капитал и пр. Оценка такого широкого спектра факторов была невозможна в данной работе из-за недоступности необходимой информации. Поэтому следует подчеркнуть, что выделенные в работе факторы, оказывающие влияние на ВРП и относящиеся к туристической индустрии или формирующие ее, являются не единственно возможными. Кроме того, сила влияния тех или иных факторов может изменяться под воздействием различных политических, экономических и экологических событий.

Таким образом, мы доказали положительное влияние туристических потоков и развития туристической индустрии и инфраструктуры на ВРП. Туризм в силу его высокого мультипликативного эффекта обладает неплохим потенциалом для стимулирования экономического развития. Он создает рабочие места и доходы, положительно сказывается на платежном балансе регионов и стран и в целом способствует повышению в них экономической активности.

Литература

Валиев М.Ш. Анализ и оценка инфраструктурного развития внутреннего регионального туризма // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 317. С. 165–170

Вахтеркина А.В., Каримов Б.К. Анализ современного состояния туризма в России // Мир культуры – взгляд в будущее. Сборник научных статей XVIII Всероссийской студенческой научно-практической конференции. 2018. С. 16–18.

Величина А.В. Оценка развития туристской инфраструктуры региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 2(32). С. 239–250.

Жолобова Л.В., Шматько Л.П. Развитие российского въездного туризма – важный фактор роста ВВП страны // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. 2013. № 3. С. 44–48.

Котельников Д.А. Анализ устойчивости развития туристских дестинаций Краснодарского края на основе индикаторного подхода // Экономика устойчивого развития. 2017. № 2(30). С. 133–152.

Кухарская Е.Ю. Туризм как фактор экономического развития в Российской Федерации // Приоритетные направления и проблемы развития внутреннего

и международного туризма в России. Материалы I Всероссийской с международным участием научной конференции. 2018. С. 14–18.

Морозов М. А., Аристов П. О. Влияние туризма на экономику региона (на примере Ставропольского края) // Вестник Российского нового университета. Серия: человек и общество. 2018. № 2. С. 69–75.

Порошина О. В. Оценка эффективности развития сферы туризма на основе целеориентированного подхода // Проблемы развития территории. 2016. № 1 (81). С. 79–95.

Azizi H., Biglari M., Joudi P. Assessment the feasibility of sustainable tourism in urban environments employing the cumulative linear model // Procedia Engineering. 2011. Vol. 21. P. 24–33. DOI:10.1016/j.proeng.2011.11.1983.

Brau R., Lanza A., Pigliaru F. How Fast are Small Tourism Countries Growing? Evidence from the Data for 1980–2003 // Tourism Economics. 2007. Vol. 13. № 4. P. 600–613. DOI: 10.5367/000000007782696104.

Burghelia C., Vuta M., Vuta M. The econometric analysis of the contribution of the capital invested in tourism and of the tourism contribution to GDP // Scientific Papers Series Management, Economic Engineering in Agriculture and Rural Development. 2016. Vol. 16. № 4. P. 55–60. Doi:

Castro-Nuno M., Molina-Toucedo J.A., Pablo-Romero M.P. Tourism and GDP: A Meta-analysis of Panel Data Studies // Journal of Travel Research. 2013. Vol. 52 № 6. P. 745–758. DOI: 10.1177/0047287513478500.

Kim H. J., Chen M.-H., Jang S. C. Tourism expansion and economic development: The case of Taiwan // Tourism Management. 2006. Vol. 27. № 5. P. 925–933. DOI: 10.1016/j.tourman.2005.05.011.

Kurt S., Heldak M., Kurdoglu B. C., Wyszumek J. Evaluation of Sustainable Development of Tourism in Selected Cities in Turkey and Poland // Sustainability. 2019. № 11. DOI: 10.3390/su11092552.

Louca C. N. Tourism and Economic Growth in Spain // Journal of Regional Socio-Economic Issues. 2017. Vol. 7. № 3. P. 6–23.

Massidda C., Mattana P. A SVECM Analysis of the Relationship between International Tourism Arrivals, GDP and Trade in Italy // Journal of Travel Research. 2013. Vol. 52. № 1. P. 93–105. DOI: 10.1177/0047287512457262.

Neves D. C., Fernandes A. J., Pereira E. T. Determinants of touristic attraction in Portuguese regions and their impact on GDP // Tourism Economics. 2015. Vol. 21. № 3. P. 629–648. DOI: 10.5367/te.2013.0361.

Trinajstic M., Baresa S., Bogdan S. Regional economic growth and tourism: A panel data approach // UTMS Journal of Economics. 2018. Vol. 9. № 2. P. 145–155.

Статья поступила 18.03.2020.

Статья принята к публикации 19.05.2020.

Для цитирования: Федорова Е. А., Черникова Л. И., Пастухова А. Э., Шуряева Л. К. Туризм и экономический рост: региональный аспект // ЭКО. 2020. № 9. С. 138–155. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-9-138-155.

Summary

Fedorova, E.A., *Doct. Sci. (Econ.), Financial University under the Government of the Russian Federation; Higher School of Economics, Chernikova, L.I.,* *Doct. Sci. (Econ.), Financial University under the Government of the Russian Federation, Pastukhova, A.E.,* *Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Shiryayeva, L.K.,* *Cand. Sci. (Phis.-math.), Samara State University of Economics*

Tourism and Economic Growth: Regional Aspect

Abstract. The purpose of this paper is to assess an impact of tourist flows and elements of the tourism industry on economic growth in regions of the Russian Federation. The research methodology is analysis of data resulting from a panel regression built on the basis of several statistical indicators. The resulting study revealed a positive impact of tourist flows on economic development in the regions, which illustrates the value of number of persons placed in DAC models. In addition, the number of travel agencies, the labor productivity index, and the share of fixed capital investment in GRP have a positive impact on the value of GRP. The study was conducted since GRP may be influenced by other factors that were not considered in the work due to limitations of available statistical data.

Keywords: *tourism; regional tourism; tourist flow; tourism industry; economic growth; regression analysis; panel analysis*

References

- Azizi, H., Biglari, M., Joudi, P. (2011). Assessment the feasibility of sustainable tourism in urban environments employing the cumulative linear model. *Procedia Engineering*. Vol. 21. P. 24–33. DOI:10.1016/j.proeng.2011.11.1983.
- Brau, R., Lanza, A., Pigliaru, F. (2007). How Fast are Small Tourism Countries Growing? Evidence from the Data for 1980–2003. *Tourism Economics*. Vol. 13. No. 4. Pp. 600–613. DOI: 10.5367/000000007782696104.
- Burghelia, C., Vuta, M., Vuta, M. (2016). The econometric analysis of the contribution of the capital invested in tourism and of the tourism contribution to GDP. *Scientific Papers Series Management, Economic Engineering in Agriculture and Rural Development*. Vol. 16. No. 4. Pp. 55–60.
- Castro-Nuno, M., Molina-Toucedo, J.A., Pablo-Romero, M.P. (2013). Tourism and GDP: A Meta-analysis of Panel Data Studies. *Journal of Travel Research*. Vol. 52. No. 6. Pp. 745–758. DOI: 10.1177/0047287513478500.
- Kim, H.J., Chen, M.-H., Jang, S.C. (2006). Tourism expansion and economic development: The case of Taiwan. *Tourism Management*. Vol. 27. No. 5. Pp. 925–933. DOI: 10.1016/j.tourman.2005.05.011.
- Kotel'nikov, D.A. (2017). Indicator approach to the analysis of sustainability of development of the tourist areas of Krasnodar Regions. *Ekonomika ustojchivogo razvitiya. Economics of sustainable development*. Vol. 30. No. 2. Pp. 133–152. (In Russ.).
- Kuharskaya, E. Yu. (2018). Tourism as factor of economic development in Russian Federation. *Prioritetnye napravleniya i problemy razvitiya vnutrennego i mezhdunarodnogo turizma v Rossii. Materialy I Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoj konferencii*. Pp. 14–18. (In Russ.).

Kurt, S., Heldak, M., Kurdoglu, B.C., Wismulek, J. (2019). Evaluation of Sustainable Development of Tourism in Selected Cities in Turkey and Poland. *Sustainability*. No. 11. DOI: 10.3390/su11092552.

Louca, C.N. (2017). Tourism and Economic Growth in Spain. *Journal of Regional Socio-Economic Issues*. Vol. 7. No. 3. Pp. 6–23.

Massidda, C., Mattana, P. (2013). A SVECM Analysis of the Relationship between International Tourism Arrivals, GDP and Trade in Italy. *Journal of Travel Research*. Vol. 52. No. 1. Pp. 93–105. DOI: 10.1177/0047287512457262.

Morozov, M.A., Aristov, P.O. (2018). The impact of tourism on the economy of the region (on the example of the Stavropol territory). *Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Vestnik of Russian New University*. No. 2. Pp. 69–75. (In Russ.).

Neves, D.C., Fernandes, A.J., Pereira, E.T. (2015). Determinants of touristic attraction in Portuguese regions and their impact on GDP. *Tourism Economics*. Vol. 1. No. 3. Pp. 629–648. DOI: 10.5367/te.2013.0361.

Poroshina, O.V. (2016). Evaluation of tourism industry development efficiently on the basis of target-oriented approach. *Problemy razvitiya teorii. Problems of territory's development*. Vol. 81. No. 1. Pp. 79–95. (In Russ.).

Trinajstic, M., Baresa, S., Bogdan, S. (2018). Regional economic growth and tourism: A panel data approach. *UTMS Journal of Economics*. Vol. 9. No. 2. Pp. 145–155.

Vahterkina, A.V., Karimov, B.K. (2018). Analysis of the current state of tourism in Russia. *Mir kul'tury – vzglyad v budushchee. Sbornik nauchnyh statej XVIII Vserossijskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Pp. 16–18. (In Russ.).

Valiev, M. Sh. (2008). Evaluation and analysis of infrastructural development for domestic tourism of a region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Tomsk State University Journal*. No. 317. Pp. 165–170. (In Russ.).

Velichkina, A.V. (2014). The assessment of the regional tourism infrastructure development. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 32. No. 2. Pp. 239–250. (In Russ.).

Zholobova, L.V., Shmat'ko, L.P. (2013). Development of Russian incoming tourism as an important factor of GDP growth of our country. *Trudy Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshcheniya. Rostov state transport university*. No. 3. Pp. 44–48. (In Russ.).

For citation: Fedorova, E.A., Chernikova, L.I., Pastukhova, A.E., Shiryayeva, L.K. (2020). Tourism and Economic Growth: Regional Aspect. *ECO*. No. 9. Pp. 138–155. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-9-138-155.

Конкурентные преимущества и инфраструктурные ограничения в Республике Тыва: вызовы времени¹

А.Н. АСАУЛ, доктор экономических наук. E-mail: asaul@yandex.ru
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный
университет, Санкт-Петербург
ORCID: 0000-0002-7415-4737

М.А. АСАУЛ, доктор экономических наук. E-mail: asaul-m-a@mail.ru
Московский автомобильно-дорожный государственный технический
университет, Москва
ORCID: 0000-0003-3040-5767

Ю.А. ЛЕВИН, доктор экономических наук. E-mail: u.levin@odin.mgimo.ru
Московский государственный институт международных отношений МИД РФ,
Москва
ORCID ID: 0000-0002-9568-7866

В.К. СЕВЕК, доктор экономических наук. E-mail: vsevek@mail.ru
Тувинский государственный университет, Кызыл
ORCID: 0000-0002-8339-3035

Аннотация. Рассматривается потенциал структурных преобразований Республики Тыва в контексте новой стратегии пространственного развития России и долговременных интересов государства в Ангаро-Енисейском макрорегионе. Цель: разработка и аргументация подходов нового видения роли государства как координатора и регулятора перспектив развития Республики Тыва, необходимого для достижения стратегических интересов России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Описаны текущее состояние и основные направления перспективного развития Республики Тыва в контексте политики структурных преобразований. Для решения проблем структурных деформаций экономики республики предложено использовать инструменты, стимулирующие инвестиционную активность. При этом системный процесс повышения эффективности использования ресурсного потенциала и формирования привлекательной для инвесторов среды в Республике Тыва требует не только регулятивных усилий государства, но и использования обширного спектра косвенных методов по координации социокультурного и экономического развития.

Ключевые слова: Ангаро-Енисейский макрорегион; пространственное развитие; инвестиционный климат; социокультурное развитие; экономическое развитие; человеческий потенциал

Введение

Как известно, на территории Республики Тыва реализуется российская часть глобального инфраструктурного проекта

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ 19-010-00831 А.

«Один пояс – один путь». Расширение торгово-транспортного пространства России на Восток не только отвечает интересам реализации стратегических целей России в мировом сообществе, но и приближает Республику Тыва к рынкам других регионов России и рынкам Азиатско-Тихоокеанского региона – одного из главных центров развития мировой экономики. Стратегия пространственного развития РФ до 2025 года, ориентируясь на реализацию конкурентных преимуществ каждого региона страны, предусматривает в Республике Тыва как наращивание потенциала традиционных видов экономической деятельности, так и развитие ее инфраструктурного пространства.

Методология исследования

Методологическую основу данного исследования заложили труды российских и зарубежных ученых, изучавших проблемы устойчивого развития регионов, формирования их конкурентных преимуществ, преодоления депрессивности территорий [Зубаревич, 2019. С. 140; Балакина, 2019. С. 28; Acemoglu, Robinson, 2012. С. 304; Minakir, Dzhurka, 2018. С. 281–288; Shvetsov, 2017. С. 110] и др. Из этих работ, в частности, следует очень важный вывод о том, что незавершённость методологических разработок, равно как и множество разрозненных исследований региональной динамики социально-экономических процессов, затрудняют решение задач, направленных на преодоление упущенных возможностей депрессивных регионов из-за слабой насыщенности их территорий факторами производства и низкого уровня развития инфраструктуры. Увы, но актуальные вопросы по реализации потенциала структурных преобразований слаборазвитого региона с учетом особенностей его территории и долговременных национальных интересов до сих пор остаются недостаточно изученными.

Динамизм происходящих экономических, геополитических процессов, обобщение результатов собственных многолетних научных изысканий авторов в области региональной экономики определяют необходимость фокусировки нашего внимания на изучении потенциала структурных преобразований применительно к современным условиям с учетом специфики этнического региона исследования – Республики Тыва.

Результаты исследования

Сильными сторонами географического расположения Тувы, основой ее конкурентоспособности являются близость к рынкам сбыта в странах АТР (Монголия, Китай) и (пока слабо реализованный) потенциал большой транспортно-транзитной емкости, дополняющие диверсифицированный экономический комплекс и значительный природно-ресурсный потенциал (наличие месторождений золота, богатая минерально-сырьевая база, разведанные запасы полиметаллических руд).

Ускоренное развитие стран АТР, реализация геополитических интересов России дают экономике Республики Тува обозримо новые возможности. В Стратегии пространственного развития России², в программных документах региональной исполнительной власти³ обозначены приоритеты, цели, задачи, механизмы и конкретные мероприятия по развитию территории региона.

Уязвимой стороной территории Тувы являются существенные ограничения ее транспортной доступности из-за недостаточно развитой, не адекватной современным требованиям инфраструктуры (отсутствие железнодорожного сообщения с другими регионами России, слабое развитие авиасообщения и автомобильной сети). Сегодня это делает заведомо неэффективными большинство контрактов с внешними партнерами и препятствует реализации ее природно-ресурсного и транзитного потенциалов.

В силу низкого уровня развития перерабатывающих производств и при слабом развитии транспортной инфраструктуры экономика республики в настоящее время не может предложить отечественным и зарубежным потребителям более привлекательную по цене и качеству продукцию, чем те регионы Сибири, которые характеризуются выраженной специализацией, более высоким уровнем развития ресурсных видов экономической деятельности, сбалансированной аграрной и промышленной экономикой, сравнительно высоким уровнем развития инфра-

² Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» [Эл. ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/ (дата обращения: 15.10.2019).

³ Проект стратегии социально-экономического развития Республики Тыва до 2030 года [Эл. ресурс]. URL: http://www.mert.tuva.ru/directions/socio-economic-development/project_strategy (дата обращения: 15.10.2019).

структуры и освоенности территории [Поянова, Краснова, 2020. С. 27].

Республики Тыва и Хакасия, Красноярский край и Иркутская область являются взаимосвязанными в едином в экономико-географическом пространстве, образующем Ангаро-Енисейский макрорегион. Во второй декаде нынешнего века ведущими российскими компаниями и финансово-промышленными группами заявлены масштабные инвестиционные программы освоения этой территории. Значительная их часть объединена в комплексный инвестиционный проект «Енисейская Сибирь», предполагающий межрегиональную социально-экономическую интеграцию Красноярского края, республик Тыва и Хакасия. Проект «Енисейская Сибирь», поддержанный на федеральном уровне, отражает тенденцию разворота российской экономики на Восток и обеспечивает укрепление экономических связей сибирских регионов как друг с другом, так и с другими регионами России и приграничными странами [Самуха и др., 2019. С. 324]. За 2018–2019 гг. инвестиционный портфель проекта увеличился более чем в три раза – до 1,8 трлн руб.

Реализуемый на территории Тувы проект по строительству железной дороги Элегест–Кызыл–Курагино входит и в пул проектов «Енисейской Сибири», и является одним из основных направлений развития транспортной инфраструктуры региона согласно Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года. Основное назначение дороги протяженностью 402 км с выходом на Транссиб – обеспечение транспортной доступности к природно-ресурсным запасам республики. Только вывоз угля с Элегестинского месторождения гарантирует грузопоток новой дороги объемом до 15 млн т в год, а есть еще рудные, строительные, лесные и прочие грузы. Проект обеспечит объединение территорий страны, освоение недр и природных богатств Республики Тыва, а в перспективе – выход в Китай [Лебедев, 2017. С. 210].

Планируемое продолжение железнодорожной магистрали Кызыл – Курагино в Монголию и Китай с последующим строительством международного транспортного коридора (МТК) может стать крупнейшим не только для Республики Тыва, но и для России международным проектом по интеграции в транспортную сеть стран АТР [Пале, 2018. С. 35–39]. МТК – это транспортная

система, объединяющая на главных направлениях транспортные потоки (автомобильные, воздушные, железнодорожные), а также трубопроводы и телекоммуникации. Сегодня МТК приобретает особое значение и актуальность в части развития трансграничной сети международных транспортных коридоров.

Современные информационно-телекоммуникационные технологии позволяют превратить МТК в интеллектуальную мультимодальную транспортную систему (ИМТС), которая в свою очередь по мере развития когнитивных информационных технологий (искусственный интеллект, беспилотные автомобили, автодороги, оснащенные умными светофорами, всевозможными датчиками, адаптивными дорожными знаками и указателями) способна составить основу роботизированной региональной транспортной системы [Асаул и др., 2019. С. 35].

Ускоренное и сбалансированное развитие всей транспортной инфраструктуры, являясь одним из приоритетов государственной политики, представляет собой огромный социально-экономический стимул для Республики Тыва, поскольку позволит обеспечить необходимые условия для развития ее традиционной и инновационной экономики, повышения качества жизни населения [Себек и др., 2017. С. 72–81].

Для ускорения социально-экономического развития Республики Тыва, обеспечения координации субъектов предпринимательства и власти по продвижению межрегиональных инфраструктурных проектов, максимального привлечения инвестиций представляется целесообразным создание нового механизма функционирования территорий (инвестиционных площадок) с особым режимом ведения предпринимательской деятельности, учитывающим исторические, географические и социально-экономические особенности как Тувы, так и соседних территорий, входящих с ней в состав одного макрорегиона [Балакина, Поподько, 2014. С. 146].

Сегодня, к сожалению, не все задачи, обозначенные в межрегиональных проектах Ангаро-Енисейского макрорегиона, обеспечены требуемыми инвестициями, соответствующими механизмами управления и реализации политики развития. Более того, некоторые эксперты обращают внимание на то, что существующая модель федерализма, в том числе бюджетного, ставит соседние макрорегионы в неравное положение, поскольку далеко

не в полной мере учитывает существенные качественные и количественные различия их отдельных частей при определении мер государственной поддержки и ведет к проблемам, связанным с развитием региона.

Территориальная и структурная дифференциация экономики регионов внутри Сибири – наиболее явная, но при этом не всегда принимаемая во внимание при разработке стратегий пространственного развития федерального уровня характеристика [Поянова, Краснова, 2020. С. 27].

Природно-ресурсный потенциал Республики Тыва в целом не ниже, чем у многих регионов Сибири, но тем не менее Тува – самый слаборазвитый регион в России.

Структура экономики региона во многом определяется преобладанием ресурсно-добывающих и аграрно-промышленных производств, складывающихся в естественные региональные кластеры. Повышение уровня кластеризации экономики, в особенности агропромышленного комплекса, принято считать одним из залогов успешного социально-экономического развития Тувы [Донгак, 2015. С. 17]. Однако у этого процесса есть и обратная сторона: уже сегодня более 80% валового регионального продукта производится на площади, занимающей менее 20% территории республики, и дальнейшая кластеризация может привести к усилению концентрации экономической активности.

На наш взгляд, реализация стратегических целей, приоритетов и решение задач пространственного развития Тувы требуют существенной трансформации пространственной структуры производства для расширения и укрепления всей территории республики, без каких бы то ни было исключений. Способы и механизмы реализации такого решения существуют [Поподько, 2019. С. 328]. Однако это требует привлечения в регион очень серьезных инвестиций. Сегодня даже государственные институциональные инвесторы при принятии инвестиционных решений в первую очередь оценивают рентабельность вложений, а значит, республике необходимо обеспечить на своей территории такой ее уровень, благодаря которому различные виды экономической деятельности станут привлекательными для инвесторов.

Состояние инвестиционной деятельности в Республике Тыва в значительной степени предопределяет уровень ее социокультурного и экономического развития.

Даже притом, что в течение последних десяти с лишним лет в республике происходит рост инвестиционной активности, приведшая к 3-кратному увеличению объемов инвестиций и участию в 2019 г. в восьми национальных проектах с федеральным бюджетным финансированием, по величине душевых инвестиций Республика Тыва находится на 82-м месте в стране, а их уровень в 4,5 раза ниже среднего по РФ.

На наш взгляд, преодолеть низкую инвестиционную активность возможно путем принятия некоторых *конкретных мер*. В первую очередь, необходимо повысить эффективность инструментов государственной поддержки. Это один из наиболее важных для инвесторов параметров, что доказывает опыт территорий опережающего социально-экономического развития на Дальнем Востоке [Левин, Павлов, 2019. С. 22].

В Стратегии пространственного развития регионов РФ обозначены три ключевых направления роста экономики республики. Это развитие добывающих производств на основе динамичного вовлечения в хозяйственный оборот природных ресурсов; создание инновационных компаний по переработке минерального сырья и высокопродуктивных агропромышленных кластеров. Однако для того, чтобы они стали полноценными точками роста, необходимо построить железную дорогу Элегест–Кызыл–Курагино, расширить и модернизировать автотранспортную инфраструктуру, освоить минерально-сырьевую базу [Поподько, 2017. С. 320].

Распространение в Республике Тыва всех инструментов развития экономики и социокультурной сферы, которые в последние годы достаточно эффективно работали преимущественно в дальневосточных и некоторых сибирских регионах и были ориентированы на создание благоприятного инвестиционного климата, на наш взгляд, само по себе не может гарантировать сбалансированный и устойчивый экономический рост, обеспечивающий реализацию человеческого потенциала, сокращение различий внутри региона в уровне и качестве жизни населения.

По мнению авторов, при реализации стратегии развития региона необходимо обратить внимание на следующие факторы, которые могут вызвать негативные эффекты.

Во-первых, с расширением конкурентных видов экономической деятельности растет и заработная плата занятых в них, что в перспективе может привести к перетоку рабочей силы в конкурентоспособные быстро развивающиеся производства из менее привлекательных отраслей. Наиболее уязвимым в этом отношении представляется сельское хозяйство, где предложение факторов производства ограничено по естественным причинам.

Концентрация человеческого капитала в тех или иных областях деятельности может быть связана только с тремя причинами: высоким уровнем оплаты труда, созданием комфортных условий труда и/или социальной популярностью отрасли. Вполне вероятно, что предпочтение населения будет отдаваться сферам деятельности с более высокой оплатой труда, таким, например, как транспортная логистика, строительство, разработка новых месторождений и пр., в которых, по имеющимся оценкам, будет создано на территории Тувы около 10 тысяч новых рабочих мест [Балакина, 2019. С. 26].

Поэтому, на наш взгляд, принципиально значимой для пространственного развития региона может оказаться депопуляция сельских поселений. Сегодня удельный вес сельских жителей в общей численности населения республики составляет почти половину. Притом, что крайне неравномерное размещение населения по территории республики уже сейчас порождает ряд проблем, перспективная концентрация населения вблизи точек роста за счет села может вызвать измельчение сельских населенных пунктов, нарушить функционирование агропромышленного комплекса и привести к дестабилизации демографической ситуации в сельской местности, вызывающей снижение человеческого капитала и нехватку трудовых ресурсов необходимой квалификации [Соян, 2020. С. 140].

Во-вторых, строительство МТК, а в дальнейшем и ИМТС для выхода на транзитные коридоры из Европы в страны АТР, бесспорно, будет способствовать расширению транспортно-логистических потоков и превращению Тувы из транспортного тупика в международный транспортный коридор [Комашинский и др., 2019. С. 25]. В то же время часть тувинской территории,

находящаяся преимущественно вне основного ареала населенности, не входящая в точки роста, отличающаяся недостаточным уровнем развития предпринимательства и трудовых ресурсов, будет характеризоваться продолжением неуклонного сокращения размещенных там факторов производства. В первую очередь под угрозой оказывается опять-таки аграрный сектор республики, и без того кризисное состояние которого может только усугубиться [Дабиев, Дабиева, 2015. С. 280].

В-третьих, территориальная неравномерность ожидаемого роста внутри Тувы и перспективы сдвига в структуре занятости могут привести к постепенной пространственной поляризации развития.

Выводы

Пространственное развитие региона определяется множеством внутренних и внешних по отношению к нему факторов. В новой стратегии пространственного развития России на основе анализа этих факторов для каждого региона определена его перспективная экономическая специализация – точки роста, и исходя из этого – меры государственной поддержки и регулирования. Однако само по себе это еще не является достаточным основанием для повышения инвестиционной привлекательности региона.

Для повышения эффективности инвестиционного процесса Республике Тыва необходима его системность, которая обеспечивается определенным сочетанием мер бюджетно-налоговой, денежно-кредитной, промышленной, социальной, инвестиционной политики с учетом позиционирования территории в межрегиональной системе специализации и фазы цикла национальной экономики и т.д.

По мнению авторов, системный процесс формирования в Республике Тыва привлекательной для инвестора среды требует большего участия правительственных структур для реализации функции государства в иерархии структур координированного развития: верхний уровень – Правительство РФ, определяющее задачи, принципы, приоритеты и основные направления пространственного развития России, перспективные центры роста и перспективные специализации субъектов Федерации; далее – макрорегиональный уровень, с институтами, координирующими инвестиционное развитие в макрорегионе

и финансовыми инструментами (например, создание в перспективе Ангаро-Енисейского банка, финансовой биржи); региональный уровень – институциональный, административный и общественный (фондовые инструменты развития, корпорации развития, административные службы Республики Тыва как субъекта Федерации и наиболее динамичная среда в виде общественных институтов, координирующих социально-экономическое развитие региона).

Структуры координированного развития определяют различные формы поддержки, дают оценку возможности преодоления как реальной, так и потенциальной депрессивности территорий, устранения резких различий социально-экономического развития внутри каждой страны и создания условий устойчивого функционирования экономики регионов.

Литература

Асаул М. А., Малыгин И. Г., Мохов А. Е. Международные транспортные коридоры Евразии и Экономический пояс Шелкового пути // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 4. С. 33–40.

Балакина Г. Ф., Поподько Г. И. Целевые экономические зоны как инструмент развития депрессивных регионов // Экономическое возрождение России. 2014. № 3 (41). С. 146–150.

Балакина Г. Ф. Стратегические направления развития Республики Тыва в перспективе до 2030 г. // Природные ресурсы, среда и общество. 2019. № 2 (2). С. 25–32.

Дабиев Д. Ф., Дабиева, У. М. Проблемы и перспективы развития сельского хозяйства Тувы // Проблемы современной экономики. 2015. № 3 (55). С. 280–282.

Донгак Б. А. Организация предпринимательской деятельности посредством создания этнокластеров в Республике Тыва. Автореф. дисс. канд. экон. наук. СПб., 2015. 19 с.

Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135–145.

Кожанский В. И., Шаталова Н. В., Асаул А. Н. Когнитивная экономика и транспорт // Технологии построения когнитивных транспортных систем. Материалы всероссийской научно-практической конференции. ФГБУН Институт проблем транспорта им. Н. С. Соломенко Российской академии наук. 2019. С. 21–29.

Лебедев В. И. Освоение минерально-сырьевой базы Республики Тыва // В сборнике: Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура. Материалы 2-й Международной научно-практической конференции. Кызыл, 2017. С. 199–212.

Левин Ю.А., Павлов А.О. Анализ конкурентоспособности и условий ведения бизнеса на Дальнем Востоке // Финансовый бизнес. 2019. № 1 (198). С. 20–23.

Пале С.В. Торгово-транспортные перспективы России и Азии // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. 2018. Т. 1. № 2 (39). С. 35–39.

Поподько Г.И. Пути преодоления неравенства социально-экономического развития отсталых регионов (на примере Республика Тыва) // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 9. № 4(31). С. 315–328

Полянова О.С., Краснова Т.Г. Мировой опыт снижения региональной социально-экономической интеграции // Международный журнал прикладных наук и технологий Integral. 2020. № 1. С. 27. DOI: 10.24411/2658–3569–2020–10005

Самуха В.И., Краснова Т.Г., Трусова С.В. Модель создания и реализации межрегионального проекта «Енисейская Сибирь» // Известия Байкальского государственного университета. 2019. Т. 29. № 2. С. 324–331. DOI: 10.17150/2500–2759.2019.29(2).324–331

Себек В.К., Сагаанов К.Б., Ооржак А.М. Анализ транспортной инфраструктуры Республики Тыва // Научное обозрение: теория и практика. 2017. № 11. С. 72–81.

Соян Ш.Ч. Условия трудоустройства в Республике Тыва в оценках населения // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 140–144.

Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail. Crown Business, NY. 2012. 704 p.

Minakir P.A., Dzhurka N.G. The methodological foundation of spartial studies in economics. Herald of the Russian Academy of Sciences. 2018. Т. 88. No. 4. Pp. 281–288.

Shvetsov A.N. Growth points or black holes: how efficient are state stimulation tools for territorial development? // Regional Research of Russia. 2017. Т. 7. No. 2. Pp. 108–119.

Статья поступила 11.03.2020.

Статья принята к публикации 15.06.2020.

Для цитирования: Асаул А.Н., Асаул М.А., Левин Ю.А., Себек В.К. Конкурентные преимущества и инфраструктурные ограничения в Республике Тыва: вызовы времени // ЭКО. 2020. № 9. С. 156–168. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-9-156-168.

Summary

Asaul, A.N., Doct. Sci. (Econ.), Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Saint Petersburg, Asaul, M.A., Doct. Sci. (Econ.), Moscow Automobile and Road State Technical University, Moscow, Levin, Yu.A., Doct. Sci. (Econ.), Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Sevek, V.K., Doct. Sci. (Econ.), Dean of Tuva State University, Kyzyl

Competitive Advantages and Infrastructure Restrictions in the Republic of Tyva: Challenges of the Time

Abstract. The paper considers the potential of structural transformations of the Republic of Tyva with account of specific features of its territory in the context of the new spatial development strategy of Russia and long-term interests

of the state in the Angara-Yenisei macro-region. Its objective is development of and argumentation for a new vision of the role of the state as a coordinator and regulator of achieving Russia's strategic interests in the Asia-Pacific region. The paper identifies main directions of future development of the Republic of Tuva in the context of structural transformation policy. It is proposed to use tools that stimulate investment activity to solve the problems of structural deformations of the economy of the Republic of Tuva. The conclusion suggests that the systemic process of increasing the efficiency of using the resource potential and creating an attractive environment for investors in the Republic of Tuva requires not only greater involvement of government structures through specific regulatory measures but also using a wide range of indirect methods based on approaches for coordination of socio-cultural and economic development.

Keywords: *Angara-Yenisei macro-region; spatial development; investment climate; socio-cultural development; economic development; human potential*

References

Acemoglu, D., Robinson, J. (2012). "Why Nations Fail". *Crown Business Publ. NY*. 704 p. (In Engl.).

Asaul, M.A., Malygin, I.G., Mokhov, A.E. (2019). International Transport Corridors of Eurasia and the Silk Road Economic Belt. *Euroasian Integration: economics, law, politics*. No. 4. Pp. 33–40. (In Russ.).

Balakina, G.F. (2019). Strategic directions of the Republic Tuva development in the future until 2030 *Prirodnye resursy, sreda i obshchestvo*. No. 2 (2). Pp. 25–32. (In Russ.).

Balakina, G.F., Popod'ko, G.I. (2014). Target economic zones as a tool for developing depressed regions. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. No. 3 (41). Pp. 146–150. (In Russ.).

Dabiev, D.F., Dabieva, U.M. (2015). Problems and prospects of development of agriculture in Tuva. No. 3 (55). Pp. 280–282. (In Russ.).

Dongak B.A. (2015). Organization of entrepreneurial activity through the creation of ethnic clusters in the Republic of Tuva. *Author's abstract. diss. Cand. econom. sciences*. SPb. 19 p. (In Russ.).

Komashinskii, V.I. et al. (2019). Cognitive Economics and transport. *Tekhnologii postroeniya kognitivnykh transportnykh system. Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Institut problem transporta im. N. S. Solomenko Rossijskoj akademii nauk*. S-Peterburg. Pp. 25–31. (In Russ.).

Lebedev, V.I. (2017). Development of the mineral resource base of the Tuva Republic. *In the collection: Regional economy: technology, economics, ecology and infrastructure. Materials of the 2nd International Scientific and Practical Conference*. Kyzyl. Pp. 199–212. (In Russ.).

Levin, Yu.A., Pavlov A.O. (2019). Analysis of competitiveness and business conditions in the Far East. *Financial business*. No. 1 (198). Pp. 20–23. (In Russ.).

Minakir, P.A., Dzhurka, N.G. (2018). The methodological foundation of spartial studies in economics. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 88. No. 4. Pp. 281–288. (In Engl.).

Pale, S.V. (2018). Trade and transport prospects of Russia and Asia. *Yugo Vostochnaya Aziya: Aktual'nye problemy razvitiya*. Vol. 1. No. 2 (39). Pp. 35–39. (In Russ.).

Popod'ko, G.I. (2017). Ways to overcome the inequality of socio-economic development of backward regions (for example, the Republic of Tyva). *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. Vol. 9. No. 4 (31). Pp. 315–328. (In Russ.).

Poyanova, O.S., Krasnova, T.G. (2020) World experience in reducing regional socio-economic integration. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh nauk i tekhnologij Integral* No. 1. P. 27. (In Russ.). DOI: 10.24411/2658–3569–2020–10005

Samuha, V.I. et al. (2019). Model of creation and implementation of the interregional project “Yenisei Siberia” *Izvestiya Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 29. No. 2. Pp. 324–331. (In Russ.). DOI: 10.17150/2500–2759.2019.29(2).324–331

Sevek, V.K. et al. (2017). Analysis of the transport infrastructure of the Republic of Tyva. *Nauchnoe obozrenie: teoriya i praktika*. No. 11. Pp. 72–81. (In Russ.).

Shvetsov, A.N. (2017). Growth points or black holes: how efficient are state stimulation tools for territorial development? *Regional Research of Russia*. Vol. 7. No. 2. Pp. 108–119. (In Engl.).

Soyan, Sh. Ch. (2020). Conditions of employment in the Republic of Tyva in the estimates of the population. *Sociological studies*. No. 6. Pp. 140–144. (In Russ.).

Zubarevich, N.V. (2019). Spatial development Strategy: priorities and tools. *Voprosy ekonomiki. Economic Issues*. No. 1. Pp. 135–145. (In Russ.).

For citation: Asaul, A.N., Asaul, M.A., Levin, Yu.A., Sevek, V.K. (2020). Competitive Advantages and Infrastructure Restrictions in the Republic of Tyva: Challenges of the Time. *ECO*. No. 9. Pp. 156-168. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-9-156-168.

Альтернативные взгляды на экономику: «Сочинения» Г. И. Ханина

В. И. КЛИСТОРИН, доктор экономических наук. E-mail: klistorin@ieie.nsc.ru
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирский национальный исследовательский государственный
университет
ORCID: 0000-0002-4011-5932

П. Н. ТЕСЛЯ, кандидат экономических наук. E-mail: teslia.pavel@gmail.com
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирский технический университет, Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет, Новосибирск
ORCID: 0000-0001-5128-2564

Аннотация. В рецензии обсуждается сборник произведений известного советского/российского экономиста Г. И. Ханина, вошедшего в историю научно-экономической и социально-политической жизни СССР и России своей статьей (совместно с В. Селюниным) о лукавстве официальной статистики. Сборник содержит основные работы автора по альтернативным оценкам советской и российской экономик, исследованиям экономической истории и социально-экономических проблем общества, порождающих кризисные явления. Дан краткий обзор основных идей автора, среди которых – обсуждение причин отставания советской науки, выявление дефектов современного российского капитализма, постановка задачи перехода к плановой/командной экономике, перераспределению доходов и богатства в современной России. Заметное место в сборнике занимают воспоминания автора, в которых нашли отражение важные вехи истории страны и идей, как самого автора, так и его коллег. В рецензии обсуждаются возможные причины, из-за которых у Г. И. Ханина мало последователей и сторонников его подхода. В частности, рассмотрена методология измерения капитала по восстановительной стоимости, расчетов альтернативной величины амортизационных расходов. Обсуждаются взгляды автора на политику Банка России.

Ключевые слова: экономическая история; статистика; альтернативные оценки; российский капитализм; социализм; инфляция; эффективность капитала; политика Центрального банка РФ

Товарищество научных изданий КМК выпустило в 2020 г. двухтомник, в который вошли статьи научного и мемуарного характера. Их автором является известный советский и российский экономист Г.И. Ханин, чье творчество охватывает широкий спектр актуальных по настоящее время областей экономической и исторической науки. Он первым публично подверг сомнению достоверность официальной советской статистики и произвел альтернативные оценки развития советской экономики, одним

из первых поставил вопросы: когда развитие экономики происходило наилучшим образом, когда и как стали накапливаться критические дефекты, приведшие к разрушению экономических механизмов СССР и к распаду великой державы?

Книги Г.И. Ханина заслужили свое место в библиотеках университетов и на полках личных кабинетов специалистов по экономической истории СССР и России, а также всех, кого волнует состояние отечественной экономики и ее перспективы. Их чтение – дело не простое, но усилия эти окупаются. Молодые ученые и студенты получают уроки работы с данными, не усвоив которые, экономистами не становятся. В век почти полного господства эконометрики статьи Ханина будут удерживать исследователя от непродуманного применения легкодоступных, удобных и «надежных» статистических программных пакетов и моделей для обработки фальшивой статистики.

Здесь мы предлагаем краткий обзор основных научных тем, представленных в двухтомнике [Ханин, 2020], и пытаемся дать свои ответы на вопрос, который занимал автора на протяжении его творческой жизни: почему развиваемые им идеи не привлекли той массы последователей, которых они заслуживают?

При цитировании обсуждаемой книги мы будем указывать номер тома и страницу.

Как лучше всего читать эту книгу?

Двухтомник представляет собой сборник статей, написанных в разные годы и посвященных различным сюжетам. По жанру отдельные статьи и разделы следует отнести к экономико-статистическим и историческим исследованиям, мемуарной литературе и публицистике. Поэтому привычный способ чтения «от корки до корки», на наш взгляд, не лучший в данном случае. Мы советуем начать с мемуарной части, которая расположена где-то после первой сотни страниц второго тома. Почему? Во-первых, это будет увлекательно. Во-вторых, станет яснее обстановка, в которой автор писал исследовательские работы, помещенные в сборнике, станут понятнее господствующие в то время представления и та научная среда, в которой жили и работали отечественные экономисты. Знакомство с мемуарами сделает более понятной мотивацию автора, драматизм рождения и развития его научных концепций. Мемуары Г.И. Ханина можно

считать своеобразным историческим обзором эпохи, о которой молодым читателям не всегда смогут рассказать их дедушки и бабушки – не всем довелось попасть в ту среду, из которой произрастали идеи, перевернувшие (и разрушившие) советский мир. Особенно интересным будет это чтение для молодых российских экономистов.

После прочтения мемуаров можно взяться за основной текст и двигаться в естественном порядке – от начала к концу. Этот путь логичен и удобен, хотя соблюдать порядок, предложенный автором-составителем, не обязательно. Это не роман с непрерывной сюжетной линией, а сборник самостоятельных исследований. Собранные в двухтомник статьи и фрагменты книг сгруппированы по темам, основные из которых мы здесь осветим.

Чем замечательны мемуары?

Они написаны живым и содержательным языком. Текст экономичен, в нем нет пустых слов, излишеств и красотостей. Это сильно облегчает понимание того драматического времени, в котором учился и работал Г. И. Ханин – начиная со «Сталинской (не хрущевской!) оттепели» и заканчивая современностью – излетом «возрождения России» 2010-х гг. Автор смог сдержанно, но эмоционально передать свои переживания. Все это внушает доверие к тексту.

События в основном излагаются в хронологическом порядке – от рождения автора до современности. Г. И. Ханину во многом повезло. Судьба вела его «в горячие точки» интеллектуальной жизни страны и мира, туда, где от экономиста могло что-то зависеть. И эти горячие точки изображены живо и естественно. Это Ленинградский финансово-экономический институт, Новосибирский государственный университет, Институт экономики и организации промышленного производства, Тувинский научный центр, Центральный экономический институт, Институт народнохозяйственного прогнозирования, далее – по всему миру, от Швеции до США и Японии.

Г. И. Ханин испытал и огонь, и воду, и медные трубы – и славу, и опалу, все это нашло отражение в книге. Самое интересное в этих мемуарах – люди и идеи. Автор, безусловно, субъективен в своих оценках, не со всеми из них (во всяком случае,

относительно людей, лично знакомых рецензентам) хочется соглашаться, но во всех случаях он искренен и принципиален.

Тема 1: «Лукавая цифра» и альтернативные оценки

Статья с этим названием появилась в «толстом» литературном советском журнале «Новый мир» в начале 1987 года. Она стала «бомбой», авторы писали то, о чем догадывались некоторые, подзревали все, но не писал до этого никто. Возможно, эта бомба внесла своей ударной силой вклад в расшатывание устоев советского государства. Г.И. Ханин совместно со своим соавтором В.И. Селюниным ярко и недвусмысленно показали, что власть обманывала граждан и саму себя, и потому она была обречена на гибель. События, развернувшиеся в стране четырьмя годами позднее выхода статьи в свет, показали, что авторы были правы.

Кроме публицистического запала, «Лукавая цифра» содержала и глубокую аналитику. Г.И. Ханин и В.И. Селюнин показали читателям, что пазлы официальной статистики не стыкуются между собой, что является основой для проведения расследований. Именно этим стал заниматься Г.И. Ханин на регулярной профессиональной основе. Углубившись в статистику, он создал серию альтернативных оценок, свободных от искажений, которыми кишели публикации статистических органов.

Надо было иметь изрядную смелость и авторам, и издателю, чтобы решиться на публикацию «Лукавой цифры». Это были годы перестройки и гласности, однако даже в то время авторы достаточно серьезно рисковали. Увлекает и чтение истории написания этой статьи.

Что было ключом, которым Г.И. Ханин вскрыл статистический обман? Им оказался прием, известный среди экономистов, но до этого по понятным причинам в СССР не применявшийся. Еще в 1968 г. издательство «Статистика» опубликовала перевод великолепной книги Оскара Моргенштерна «О точности экономико-статистических наблюдений» [Моргенштерн, 1968]. Там среди множества глубоких идей можно было найти описание следующего статистического метода: в случае сомнения в достоверности данных опираться следует на те из них, которые труднее всего поддаются манипуляции, менее всего искажаются

из-за стремления к выгоде или защищены законом, требующим ответственности за искажение отчетности.

Вот к каким выводам пришли авторы «Лукавой цифры» в результате своих размышлений: «Статистических показателей много, но значение их для руководителя предприятия различно. От одних ему ни жарко, ни холодно. Для чего, скажем, исказить отчет о потреблении электроэнергии? До недавних пор за этот показатель никто не спрашивал, да и теперь спрос невелик. Ищите измерители “нейтральные”, считайте по ним – и вы будете близки к цели. Однако если тот же показатель стал директивным, ему опять мало веры» [Т. 1. С. 23]. После систематизации всех статистических источников и выбора наилучших опорных данных Г. И. Ханин остановился на натуральных показателях, а из них наиболее надежными измерителями экономической активности счел выработку электроэнергии и грузовые железнодорожные перевозки. Эта статистика публикуется с минимальными искажениями и достаточно оперативно.

Применение метода контроля статистических показателей по натуральным объемам материальных услуг и выпуска некоторых видов продукции позволило показать, что в конце 1980-х гг. в советской экономике назрели предпосылки серьезного кризиса, а процесс скатывания экономики в пропасть начался еще с конца 1960-х гг.

Вслед за успешной публикацией «Лукавой цифры» Г. И. Ханин провел серию исторических исследований для оценки успехов СССР на разных этапах. И здесь его ожидали новые находки. Период НЭПа, традиционно превозносившийся историками и экономистами, на деле был не более чем этапом восстановительного роста, дальнейшие перспективы его развития были весьма сомнительными, и переход к ускоренной индустриализации произошел по необходимости. «Выход был такой: либо пойти на поклон к отечественным и иностранным капиталистам и фактически отказаться от существующей социальной системы, либо осуществить ценой колоссальных жертв рывок вперед в рамках существующей системы. Перед таким же историческим выбором стоял СССР в 1980-е гг. и, забегая вперед, РФ в настоящее время» [Т. 1. С. 83]. Правда, при этом Ханин игнорирует то, что уже через 3–4 года после запуска НЭП стали сворачивать, налоги увеличивать, концессии национализировать и т.д. Не говоря уже

об увеличении разрыва между ценами на аграрную и промышленную продукцию (так называемых ножниц цен).

Та же методика использовалась при исследовании послевоенного роста советской экономики. Г.И. Ханин приходит к неожиданному для многих выводу: «оттепель» и «перестройка» начались еще при Сталине [Т. 1. С. 121]. Чтобы обосновать это, ему пришлось заняться не только экономическими, но и историческими изысканиями. Читатель узнает, что в управлении государством в начале 1950-х гг. произошла серьезная трансформация, настолько сильно затронувшая партийную и государственную верхушку, что той пришлось пойти на убийство Сталина [Т. 1. С. 130].

«Советское экономическое чудо 1950-х годов» – альтернативная оценка Г.И. Ханиным подъема советской экономики после смерти Сталина. Здесь убедительно доказывается, что в рассматриваемом периоде происходил по-настоящему интенсивный экономический рост. Что касается периода, начинающегося в середине 1960-х гг., который большинство экономистов считало порой подъема и оживления хозяйственной активности в ответ на рыночные реформы, пусть даже половинчатые и противоречивые, то, по Г.И. Ханину, это мнение было ошибочным. Такая точка зрения заставляет задуматься о многом.

Тема 2: общество и институты

Одно из самых укоренившихся заблуждений, разделяемое и сегодня многими политическими деятелями и экономистами, состоит в том, что Россия обладает мощной наукой и системой высшего образования, неисчерпаемым ресурсным потенциалом и развитой промышленностью. Опираясь на этот потенциал, якобы с легкостью можно выйти из затянувшейся стагнации, проявив политическую волю. От этих заблуждений необходимо, пока не поздно, отказаться, и Г.И. Ханин делает свой весомый вклад в эту задачу. Состоянию человеческого капитала и его деградации посвящена подборка статей под названием «Современное общество».

В каком обществе мы живем? Можно ли считать его капиталистическим? Вот какие вопросы задает Г.И. Ханин и дает на них ответы. Наш капитализм, возраст которого еще пока не велик, но уже достаточен, чтобы нести социальную ответственность,

капитализмом фактически не является. Этот вывод Г.И. Ханин делает на нескольких уровнях анализа: статистическом, политическом и моральном.

Российская наука и образование находятся в плачевном состоянии. Командная экономика по большому счету нуждалась только в военной науке. Но поскольку последняя не может развиваться без подпитки из гражданской сферы, где науку никто реально не поддерживал, оставался единственный вариант – заимствовать научно-технические разработки за рубежом и пытаться их использовать. Такой вариант научно-технического развития практиковался повсюду – и Япония, и «азиатские тигры» шли поначалу по этому пути. Поначалу. А затем они совершали технологический рывок на базе сначала имитаций западных технологий, а потом уже и собственных разработок. Почему это не произошло в России? На этот вопрос Г.И. Ханин отвечает в статье «На чем спотыкается советская наука».

О состоянии институтов гражданского общества в России Г.И. Ханин пишет следующее: «Россия представляет собой почти пустыню в отношении институтов, способных к созидательной деятельности в интересах общества и его будущего». Причина этого – «состояние населения современной России. Оно является результатом географических и исторических особенностей развития России в течение многих веков, огромных демографических потерь в XX и начале XXI вв. (по моим примерным подсчетам, в 70–80 млн человек), деградации образования и культуры в постсоветский период» [Т. 1. С. 312–313]. Но верно было и обратное: деградация институтов вела к упадку человеческого капитала, что в книге Ханина не обсуждается.

Тема 3: выбор стратегии выхода из кризиса

Эту тему Г.И. Ханин так или иначе развивает во всех статьях, написанных в постсоветский период. Вот одна из его постановок вопроса о выборе строя реформ: «Вовсе не очевидно, что единственным выходом из экономических трудностей 1990-х гг. было реформирование экономики на рыночных началах. Существовали и другие альтернативы реформирования в рамках прежней экономической модели, которые обсуждались только учеными коммунистической ориентации и уже по одному этому исключались

из рассмотрения сторонниками других политических взглядов, декларирующими свою идеологическую неангажированность в научной области» [Т. 1. С. 153].

Заметим, однако, что сторонники «коммунистической ориентации» предлагали нежизнеспособные модели реформ вроде «ускорения» и «эффективного использования уникального научно-технического и промышленного потенциала». Эти идеи Г.И. Ханину близки, но возможность их реализации он оценивает невысоко.

Социальный строй господства новой буржуазии, возникший над недоразвитыми институтами гражданского общества СССР, вызывает отвращение у автора. Г.И. Ханин много размышляет, почему российский капитализм приобрел столь уродливые черты. Судя по всему им написанному, сама схема проводимых реформ способствовала свободе криминальной деятельности. Либеральные реформы «освободили» преступные наклонности людей и дали простор для грабежа. Г.И. Ханин скрупулезно собирал статистику распределения богатства и истоков обогащения. Он выяснил, что среди верхней двадцатки российских богачей нет ни одного человека, который создал бы капитал своими силами. Все эти богатства были «получены по наследству» (читай: от народа, создавшего их).

Заметим, что Г.И. Ханин почему-то думает, что западный капитализм, в отличие от российского, «беленький и пушистый»: «Преступность играла определенную роль в образовании первоначального капитала и на Западе. Вспомним хотя бы пиратство, работорговлю, поставки негодных изделий в период войн, даже взрывы железнодорожных линий конкурентов. Но это все-таки были, скорее, исключения. Была не всегда лояльная коммерческая практика, но преступники не стояли во главе крупных коммерческих фирм. Я не знаю ни одного крупного западного бизнесмена, который сидел бы в тюрьме за уголовные преступления» [Т. 1. С. 263].

В этом месте у читателя возникает удивление. Допустим, Г.И. Ханин не знаком лично с теми западными бизнесменами, которые сидят или сидели за решеткой в результате своей преступной предпринимательской деятельности, но разве можно не знать такие имена, как Майкл Милкин, Ник Лисон, Кеннет

Лей, Бернард Мэдофф и другие. Нет ни одного серьезного экономиста, который не слышал бы о «Деле Enron»¹.

Г.И. Ханин воистину экономист альтернативы. До перехода к капитализму он был горячим сторонником рынка. После крушения СССР он стал интенсивно размышлять, как вернуть командную экономику в том или ином варианте. Эти размышления, как и все, чем занимается Г.И. Ханин, носят конкретный, практический характер. Последний раздел 1-го тома посвящен способам изъятия доходов и богатства российской буржуазии и описанию результирующего распределения.

Очень важно понимать, что предлагаемое Г.И. Ханиным перераспределение доходов и богатства – не самоцель. Эта акция поможет сделать переход экономики России к режиму более высокой нормы накопления, без которой невозможны, по его мнению, переход к обновлению основных производственных фондов и ускорение экономического роста.

Почему идеи Г. И. Ханина остались недооцененными?

Нельзя сказать, что работы Г.И. Ханина вовсе не были замечены, он был и остается «популярным экономистом», нравится ему это или нет. Тем не менее почти во всех его статьях можно встретить жалобы на то, что высказываемые им предложения

¹ Банкротство компании Enron, произошедшее в 2004 г. в итоге крупного скандала, получившего название «Дела Enron», стало одним из крупнейших в мировой истории. Основным обвинением против Enron была фальсификация отчетности, вводившая в заблуждение инвесторов. В ходе разгоравшегося скандала покончил с собой вице-президент компании Клиффорд Бакстер. По приговору суда длительные сроки заключения получили Кеннет Лей – глава компании и её президент с 1986 г., Эндрю Фастоу – глава финансовой службы, Дэвид Данкан – главный аудитор Enron в аудиторской компании Arthur Andersen. В его обязанности входила проверка отчетности Enron. В результате краха Enron десятки тысяч клиентов его пенсионных фондов лишились своих накоплений. Дело Мэдоффа (2009 г.) еще более драматичное. Этот предприниматель построил гигантскую финансовую пирамиду по типу «МММ», украв у своих вкладчиков около 65 млрд долл. О его преступной деятельности в «органы» донесли его собственные сыновья. Мэдоффу присудили огромный тюремный срок – 150 лет. Примечательно, что сам термин «финансовая пирамида» отсутствует в бытовом (непрофессиональном) английском языке. Вместо этого там используется имя еще одного афериста-бизнесмена, изобретшего эту финансовую схему мошенничества, – Понци. Модель аферы так и называется «схема Понци». Понци, кстати, тоже сидел в тюрьме, но не долго. Истории преступной деятельности современных западных деловых людей нашли широкое отражение не только в научной литературе. Про Enron сняли фильм «Энрон: самые смелые парни в комнате», про Мэдоффа – «Лжец, великий и ужасный» (с Робертом Де Ниро в главной роли).

остаются без должного внимания, что так мало экономистов занимаются теми же задачами, которые волнуют его. Частично такое положение можно было бы объяснить (и сам Г.И. Ханин делает это) тем, что российская наука и высшее образование в целом находятся в упадочном состоянии. Ученые и преподаватели перегружены зарабатыванием денег на существование, работая в 4–5 вузах или отработывая гранты. Но чаще всего Г.И. Ханин объясняет непонимание и неготовность принять сделанные им предложения тем, что руководители страны недостаточно грамотны, а уровень экономической науки слишком низок, и год от года становится все ниже. Это объяснение в значительной мере справедливо, в своих статьях Г.И. Ханин приводит много убедительных тому доказательств. Однако хотелось бы обсудить и другие причины такого непонимания.

Неприятие идеи публикации статистики восстановительной стоимости основных производственных фондов (ОПФ) объясняется не только трудоемкостью и недостаточной методологической определенностью данной статистической категории, но и рисками достоверности отчетности. Принятый в настоящее время балансовый метод учета (когда ОПФ учитываются по ценам приобретения) удобен тем, что позволяет проверять достоверность первичных отчетных данных с помощью финансовых документов, не допускающих произвольной интерпретации. А вот восстановительная стоимость должна быть определена с учетом действующих на момент составления отчетов рыночных цен. Чтобы применить этот метод, все принятые на баланс предприятий ОПФ должны быть переоценены по текущим ценам. Но проблема в том, что для получения достаточно достоверных данных объем такой работы непомерен и потому непосилен. Это явно противоречит базовым принципам статистики (информационное наполнение показателя должно требовать не больше затрат, чем выгода, которую доставляет его использование). Кроме того, быстрые технологические изменения могут помешать определению цены, по которой ОПФ должны быть учтены, – нужных цен на рынке просто может и не быть, поэтому и оценить ОПФ в полном объеме будет невозможно без допущений и «профессиональных суждений» статистиков и/или бухгалтеров. Нужен ли нам произвол интерпретации фактов со стороны людей, которые, как пишет Г.И. Ханин, малограмотны? Вряд ли.

Методологическая ценность статистики восстановительной стоимости основных производственных фондов вызывает вопросы. В частности, можно ли пользоваться ею для принятия инвестиционных решений?

Стоимость ОПФ определяется для следующих важных целей:

- во-первых, ОПФ используют для расчета рентабельности инвестированного капитала; рентабельность вычисляется делением прибыли на стоимость ОПФ. Если рентабельность находится на приемлемом уровне, дела обстоят хорошо. Если она меньше пороговой (нормативной) величины, в бизнесе наблюдается неблагоприятное положение, которое необходимо устранить;

- во-вторых, на основе стоимости ОПФ рассчитывается амортизация; назначение последней – определение объема валовых инвестиций, требующихся для воспроизводства капитала на не понижающемся уровне². Если инвестировано меньше, чем показывает сумма накопленной амортизации, то происходит «проедание» капитала. Чаще всего это плохо, но возможна и периодически возникает необходимость выводить капитал из бизнеса, если его перспективы по каким-либо причинам плохи; и тогда капитал «проедают» сознательно, не реинвестируют в то же самое предприятие, а выводят в другие сферы применения.

В каких случаях плох балансовый метод исчисления ОПФ? Чаще всего в периоды высокой инфляции расчетная величина амортизации будет искажать (занижать) оценку необходимых восстановительных инвестиций, поскольку учетная величина ОПФ ведется, согласно этому методу, в исторических ценах. На микроуровне грамотные менеджеры ведут управленческий учет ОПФ удобным для них методом, позволяющим избежать финансовых ошибок.

Отметим, однако, что выбор метода учета ОПФ и начисления амортизации даже в условиях инфляции не однозначно склоняется в пользу метода восстановительной стоимости. Приведем простой пример. Пусть у нас есть маленький бизнес – мы сдаем велосипеды напрокат. Посмотрим, что будет происходить с бизнесом в течение трех лет. Допустим, что в первом году у нас есть только один велосипед, во втором – два (к первому прикупили

² Г. И. Ханин трактует амортизацию иначе, – как источник финансирования инвестиций. Мы считаем такую трактовку некорректной, о чем будет сказано далее.

еще один), в третьем – три. Построим таблицу (табл. 1), в которой рассчитаем ОПФ двумя методами: по балансовой и по восстановительной стоимости. ОПФ будем отражать по состоянию на начало сезона, нормативный срок службы велосипеда пусть будет три года. Амортизацию отразим методом постнумерандо в конце каждого сезона, начисление амортизации пусть производится по методу уменьшающегося остатка.

Таблица 1. Условный пример применения двух методов оценки ОПФ на протяжении четырех лет проекта, у.е.

Показатель	Балансовый метод оценки				Метод восстановительной оценки			
	1	2	3	4	1	2	3	4
Рыночная цена велосипеда	15	20	25	30	15	20	25	30
Количество велосипедов, шт.	1	2	3		1	2	3	
ОПФ	15	35	60		15	40	75	
ОПФ за вычетом амортизации		30	45			35	58,3	
Амортизация нарастающим итогом	5	15	30		5	16,7	36,1	

По первой строке даны текущие рыночные цены велосипедов. Как видно, в расчет заложена инфляция. На 4-й год прогнозируется повышение цены до 30 у.е. Чтобы возместить выбытие первого велосипеда, срок эксплуатации которого истек к концу 3-го года, надо приобрести новый, для чего потребуются соответствующая сумма. Она будет в наличии, даже если вести учет балансовым методом, т.е. по ценам приобретения; сумма накопленной к концу 3-го года амортизации (30 у.е.) оказалась в точности равной стоимости велосипеда, которую необходимо приобрести в начале 4-го года для того, чтобы продолжить ведение бизнеса в прежнем размере. Возможно, однако, что прогноз не оправдается, менеджер ошибется, и цена на рынке велосипедов окажется выше 30 у.е., тогда придется использовать на приобретение нового велосипеда деньги, которые были предназначены для выплаты дивидендов, или даже недоплачивать работникам. Все это – обычный рыночный риск. Если же вести учет восстановительным методом, то окажется, что накопленная амортизация превышает стоимость необходимой покупки: требуется 30, а накоплено 36,1 у.е. Это тоже плохо. Менеджер ошибся, и за эту ошибку либо заплатят акционеры (им недоплатят дивиденды), либо сократятся средства на инвестирование капитала.

Метод восстановительной оценки ОПФ не всегда уместен и не всегда лучше балансового метода. Этот длинный пример мы привели для того, чтобы продемонстрировать, что Г.И. Ханин переоценивает значимость метода восстановительной стоимости для определения необходимых восстановительных капитальных вложений, во всяком случае, на микроуровне экономического анализа.

Возникает вопрос: а имеет ли вообще смысл постановка задачи переоценки ОПФ на макроуровне, чем занимаются в своих исследованиях Г.И. Ханин и его коллеги? Мы считаем эту задачу важной. Без оценки инвестированного капитала с учетом рыночных (ценовых и неценовых) и операционных рисков корректная оценка эффективности экономики невозможна. Тем не менее тот аппарат, которым пользуется Г.И. Ханин для решения этой задачи, адекватным считать нельзя³. Вообще рассуждения Г.И. применимы в экономике, в которой преобладает массовое производство стандартных товаров, а технологии меняются слабо. Более того, такие расчеты годятся для коротких периодов. Как говорил В. Н. Богачев «Нельзя оценивать боеспособность армии числом штыков и сабель». Сейчас многие виды оборудования (например, средства связи, компьютеры и т.п.) полностью амортизируются за три года.

Трактовка амортизации и прибыли как источников финансирования бизнеса для серьезного финансового анализа требует специального обсуждения. Г.И. Ханин считает, что амортизационные отчисления – это деньги, их можно отложить и, когда возникает необходимость, их можно или нужно платить. Вот пример: «Преувеличены и предпринимательские успехи цеховиков.

³ Объем рецензии не позволяет углубиться в обсуждение данной темы. Отметим только один момент: рассчитывая восстановительную стоимость, ХХХ фактически оценивает PV (Present Value) инвестиционных денежных потоков, материализованных в действующих на данную дату ОПФ. Для проведения финансовых расчетов оценки этих денежных потоков должны быть каким-то образом извлечены из имеющейся статистики или составлены на основе альтернативных оценок. Затем эта величина PV сопоставляется с валовой прибылью, порождаемой созданными инвестиционными активами. Такой прием допустим, однако полноценный финансовый анализ требует сопоставлять с данной величиной PV значение дисконтированного денежного потока, который породят изучаемые ОПФ в процессе эксплуатации; в финансах его обозначают FV. Если ОПФ эксплуатируются эффективно, разница между стоимостью будущих свободных денежных потоков и приведенной стоимости инвестиций положительна: $FV - PV > 0$.

Они работали, не платя амортизационных отчислений...» [Т. 1. С. 250]. «Для целей накопления используются часть прибыли и амортизация» [Т. 1. С. 319]. Это ошибочное представление.

Нераспределенная прибыль и амортизация были главными «источниками» инвестиций в XIX – начале XX века, но в современном мире предприниматели могут привлекать инвестиции на рынке капитала, и им нет необходимости накапливать денежные средства для реализации проектов, отвлекать их от рентабельного оборота⁴. Поэтому вопрос о цене капитала, как используемого, так и привлекаемого, на рынке играет столь важную роль.

Г.И. Ханин вслед за многими, если не большинством экономистов (о качестве образования которых он столь неодобрительно пишет), полагает, что амортизационные расходы подобны расходам на сырье и материалы. Когда потребуются, можно взять деньги из амортизационного фонда, подобно тому, как их берут из кассы или с расчетного счета предприятия, чтобы платить за основные и оборотные средства, приобретаемые взамен бывших из-за физического и морального износа ОПФ.

Истина состоит в том, что амортизационные расходы являются условными, неденежными расходами (в англоязычной литературе по финансам выражение *nonmonetary costs* широко распространено). Они являются виртуальной сущностью, абстракцией, показывают, какую сумму валового дохода надо исключить из распределения валовой прибыли, чтобы она не ушла из производительного оборота и не попала в руки владельца бизнеса для непроизводительного использования, «проедания» в процессе личного потребления. «Накопление» амортизации происходит виртуально, в бухгалтерских регистрах, таким образом, чтобы к моменту выбытия изношенных ОПФ, сумма, необходимая для

⁴ Финансовый механизм инвестиций в современном бизнесе работает следующим образом. Когда предприниматель хочет сделать инвестицию в некий проект, он привлекает заемный капитал по ставке процента, более низкой, чем доходность его активов и ожидаемой отдачи от капитала, вложенного в проект (в противном случае и банк, и заемщик сильно рискуют, а инвестиция станет неэффективной). Если бы предприниматель отвлек свои денежные ресурсы из оборота, не прибегая к займу, он бы упустил часть выгоды по сравнению с заемным финансированием. Таким образом, банковская система способствует мобилизации общественного капитала и повышению эффективности национальной экономики. Эти моменты Г.И. Ханин не принимает в расчет, отчего происходит его недооценка роли банковского сектора в развитии российской экономики.

возмещения выбытия ОПФ, могла быть отвлечена от нормального оборота капитала, и при этом масштабы бизнеса остались прежними, чтобы производственные мощности предприятия не сократились и не были разрушены другие активы. Если амортизацию вычисляли некорректно, это приводило к непредвиденной потере или, наоборот, незапланированному накоплению капитала. В последнем случае говорили, что амортизация стала источником накопления. Но никаких амортизационных денег и никаких амортизационных счетов в современной реальности не существует.

Амортизационные счета и соответствующие накопления, однако, имели место в советские годы, и это представление живо и поныне.

Что же это были за амортизационные счета? Эти счета открывались в уполномоченных банках (отделениях единого Госбанка) для того, чтобы на них были накоплены амортизационные отчисления для приобретения новых ОПФ в порядке возмещения выбытия, когда у соответствующих предприятий наступал износ действующих фондов. В таком порядке есть логика. Государство, как единый собственник средств производства, поручало предприятиям, которым этим средства были переданы для эксплуатации, обеспечивать их воспроизводство. Для этого амортизация «накапливалась», и когда наступал нужный момент, использовалась для приобретения новых ОПФ взамен выбывших. Когда собственность стала частной, владелец сам решал, как осуществлять финансовый оборот основного капитала, государство в этом процессе не участвовало. В амортизационных счетах надобность отпала, но они продолжили существование в виртуальной форме бухгалтерских регистров.

В своих альтернативных финансовых расчетах Г.И. Ханин оперировал следующим образом: он пересчитывал ОПФ в действующих на соответствующий момент ценах, начислял по отношению к рассчитанной величине амортизацию по нормативам, получал огромные величины и относил их на себестоимость, из чего заключал, что многие «официально рентабельные» отрасли были убыточными: «Поясню, от стоимости основных фондов зависит размер амортизации (вложений на возмещение физического и морального износа основных фондов), а значит, общих издержек и прибыли или убытка компаний. Мы очень

часто убеждались, что считавшиеся Росстатом прибыльными отрасли на самом деле являются глубоко убыточными» [Т. 1. С. 320]. Но, повторим, такой механический расчет является некорректным. Имеется убедительное исследование, в котором показано, к каким абсурдным результатам может привести методология такой «альтернативной» экономики [Суслов, 2011].

Понятно, почему профессиональные чиновники не воспринимают взгляды Ханина: они знают, что завышение амортизации – это способ ухода их «подопечных бизнесменов» от налогов и возможность вывода капитала.

Апологетика политики Центрального банка, изложенная в главе «Является ли Центральный банк России исчадием ада?», вызывает наши принципиальные возражения.

Г.И. Ханин справедливо замечает, что отчетность Банка России обильна, она намного превышает то, что издают другие ведомства РФ. Однако изучать «кухню» и мотивы принятия решений Центробанка Г.И. Ханин предпочитает на основании воспоминаний его руководителей [Т. 1. С. 316]. Этот путь слишком запутан и не надежен. Если прочитать мемуары А. Гринспена, возглавлявшего Совет управляющих ФРС в 1987–2006 гг., можно понять, как сдержанны и неоткровенны руководители банков при обсуждении денежной политики. Много места в этих мемуарах занимает рассказ о том, как А. Гринспен обтекаемо и нейтрально высказывается на публичных заседаниях, сохраняя в тайне истинные намерения и цели ФРС⁵. Уйдя в отставку, он не стал более откровенным. Проводить научное исследование, опираясь на мемуары финансистов, опасно: говорят они не все, скрывают главное.

Гораздо проще изучать мотивацию Банка России по официальным документам, например, по «Основным направлениям единой государственной денежно-кредитной политики», издаваемым ежегодно. Начиная с 2009 г. в каждом таком издании показаны намерения и планы БР на три последующих года. Когда

⁵ Такое поведение Гринспена породило целую отрасль консалтинга: множество аналитиков специализировались на интерпретации намеков, которые можно было обнаружить в высказываниях Председателя ФРС относительно того, какие действия могут быть предприняты этим ведомством на финансовых рынках. От точности этих интерпретаций зависели возможности извлечения спекулятивных прибылей или убытков. О такой практике много писал в своей книге сам Председатель ФРС [Гринспен, 2008].

возникает критическая ситуация, банк оперативно корректирует свои действия и оповещает банковское сообщество и всех заинтересованных лиц о том, что происходит в банковской сфере и какие действия он будет предпринимать как регулятор⁶.

Г.И. Ханин, безусловно, прав, что «представлять, как это часто делается в публицистической литературе, Центральный банк и его руководителей в качестве самостоятельной силы, чуть ли не диктующей денежно-кредитную политику и даже экономическую политику России – значит отдаваться во власть иллюзий» [Т. 1. С. 317]. Однако его защита политики высоких процентных ставок Банка России сочувствия не вызывает.

Рассмотрим исходные тезисы Г.И. Ханина, на которые он опирается в своих рассуждениях относительно процентной политики ЦБ: «Изучавшие когда-либо политическую экономию помнят совершенно правильное утверждение, что процентная ставка отражает соотношение между предложением и спросом на денежные ресурсы. Следовало бы критикам Центрального банка проанализировать, как складывается это соотношение в России в каждый конкретный момент времени. Даже из самых общих соображений, учитывая низкий уровень жизни населения и скудость накоплений в частном секторе, неразвитость финансового сектора и финансовые и экономические риски, реальная процентная ставка в нашей стране неизбежно в среднем будет выше, чем в благополучных западных странах с высокоразвитой финансовой системой. Представим себе, что Банк России установил предельно низкую реальную процентную ставку. Как это скажется на реальной процентной ставке для заемщиков?» [там же].

Во-первых, в учебниках, где излагается ценообразование на финансовых рынках, говорят не просто о спросе и предложении денег, а о торгах между держателями кредитных ресурсов и теми, кто нуждается в последних для финансирования проектов. Устанавливаемая в результате таких торгов равновесная цена, т.е. процентная ставка, соответствует равенству ожидаемой

⁶ В частности, реагируя на распространения коронавирусной инфекции COVID-19, Банк России выпустил специальный номер «Обзора финансовой стабильности» (№ 1 (16) на IV квартал 2019 г. – I квартал 2020 г.), в котором сообщил о принимаемых макроprudенциальных мерах, направляемых на купирование рисков и обеспечение возможностей для финансовой системы в целях выполнения ею своих ключевых функций.

доходности коммерческих проектов (точнее, тех из них, которые являются замыкающими по эффективности) и наименьшей из желательных ставок по всем из участвующих в торгах кредиторов. Проверить, «как складывается это соотношение... в каждый конкретный момент времени» – задача принципиально невыполнимая, и не только применительно к России. Определить весь спектр проектов с их будущими доходностями и выяснить все желательные для кредиторов процентные ставки – немыслимо, особенно с учетом сокрытия важной коммерческой информации. Тем не менее рыночные торги могут выявить и выявляют квазиравновесную процентную ставку.

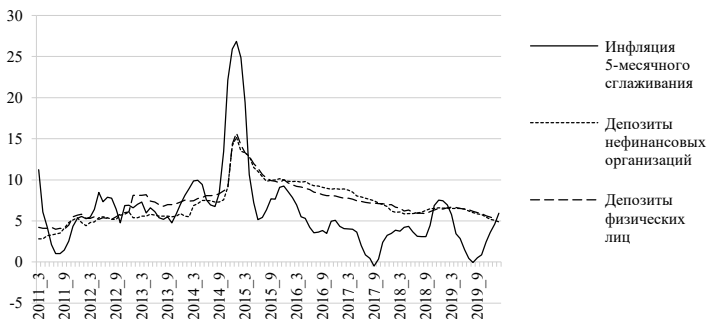
Во-вторых, говоря о реальной процентной ставке, последнюю определяют либо *ex-ante*, либо *ex-post*. Ставка *ex-post* – это прирост покупательной силы денег (кредитных ресурсов), который фактически получают кредиторы в результате завершения кредитной операции – когда заемщик погашает долг вместе с процентами. Как ее посчитать? Это простая задача, ее обычно решают (хотя это и не вполне корректно) следующим образом: из средней годовой номинальной процентной ставки надо вычесть темп инфляции (это правило справедливо при умеренной инфляции; при гиперинфляции применяют немного более сложные вычисления). Со ставкой *ex-ante* дело обстоит несколько сложнее. Чтобы ее вычислить, из средней рыночной на текущий момент процентной ставки надо вычесть *ожидаемый* темп инфляции. Ставка *ex-ante* направлена в будущее, в отличие от того, что ставка *ex-post* констатирует то, что произошло в прошлом; эта ставка и есть объект политики БР.

Когда Центробанк устанавливает ключевую ставку, он оказывает влияние на предстоящие финансовые процессы. Этим он как бы запускает в действие финансовую машину времени, формируя ожидания рыночных игроков, в частности, ожидания инфляции.

Из сказанного ясно, что категория реальной процентной ставки *ex-ante* является принципиальной абстракцией, неverifiedируемой величиной. Однако эта абстракция имеет весьма реальные практические проявления. Это хорошо известно Банку России и используется при выработке денежной политики. Не случайно он ежемесячно публикует информационно-аналитический комментарий «Инфляционные ожидания и потребительские настроения».

Любая политика направлена в будущее. Возникает вопрос: может ли БР управлять *реальной* процентной ставкой, той, которую мы определили как ставку *ex-ante*? Из сказанного выше следует отрицательный ответ. Инфляционные ожидания, которые являются принципиальным фактором, определяющим величину реальной процентной ставки, непосредственному воздействию БР не подлежат, хотя косвенно он на нее и влияет. Не может БР непосредственно влиять и на номинальные процентные ставки. Поэтому предложение Г. И. Ханина «Представим себе, что Банк России установил предельно низкую реальную процентную ставку» экономического смысла не имеет.

Чтобы закончить с вопросом о реальных процентных ставках, рассмотрим динамику темпов инфляции и ставок процента по депозитам физических и юридических лиц, воспользовавшись статистикой ЦБ и Росстата (рисунок). Разрыв между пунктирными и сплошной линиями можно трактовать как усредненную реальную процентную ставку по депозитам, один из видов реальной ставки *ex-post*. Отчетливо видно, что реальная процентная ставка в первой половине 2010-х годов в среднем была близка к нулю, а в отдельные годы даже отрицательной. После финансового кризиса 2014–2015 гг. она становится положительной величиной.

Источники рис. и табл. 2: расчеты авторов на основе данных – инфляция: URL: <https://www.statbureau.org/ru/russia/inflation-tables>; процентные ставки: URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/int_rat/

Темп инфляции (пятимесячная скользящая средняя по ежемесячным темпам, пересчитанным на годовом уровне) и ставки процента по банковским депозитам нефинансовых организаций и физических лиц в 2011–2019 гг. в рублях (исключая Сбербанк),%

Более точные (цифровые) данные приведены в таблице 2. Реальные ставки ex-post по депозитам и кредитам можно вычислить путем вычитания значения темпа инфляции из величин соответствующих ставок. Отчетливо видно, что к концу 2010-х гг. банки перестали платить реальные отрицательные проценты по депозитам нефинансового сектора, как они это делали в 2011–2013 гг., начали платить все более заметные реальные проценты физическим лицам, но не прекратили проводить откровенно ростовщическую политику по отношению к физическим лицам-заемщикам. На начало 2020 г. кредиты, предоставленные нефинансовым организациям, составляли 33,7 трлн руб., физическим лицам – примерно половину от этой суммы, 17,6 трлн руб., а с учетом разницы между процентными ставками (ставки по кредитам физлицам почти вдвое превышали ставки по кредитам предприятиям реального сектора экономики) эти вложения были для банков с точки зрения получаемых процентных доходов практически равноценны. Банки наживаются на беднеющем народе, платя по депозитам близкие к нулю реальные проценты, в то время как нефинансовый сектор испытывает нехватку кредитов не только для финансирования своей инвестиционной деятельности, но и для поддержания текущей ликвидности.

Таблица 2. Среднеарифметические процентные ставки по кредитам и депозитам и среднегеометрические темпы инфляции в 2011–2019 гг., %

Показатель	2011–2013	2014–2016	2017–2019
Кредиты физическим лицам	24,2	24,9	19,5
Кредиты нефинансовым организациям	9,0	13,3	10,3
Депозиты физических лиц	5,8	9,6	7,2
Депозиты нефинансовых организаций	4,8	9,5	7,3
Инфляция	5,6	9,3	3,7

В свете всего сказанного возникает вопрос: играет ли какую-либо роль процентная политика Банка России? Г.И. Ханин считает, что она незначительна. Если исходить из того факта, что кредиты, привлеченные коммерческими банками от Банка России (на 1 мая 2020 г. их было ровно 3 трлн руб.), составляют менее 3% от ресурсов банковской системы, а нефинансовый сектор имеет дело только с коммерческими банками, то Г.И. Ханин прав, изменение ключевой ставки существенной роли не играет, и банки сами определяют условия кредитования своих клиентов.

Но это не так. Ключевая ставка, о чем было сказано выше, работает не только как информационный сигнал, формирующий инфляционные ожидания, что само по себе немаловажно, она, кроме того, встроена в нормативные параметры финансовой системы, начиная со штрафных санкций и заканчивая условиями расчетов по международным договорам.

Г.И. Ханин обращает внимание на использование кредитных ресурсов, полученных нефинансовым сектором от банков в период с конца 2007-го по конец 2016 г.: «Почти весь прирост банковских ссуд пошел на вложения в высоколиквидные активы, а не на расширение физического капитала. Широко распространенные иллюзии, что если Центробанк “впрыснет” в экономику больше денег, то чудесным образом вырастут действительно остро необходимые вложения в расширение основных фондов, – совершенно неосновательны. Все зависит от поведения предприятий» [Т. 1. С. 319].

Возникает еще один вопрос: как же следовало вести себя предприятиям? Если процентные ставки по кредитам превышают 25%, то кредит можно использовать только на ведение высокорискованных спекулятивных операций, которые только и могут принести доходность, достаточную для выплаты ростовщических процентов. Но там, где риск, там и опасность потерь, убытков. Своей процентной политикой банковская система фактически принуждала реальный сектор российской экономики к саморазрушительной деятельности. Предприятия можно и нужно обвинять в участии в спекулятивных торговых операциях. Но что им оставалось делать, чтобы выживать? В это же время сами банки использовали свои кредитные ресурсы точно так же – они вкладывали их в высоколиквидные спекулятивные активы⁷. Так от кого зависело непродуктивное использование финансовых ресурсов? От банков или от предприятий? И Банк России, в чьи функции входит банковский надзор, здесь действительно ни при чем? Но разве он не является

⁷ На 1 мая 2020 г. из 103 трлн руб. банковских ресурсов вложения в долговые ценные бумаги составили 12 трлн руб., кредиты, предоставленные небанковским финансовым организациям – 6 трлн руб., взаимные кредиты, предоставленные кредитным организациям, – 9 трлн руб. Значительная часть этой гигантской денежной суммы 27 трлн руб. могла быть направлена на развитие реального сектора экономики. (Обзор банковского сектора Российской Федерации № 212, 2020.)

ключевым собственником Сбербанка? Разве он не может влиять на финансовую стратегию коммерческих банков рыночными и нерыночными нормативами?

Мы расходимся с Г.И. Ханиным в понимании места банковской системы в институциональной структуре современной российской экономики. Не в полной мере согласны и со следующим утверждением: «Не нужно преувеличивать и роль коммерческих банков в экономике. Они предоставляют и нефинансовому сектору, и населению весьма ограниченную долю денежных ресурсов, основными же являются собственные ресурсы их клиентов, преимущественно в виде выручки нефинансовых организаций и текущих доходов населения» [Т. 1. С. 320]. Не надо преувеличивать, но не надо и преуменьшать.

Заключение

Часть статей двухтомника Г.И. Ханина представляет собой размышления, прежде всего, о судьбе социализма и уроках экономической истории страны. Здесь автор выступает, с одной стороны, как романтик, с другой – как догматик. Когда он пишет о «рабочем самоуправлении», по какой-то причине не вспоминает о традициях муниципального самоуправления, хотя, по нашему мнению, второе гораздо важнее. Изложение «сильных сторон и успехов советского общества» во многом противоречит экономическому анализу самого автора и как бы оправдывает методы индустриализации и многочисленные жертвы. Вообще представление о том, что быстрый экономический рост требует жертв со стороны населения или отдельных классов – очень вредное заблуждение. Точно так же культурная революция, по выражению самого Г.И. Ханина, породившая «образованщину» и приспособленчество, им же оценивается как достижение. Тем не менее технологии нам пришлось покупать или воровать.

Сам он, насколько можно понять – сторонник сильной государственной политики, а все проблемы связывает с низким уровнем образования, профессионализма и морали у власть имущих. Однако, на наш взгляд, вера в меритократию должна подвергнуться критике, поскольку либо люди меняются, либо их выбрасывает из системы.

Чтение «Сочинений» поучительно и местами даже увлекательно. Приходишь к выводу, что исследовательская деятельность

Г.И. Ханина оставила заметный след в советской и российской экономической науке. Благодаря его усилиям жанр «альтернативные экономические расчеты» приобрел признание, российские экономисты стали более пристально смотреть на ту статистику, которую им предоставляют официальные статорганы. Вместе с тем следует заметить, что последователей у Г.И. Ханина меньше, чем он явно заслуживает. Причин несколько. Во-первых, он почти не заботится о том, чтобы его исследования были воспроизводимы. Методология расчетов описывается у него в расплывчатой словесной форме. Во-вторых, те описания гипотез и использованных фактов, которые можно найти в трудах Г.И. Ханина, часто вызывают сомнения и недоумения. Отнесем это на невезение. Сам Г.И. Ханин жаловался, что ему мало везло на редакторов.

Литература

Гринспен А. Эпоха потрясений: проблемы и перспективы мировой финансовой системы. М.: Альпина бизнес букс, 2008. 496 с. (Серия «Сколково»)

Моргенштерн О. О точности экономико-статистических наблюдений. М.: Статистика. 1968.

Суслов Н.И. Ага! Попомните Ханина! // ЭКО. 2011. № 11. С. 124–139.

Ханин Г.И. Сочинения. Т. 1, 2. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2020. 430 с.

Статья поступила 29.06.2020.

Статья принята к публикации 04.07.2020.

Для цитирования: Клисторин В.И., Тесля П.Н. Альтернативные взгляды на экономику: «Сочинения» Г.И. Ханина // ЭКО. 2020. № 9. С. 169-192. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-9-169-192.

Summary

Klistorin, V.I., *Doct. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk State University, Teslya, P.N.,* *Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk*

Alternative Views on Economics: “Writings” by G.I. Khanin

Abstract. The review discusses a recently published collection of works by the famous Soviet/Russian economist G. I. Khanin, who went down in the history of scientific, economic and socio-political life of the USSR and Russia with his article (together with V. Selyunin) about the defects of official Soviet statistics. The collection contains the author’s main works on alternative assessments of the Soviet and Russian economies, studies of economic history and socio-economic problems of society that generate crisis phenomena. A brief overview of the author’s main

ideas is given, including a discussion of the reasons for lagging of Soviet science, identification of defects in modern Russian capitalism, the problem of transition from market to a planned/command economy, and redistribution of income and wealth in modern Russia. A notable place in the collection is occupied by the author's memoirs, which reflect important milestones in the history of the country and the ideas of both the author and his colleagues. This review discusses possible reasons as to why G.I. Khanin has fewer followers and supporters of his approach than the field of study deserves. In particular, the methodology for measuring capital at replacement cost and calculating the alternative amount of depreciation expenses is considered. The author's views on the policy of the Bank of Russia are also discussed.

Keywords: *economic history; statistics; alternative estimates; Russian capitalism; socialism; inflation; capital efficiency; Central bank policy*

References

Greenspan, A. (2007). *The Age of Turbulence: Adventures in a New World*. New York: The Penguin Press. (In Russ.).

Khanin, G.I. (2020). *Selected Works*. Vol. 1, 2. Moscow: KMK Scientific Press. 430 p. (In Russ.).

Morgenstern, O. (1968). *On the Accuracy of Economic Observations*. Princeton: Princeton University Press. (In Russ.).

Suslov, N.I. (2011). Aha! Beware Khanin. *ECO*. No. 11. Pp. 124–139. (In Russ.).

For citation: Klistorin, V.I., Teslia, P.N. (2020). Alternative Views on Economics: "Writings" by G.I. Khanin. *ECO*. No. 9. Pp. 169-192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-9-169-192.

В следующих номерах вы прочтете:

Тема номера:

СИТУАЦИЯ НА ЮГО-ВОСТОЧНЫХ РУБЕЖАХ РОССИИ

- Возможна ли экономическая интеграция в Центральной Азии? Региональный вектор политики Казахстана
- Монгольский коридор: проблемы и перспективы развития транзитно-транспортной системы Монголии

А также:

- Анти-Аузан: критика одной социальной философии. Часть 2
- Статистический мониторинг животноводства в Сибири в 1930-е годы
- Особенности новой Доктрины продовольственной безопасности
- От Энциклопедии до Википедии: трансформация социальной структуры знания в эпоху постмодерна
- Импортозамещение в мясной промышленности: экспансия за доллар
- Влияние продвижения легковых электромобилей на потребление нефти
- Роль энергетического сектора России в формировании бюджета страны
- Проявление рыночной власти на примере российских генерирующих компаний

«ЭКО» (Экономика и организация промышленного производства).

ISSN 0131-7652

E-ISSN 2686-7605

2020. № 9. 1–192

Художник В.П. Мочалов

Технический редактор Н.Н. Сидорова

Адрес редакции и издателя: 630090 Новосибирск,
пр. Академика Лаврентьева, 17.

Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35

E-mail: eco@ieie.nsc.ru

© АНО «Редакция журнала «ЭКО», 2020. Выход в свет 30.09.2020

Формат 62x94. Цифровая печать. Усл. печ. л. 10,08

Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 270. Заказ 108. Цена свободная

Отпечатано в типографии: ФГУП «Издательство СО РАН»
630090, г. Новосибирск, Морской проспект, 2